

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК · ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
АЛЬМАНАХ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Адам Ева
Адам & Ева

GENDER HISTORY REVIEW

2018

Москва

№26

ББК 63.3

A 281

Главный редактор

А.Ю. СЕРЕГИНА

Ответственный редактор

А.В. СТОГОВА

АДАМ & ЕВА. Альманах гендерной истории.

Под ред. А.Ю. Серегинной. Отв. ред. А.В. Стогова – № 26. Москва: ИВИ РАН, 2018. – 320 с.

ADAM & EVE. Gender History Review.

Chief Editor: Anna Seregina. Editor: Anna Stogova – № 26. Moscow: IGH RAS, 2018. – 320 p.

Альманах «Адам & Ева» – первое в России периодическое издание, специально посвященное проблемам гендерной истории, которая является составной частью междисциплинарного направления в социальном и гуманитарном знании. Авторы используют широкие возможности гендерного анализа в изучении различных исторических эпох и сфер человеческой деятельности, рассматривая прошлое и настоящее сквозь призму взаимоотношений между полами и социокультурных представлений о «мужском» и «женском».

ЭЛ № ФС 77-54410

ISSN 2307-8383

© Коллектив авторов, 2018

© Институт всеобщей истории РАН, 2018

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

АННА СЕРЕГИНА

Редакторы

ЕКАТЕРИНА КИРИЛЛОВА

МАРИЯ НЕКЛЮДОВА

МАЙЯ ПЕТРОВА

АННА СТОГОВА

ОЛЬГА ТОГОЕВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ЛОРИНА РЕПИНА

(Москва)

ИДА БЛУМ

(Норвегия)

МАРИНА ВИНОКУРОВА

(Москва)

КРИСТИНА ВОРОБЕК

(США)

НАТАЛИ ЗЕМОН ДЕВИС

(Канада)

ОЛЬГА ДЕМИДОВА

(С.-Петербург)

ЮРИЙ ЗАРЕЦКИЙ

(Москва)

ГАЛИНА ЗВЕРЕВА

(Москва)

КАТРИОНА КЕЛЛИ

(Великобритания)

МАРИАННА ЛИЛЬЕСТРЕМ

(Финляндия)

НАТАЛЬЯ ПУШКАРЕВА

(Москва)

МИШЕЛЬ ПЕРРО

(Франция)

ЭЛИЗАБЕТ ШОРЕ

(Германия)

СЕМЕН ЭКШТУТ

(Москва)

EDITORIAL BOARD

Chief editor

ANNA SEREGINA

Editors

EKATERINA KIRILLOVA

MARIA NEKLYUDOVA

MAYA PETROVA

ANNA STOGOVA

OLGA TOGOEVA

EDITORIAL COUNCIL

LORINA REPINA

(Moscow)

IDA BLOM

(Norway)

MARINA VINOKUROVA

(Moscow)

CHRISTINE WOROBEC

(USA)

NATALIE ZEMON DAVIS

(Canada)

OL'GA DEMIDOVA

(S.-Petersburg)

JURI ZARETSKIY

(Moscow)

GALINA ZVEREVA

(Moscow)

CATRIONA KELLY

(United Kingdom)

MARIANNE LILJESTROM

(Finland)

NATALIA PUSHKAREVA

(Moscow)

MICHELLE PERROT

(France)

ELISABETH CHEAURE

(Germany)

SEMEN EKSHUT

(Moscow)

НЕГАТИВНЫЙ ЧУВСТВЕННЫЙ ОПЫТ В ИСТОРИИ

ТАРАСОВА А.В. Пища духовная и пища телесная: еда и различные аспекты отношения к ней в «ЧУДЕСАХ СВ. БЕНЕДИКТА» и «ЖИЗНИ СВ. АББОНА» (ФРАНЦИЯ, НАЧ. XI ВЕКА)	6
ТОГОЕВА О.И. Почему французские дети иногда плюются едой? Случай одержимости Лорана Буассонне (Франция, 1582 г.)	25
СЕРЕГИНА А.Ю. Чем пахнет дьявол? Одержимость, экзорцизм и религиозная полемика в Англии конца XVI — начала XVII вв.	41
СТОГОВА А.В. Запах слов: чувствительность к языку в работах Франсуа де Кальера	67
СИДОРОВА С.Е. Вой шакалов и зловоние зеленых жуков: Британская Индия на вкус, слух и запах	111

ГЕНДЕРНЫЙ РАКУРС СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

БАРЛОВА Ю.Е. «Голоса бедности»: обращения английских пауперов за социальной помощью в XVIII — первой половине XIX вв.	160
ШАПИРО Б.Л. Границы маскулинности в русском военно-придворном костюме XVIII века: сукно против кружева	180

ПУБЛИКАЦИИ

БАУДОВИНИЯ Житие святой Радегунды (пер. и комм. Н.Ю. Бикеевой)	207
РИЧАРД СМИТ Жизнеописание виконтессы Монтегю (ввод. статья, пер. и комм. А.Ю. Серegiной)	226

SUMMARIES **310****ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ** **314**

DISTRESSING SENSORY EXPERIENCE IN HISTORICAL PERSPECTIVE

- 6** **TARASOVA A.V.** SPIRITUAL AND BODILY NOURISHMENT SPIRITUAL: FOOD AND ITS INTERPRETATIONS IN THE “MIRACLES OF ST BENEDICT” AND THE “LIFE OF ST ABBO” (FRANCE, EARLY 11TH C.)
- 25** **TOGOEA O.I.** WHY DO FRENCH CHILDREN SOMETIMES SPIT FOOD? CASE OF POSSESSION OF LAURENT BOISSONNET (FRANCE, 1582)
- 41** **SEREGINA A.YU.** WHAT DOES THE DEVIL SMELL LIKE? POSSESSION, EXORCISM AND RELIGIOUS POLEMICS IN THE LATE 16TH – EARLY 17TH C. ENGLAND
- 67** **STOGOVA A.V.** THE SMELL OF WORDS: THE SENSE OF LANGUAGE IN THE WORKS BY FRANÇOIS DE CALLIÈRES
- 111** **SIDOROVA S.E.** HOWLS OF JACKALS AND THE STENCH OF GREEN BUGS: BRITISH INDIA BY TASTE, EAR AND SMELL

GENDER ASPECT OF SOCIAL HISTORY

- 160** **BARLOVA YU.E.** “THE VOICES OF POVERTY”: ENGLISH PAUPERS’ REQUESTS FOR POOR RELIEF IN THE 18TH — THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES
- 180** **SHAPIRO B.L.** LIMITS OF MASCULINITY IN THE RUSSIAN MILITARY UNIFORM AND COURT COSTUME OF THE 18TH C.: CLOTH AGAINST LACE

PUBLICATIONS

- 207** **BAUDOVINIA** LIFE OF ST RADEGUNDE (trad. and comm. by N.Yu. Bikeeva)
- 226** **RICHARD SMITH** LIFE OF VISCONTRESS MONTAGUE (preface, trad. and comm. by A.Yu. Seregina)

SUMMARIES

- 310**
- 314** **SUBMISSION GUIDELINES**

ПИЩА ДУХОВНАЯ И ПИЩА ТЕЛЕСНАЯ.

ЕДА И РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЯ К НЕЙ В «ЧУДЕСАХ СВ. БЕНЕДИКТА» И «ЖИЗНИ СВ. АББОНА» (ФРАНЦИЯ, НАЧ. XI ВЕКА)

Ключевые слова: Аймоин Флёрийский, Аббон Флёрийский, пища, чудеса, повседневность, Европа X–XI вв.

Аннотация: Из двух латинских текстов начала XI века, созданных в монастыре св. Бенедикта во Флёри на Луаре, выделяются и анализируются различные эпизоды, в которых фигурирует еда: от повседневных забот о пропитании до роскошных трапез, от запасов продовольствия как желанной военной добычи до пищи как средства укрепить дух защитников монастыря, от рассказов о сурово наказанные грешниках до свидетельств явленной свыше милости к монастырю, в которых оказывается задействовано съестное. Уделяется внимание и подбору слов, посредством которых обозначается пища, и вербальным конструкциям, в которых задействованы характеристики, связанные с едой, вкусовыми ощущениями и т.д.

Мужской монастырь святого Бенедикта во Флёри на Луаре к концу X века существовал уже более трехсот лет и славился не только мощами Бенедикта Нурсийского, не только своим влиянием и богатством, но и библиотекой, скрипторием и школой, выпускники которой сами становились успешными преподавателями — будущего аббата Аббона даже приглашали учить других монахов в Британию, в Рэмси, где он провел около двух лет (985–987) — или прибавляли к книгам в хранилище собственные труды. Среди самых известных авторов, связанных с монастырем во Флёри — монах по имени Аймоин (ок. 950 — ок. 1008 гг.), работавший

(при помощи собратьев) над «Историей франков»¹, а также оставивший несколько сочинений меньшего объема, стихотворных и прозаических, в том числе две книги «Чудес святого Бенедикта»² и «Жизнь святого Аббона»³, которая повествует о жизни и кончине аббата Флёри, педагога, энергичного сторонника клюнийского движения и своего наставника.

Этим двум латинским текстам несвойственно многословие, их язык довольно скуп на подробности, в них крайне редко встречаются сколько-нибудь пространные описания. В том, что касается чувственного восприятия окружающего мира, скупость особенно заметна: в текстах почти не попадаются указания на цвет, редко фигурируют звуки, упоминаний о запахе всего два — по одному на каждое произведение. Особы женского пола появляются в обоих текстах довольно редко и исполняют четко определенные функции: это может быть королева, жена владельца замка, мать самого автора, а может — и участница мятежной толпы, но ни о каких эмоциональных и, тем более, чувственных переживаниях в связи с женщинами в тексте не упоминается. Монастырь находился в местности, подвергавшейся набегам норманнов, да и соотечественники то и дело посягали на его владения с оружием в руках, поэтому о разного рода стычках, о полученных и нанесенных увечьях рассказывается довольно часто, но боль, испытываемая пострадавшими то ли не кажется автору достойной упоминания, то ли восприни-

---

1 **Historiae Francorum.** 1853. Это сочинение, продолженное и после того, как Аймоин оставил работу над ним, впоследствии легло в основу «Больших французских хроник» и тем самым в значительной мере определило характер «официальной» версии национальной истории во Франции периода зрелого средневековья.

2 **De miraculis.** 1853.

3 **Vita.** 1853.

мается им как нечто само собой разумеющееся. Смерть Аббона, свидетелем которой стал Аймоин, была насильственной: он получил смертельную рану, пытаясь разнять участников столкновения между монахами из Флёри и обитателями гасконского монастыря Ла Реоль, куда делегация из монастыря св. Бенедикта прибыла для реформирования пришедшей в упадок обители. И только тут Аймоин, описывая этот трагический эпизод во всех подробностях, не избегает деталей и эпитетов, которые указывают на физические или душевные страдания (что делает весь эпизод еще более выразительным за счет контраста с остальным текстом)⁴.

Но предметом нашего интереса в данном случае будут не смерть, боль и увечья, и не недуги и исцеления от них, которые в «Чудесах святого Бенедикта», разумеется, присутствуют, а сюжет более приземленный — все, что связано с едой, ее источниками, ее видами и разного рода проблемами, которые вокруг питания возникали. И лаконичность источников в каком-то смысле создает для нас благоприятные условия: если в тексте такого рода обнаруживаются ситуа-

-
- 4 **Vita.** 1853: XX. «Получив удар, он не закричал, не зашатался, не покачнулся, будто бы падая, но, сказав только «это он сделал всерьез», принялся подниматься к дому, где находились его служители. Его поддерживал некий брат по имени Гвильельм, которого мы упомянули выше. Я, отправившись вслед за ним, заметил, что порог дома, куда уже вошел святой муж, покрыт отчасти свернувшейся кровью. На мой вопрос, чья это кровь, я получил от Божьего человека ответ: «Моя, Господь свидетель». Мои волосы поднялись дыбом, ужас сотряс все тело, а голос охрип. Ведь до тех пор никто не понял, что он ранен; но я счел, что пострадала только его одежда. Итак, я обратился к нему: «Куда, господин мой, тебе нанесли удар?» Тогда он поднял руку, чтобы показать рану, и внезапно из-за ребер хлынул поток крови, залил широкий меховой рукав. И ведь он сам, не выдавая боль ничем, кроме изменившегося цвета лица, понял, что я трепещу все сильнее и сильнее как по выражению моего лица, так и по жалобным словам, с веселым взглядом и, казалось, почти смеясь, сказал: «Что же ты станешь делать, если тебя самого ранят? Однако не смей бояться; лучше тебе выйти наружу к нашим и заставить их явиться ко мне, чтобы этот беспорядок улегся».

ции, в которых фигурирует пища, значит, этот предмет заведомо имеет определенную ценность — уже за счет того, что он вообще включен в повествование.

Часть таких ситуаций можно условно отнести к «обыденным» или «повседневным»: это упоминания пищи в бытовых обстоятельствах, по всей видимости, лишённые символической составляющей. Например, когда Аббон Флёрийский отправляется в Рим, радушный прием, оказанный ему папой Григорием V, подчеркивается словами о совместных трапезах:

Так, в течение целых восьми дней удерживая его и часто приглашая откушать вместе («convivio suo eum asciscens»), он охотно согласился на все, ради чего тот приехал⁵. Однако Аймоин добросовестно сообщает и о том, что итальянская пища не шла Аббону впрок: «И хотя его обременяла телесная полнота (ведь из-за того, что в заморских краях он употреблял непривычного свойства еду иноземцев и отвары в качестве питья, его тело отяжелело), однако труд ни в коей мере не утомил его. И сама эта тучность не ни в коем случае не пятнала его позором⁶.

О том, чтобы Аббон и его спутники не остались голодными, заботится и гостеприимный Гиральд, в замке которого аббат ненадолго останавливается на пути в Ла Реоль⁷; особо упоминается рыба, которую Гиральд посылает в пода-

---

5 **Vita.** 1853: XI.

6 **Ibidem:** «Et quamvis mole corporis gravaretur (nam, in transmarinis regionibus peregrinorum ciborum inusitata qualitas decoctaeque potionis haustus corpus ejus pingue reddiderat) nequaquam tamen labore fatigabatur. Nec vero ipsa ejus pinguedo ullam ei ingerebat dehonestationes maculam». Отметим, кстати, что автор считает нужным предупредить возможные упреки (в чревоугодии?), заранее оправдывая полноту Аббона неподходящей едой; то есть тучность как будто рассматривается как нечто, подлежащее осуждению.

7 Гиральд обещает предоставить им «все необходимое продовольствие» — «cuncta victui necessaria». **Vita.** 1853: XVIII.

рок уже двинувшейся дальше делегации из Флёри⁸. А в «Чудесах святого Бенедикта» к обыденным можно отнести начало рассказа о немой и частично парализованной женщине Аделаис, которая сидит у ворот монастыря, жестами прося у братии еды — «... *quidem nutu manuum petebat vitae subsidium*»⁹ и одну из деталей в сюжете о строителе, упавшем с одной из монастырских крыш, но оставшемся невредимым: перед падением он «испил какого-то питья», что сказалось на его ловкости¹⁰.

Но «повседневность» на рубеже X–XI вв. включала в себя и гораздо более напряженные эпизоды. Аббон со спутниками прибывает в Ла Реоль, и хотя до вооруженного столкновения дело еще не дошло, но новоприбывшие почти сразу же вступают с обитателями монастыря в ожесточенный спор из-за корма для лошадей (*propter cibaria equorum*)¹¹; следующий конфликт спровоцирован уже неподобающим поведением одного из местных монахов, Анезана, «варвара по происхождению и по прозванию»: тот без разрешения покинул обитель, чтобы поесть за ее пределами¹². А ранее описывалось сорванное враждебно настроенными простолюдинами совещание епископов в монастыре святого Дионисия; некоторых из его участников побили, некоторые успели сбежать, и в числе последних оказался безымянный епископ, которому «страх придал столь быстрые крылья, что, бросив накрытый для обильнейшей трапезы стол, что для себя уставил, он

8 Ibidem: «praemittens per internuntios piscium xenia».

9 **De Miraculis**. 1853: II. XVII.39.

10 **De Miraculis**. 1853: I. XI.24.

11 **Vita**. 1853: XIX.

12 **Vita**. 1853: XX «...foras manducare praesumpsisset».

устремился к городским стенам соседнего Парижа»¹³ Эта деталь — трапеза, которую епископ для себя подготовил, и от которой вынужден был отказаться, видимо, должна подчеркивать степень охватившего его ужаса. В «Чудесах святого Бенедикта» же поиск и изъятие разного рода продовольствия и его источников — это довольно стандартный повод для посягательств на монастырские (или спорные) владения и стандартная составляющая военных действий. Некий «воин дурного нрава» повадился добывать себе пищу в ближайшем лесу — за счет монахов и местных жителей¹⁴, за что с ним собственноручно расправляется благочестивый король Радульф (Рауль); «до ста сорока воинов рассыпались по полям Аргентомага», собирая урожай и угоня мелкий и крупный скот из соседних деревень¹⁵, упоминается в «Чудесах» и посягательство на монастырские виноградники¹⁶; враг монастыря Адемар замышляет штурм его стен, так как в ранее захваченном им укреплении под названием Брусс катастрофически не хватает продовольствия, и он рассчитывает восполнить недостаток «обильными запасами зерна и вина, которые окрестные жители свезли под защиту святого места»¹⁷.

Насколько сильно отличаются от этих примеров эпизоды, в которых фигурируют ситуации, либо прямо маркиро-

---

13 **Vita.** 1853: IX «Uni quoque eposcoporum timor fugienti tam veloces additus alas, ut, affluentissimo prandii apparatus quem sibi exstruxerat relicto, vicinae urbis Parisiorum moenia fugitabundus expeteret».

14 **De Miraculis.** 1853: I.III.11. «...convivium ex substantiis monachorum sive incolarum in proxima silva sibi parare...».

15 **De Miraculis.** 1853: I.XV.29.

16 **De Miraculis.** 1853: I.XIX.33.

17 **De Miraculis.** 1853: II.V.11. «... ut copiis frumenti ac vini, quae a circumjacentibus incolis inibi ob tutamen sanctorum locorum aggregate erant pervasae Brucciae inopiam sublevaret».

ванные как «чудеса», либо имеющие отчетливый оттенок сакрального? Арена, на которой разворачиваются события, предсказуемо сохраняет прочную связь с повседневностью, отличия сводятся в основном к упомянутой маркировке и к наличию более явного дидактического обоснования произошедшего. Еда может быть важной деталью рассказа о заслуженном наказании того или иного грешника, а может фигурировать и в качестве орудия этой кары. Так, некий воин из свиты королевы Герберги, сопровождая в собор Реймса опаздывающую на службу госпожу, впопыхах кладет свой меч на алтарь в часовне, посвященной святому Бенедикту, а когда ему указывают на кощунственность этого поступка, высокомерно отвечает, что кучка камней не может быть более святой, чем его меч. Возмездие настигло его, когда он, «радостный, среди кушаний и напитков, с сотрапезниками и сам вкушал трапезу, покачнувшись, ножиком в пах оказался ранен»¹⁸ и истек кровью до смерти. И на врага обители Флёри по имени Арнуст кара свыше обрушилась за трапезой:

...в один из дней, когда упомянутый муж приказал приготовить себе завтрак [...], среди роскошных блюд он велел найти ему для еды плоды груши¹⁹. Держа один из них в руке, он произнес много бранных слов против монахов Флёри и принес ложную клятву, сказав так: «Груша свидетель тому, что в этом году я причиню им много неприятностей». С этими словами он положил в рот уже отрезанный кусочек плода, который так перегородил глотку, продолжая браниться, что его голос прервался и он не смог произнести ни слова. Его люди на руках перенесли его, словно бы бездыханного, на кровать, приговаривая, что эта кара напоминает о том, что будут наказаны те, кто наносит обиды служителям

- 18 **De Miraculis.** 1853: I. VI.18. «... laetus cum coenantibus et ipse coenaret, inter epulas et pocula, labente super inguinal cultello sauciatur».
- 19 **De Miraculis.** 1853: I.V.17. «... prandium sibi [...] parari jubens, inter lautioris mensae epulas, roma piri ad vescendum inquiri juberet». Из контекста как будто следует, что груши Арнуст ел сырыми. О грушах в средневековой кулинарии (а также медицине) см. **Adamson.** 2004: 19.

благословенного Бенедикта. А он, не в силах говорить, склонил голову к стене и испустил дух.

В случае же с очередным «воином», оскорбившим монаха из небольшой обители, гибель обидчика была косвенным образом связана со злоупотреблением вином:

... напившись со своими людьми допьяна вином Его рабов и не поблагодарив за это, вошел в дом, довольно далеко отстоящий от монастыря; там он [...] упивался вином сверх меры, пока не испил до самого дна чашу гнева Господня. Поднявшись из-за стола, он поставил рядом с собой светильник и, заснув временным сном, погрузился в сон вечный. Ведь огонь подпалил соломенный тюфяк на кровати, огненные искры полетели ввысь и легко достигли крыши дома, а несчастный так и не проснулся, когда балки, охваченные огнем, обрушились на него всей тяжестью²⁰.

В случае с всадником, отобравшим у бедной вдовы секстарий овса, чтобы накормить им своего коня, наказанию свыше подверглось в первую очередь животное: не успел всадник с оруженосцем отъехать от дома вдовы, как конь упал и сломал себе шею²¹; но поскольку конь представлял собой большую ценность, считать, что его владелец избежал ответственности, не приходится. А вот кончина некоего Ромальда из Шартра, посягавшего на принадлежащее монастырю стадо свиней, хотя и была, по-видимому, прямым следствием его поступков, с употреблением свинины в пищу напрямую не связана — он умер от лихорадки²².

С едой и питьем, шире — с принятием чего-то внутрь, — может быть связано и событие благое: исцеление или иная помощь свыше. Отдельно среди примеров такого рода стоит отметить несколько случаев, в которых речь либо идет о причастии (которое все равно маркируется, в том числе, и

---

20 **De Miraculis.** 1853: II, VIII, 24.

21 **De Miraculis.** 1853: I, XIV, 28.

22 **De Miraculis.** 1853: I.VIII.20.

как «еда»), либо о происходящих из монастыря напитке и хлебе, которые воспринимаются как своего рода аналог причастия²³. В ходе одной из вооруженных кампаний местного значения на стороне монастыря воюет с общими противниками отряд жителей Аргентомага (Аржантона); перед очередной боевой стычкой аржантонцы просят монахов допустить их к причастию хлебом и вином, объясняя это так:

...они без сомнений верят, будто посредством этой пищи («per illam escam») и благодаря заслугам славного исповедника Бенедикта и из битвы выйдут победителями, и будут неуязвимы для смертельной опасности; и они не обманулись в своих надеждах. [...] Никто из жителей Аргентомага, которые напятились хлебом и вином святого Бенедикта ради его спасительной помощи, не претерпел во время резни никакого ущерба²⁴.

Далее в «Чудесах» появляется защитник монастыря Гаузфред, «прозванный Ослом за силу, а не за лень»: он успешно отражает вражеские попытки штурмовать ворота обители, в чем ему немалую помощь оказывает ветер, дующий в нужную сторону. Накануне Гаузфред отдавал своим людям распоряжения, выпив попутно «чашу во имя любви к отцу Бенедикту» («*inter pocula in amore Patris Benedicti sumpta*»)²⁵. Другой защитник, Хугон, владелец «замка, что называется Гаргилисса», перед сражением просит доставить ему и его воинам «...хотя бы два хлебца из тех, которыми питаются монахи, которые он бы принял в пищу вместе со своими людьми перед тем, как идти в бой; питая сильную веру,

23 «Ежедневные действия — еда и питье — были преображены в одно из центральных таинств Христианской церкви», и это предсказуемо породило некоторую путаницу для неискушенных в тонкостях христианской доктрины мирян раннего средневековья. См. **Cambridge World History of Food**. 2000: 1204.

24 **De Miraculis**. 1853: I.XVI.30.

25 **De Miraculis**. 1853: II.V.16.

он был убежден, что эта еда сможет лучше всего защитить его от любого опасного оружия»²⁶. Как и в случае с благочестивыми жителями Аржантона, надежды Хугона полностью оправдываются.

Исцеление же напрямую связывается с питьем чего-либо лишь единожды: в «Чудесах» — небольшом приложении к «Жизни Аббона», — рассказывается о больном лихорадкой, который просит омыть водой правую руку еще не погребенного аббата, а затем выпивает эту воду, после чего выздоравливает²⁷. В другом же случае исцеление приходит в ответ на искренние молитвы парализованного бедняка, но, вероятно, не только на них:

...он попросил братьев подкреплять его пищей, пока благодаря заступничеству своего святого исповедника Господь не дарует ему желанное исцеление. Аббат Рихард не отказал его мольбам и постановил включить его в число двенадцати нищих, которых избирали согласно доброму старинному обычаю во Флёрийском монастыре нашего Отца, по числу двенадцати апостолов, и велел кормить и одевать его за счет общины²⁸.

Не исключено, что скромное, но регулярное питание тоже могло сыграть свою роль в выздоровлении этого человека, однако в тексте «Чудес» подобного рода предположений не содержится.

Особое внимание привлекают эпизоды, связанные с описаниями (довольно красочными) пожаров во Флёри: мо-

---

26 **De Miraculis.** 1853: II.VII.22. «Ut sibi saltem duos conferret panes ex iis quibus monachi vescebantur, quos ipse cum suos certamen intraturus in escam sumeret; fidei non modicae existens, qui crederet illo se cibo validius omnibus posse armis conta universa muniri pericula».

27 **Miracula S. Abbonis.** I; этот эпизод перекликается с исцелением, совершенным Аббоном при жизни, но тогда он ополаскивает руки в святой воде, а затем предлагает прокаженному использовать эту воду тоже для омовения, которое смывает с несчастного заразу. См. **Vita.** 1853: XIV.

28 **De Miraculis.** 1853: I.XII.26.

настырские постройки пострадали не так сильно, как могли бы, и это сочли чудом. Во время одного из пожаров «...груда плодов, которую мы на народном языке называем суржей (*«acervus quoque frugum, quem metum vulgo dicimus»*), подмостья которой отстояли от самой церкви едва ли на девять шагов, избежала жадных языков пламени»²⁹. Дальнейшие события оказываются истолкованы как своего рода послание свыше:

Внезапно северный ветер, который гнал пламя к монастырскому амбару, прекратил дуть, а весь огонь, собравшись в шар, поднялся над крышей в небеса; также свыше явилось еще одно чудо: церковь святого Бенедикта, которая прежде сгорела и была восстановлена, уцелела, со странноприимным домом и кухней при нем, так же и с пекарней, как если бы Господь не словами, но делами сказал своим рабам: Вот, из-за явленной суровости вам кажется, что Я гневаюсь, однако молитвами моих верных, которых я избрал стражами этого места, Я смягчаюсь и оставляю вам из хозяйства кое-что для обитания³⁰.

В еще более торжественных словах повествуется о как будто бы малозначительной подробности пожара 974 г.: для пламени оказался неуязвим столик-треножник, на который выкладывали какое-то угощение для бедных.

Тогда Бог вновь явил древнее чудо: как при Моисее сохранил терновый куст не опаленным в пламени, так и деревянный столик не ощутил огненного жара... И было заметно, как на лицах многих

---

29 **De Miraculis.** 1853: I.IX.21. Речь, видимо, идет об урожае с поля, засеянного смесью пшеницы с другим злаковым.

30 **De Miraculis.** 1853: I.IX.22. «Cum repente aquilone, qui ad horrea fratrum flammas impellebat, flare cessante, totus ignium globus volumine facto coelum versus cacumen extendit ibique par superiori apparuit miraculum, ecclesia Sancti Benedicti, quae pridem succensa atque restaurata erat, remanente cum xenodochio ejusque coquina necnon et pistrino, ac si Dominus non verbis, sed operibus servis suis dicere videretur: Etsi vobis pro commissis iniquitatibus iratus videor, precibus tamen fidelium meorum, quos huic loco tutores delegi, mitigates, aliqua vobis ad inhabitandum domicilia relinquo».

людей печаль из-за угрожающего бедствия внезапно сменялась воодушевлением из-за этого вещего знака³¹.

Наконец, одно из чудес во Флёрі оказывается связано с доставкой в монастырь к празднованию дня перенесения мощей святого Бенедикта лакомого кушанья — речной рыбы. В самом монастыре рыбного садка нет, поэтому настоятель отправляет одного из братьев в «местности, богатые множеством рыбы»³². Тот исправно ищет и закупает «речные плоды»³³, но на обратном пути сталкивается с непредвиденным препятствием: «жалкая речушка», которую он в первый раз без труда пересек, за прошедшее недолгое время разлилась и превратилась в бурный поток. Однако благодаря молитве благочестивого брата на его сторону потока словно сама собой приплывает от противоположного берега лодка, на которую он и грузит закупленную рыбу. Когда он добирается до Флёрі, остальные братья встречают его весьма эмоционально, в тексте для описания их реакции используется даже причастие «*tripudiantes*»: монахи скакали или даже приплясывали от радости, хотя Аймоин уточняет, что радость была вызвана в первую очередь осознанием того, насколько милостив к обителю ее святой покровитель.

Если ненадолго отвлечься от содержания и обратиться к форме, в которой вышеперечисленные сюжеты изложены, то и среди речевых оборотов мы встретим более или менее очевидным образом связанные с темой питания. В зачине

-
- 31 **De Miraculis.** 1853: I.X.23. «Tunc renovante Deo antiquo miracula, qui sub Moyse rubum mediis in flammis servavit incombustum, mensa lignea vaporem non sensit igneam. [...] Videre erat dudum lugubres pro imminente calamitate multorum vultus repente hujus prodigii alacritate permutatos».
- 32 **De Miraculis.** 1853: I.XVIII.32. «... ad abundantes uberiora piscium copia regiones».
- 33 *Ibidem.* Буквально — «речные стручки»: «fluminum legumina solerti cura quaesivit».

«Чудес святого Бенедикта» она обнаруживается, например, в составе достаточно типичных формул, подчеркивающих смирение автора и его ничтожность в сравнении со столь возвышенным предметом: непритязательность рассказа не оттолкнет читателей, ищущих духовного утешения.

Боле того, пусть, поражаясь чудесам, черпают из нашей корзины с презренной крестьянской едой золотистый и благоуханный мед; и пусть помнят, что в глиняных горшках роскошные кушанья по большей части кажутся еще вкуснее³⁴, — пишет *Аймоин*.

А завершая вторую книгу «Чудес», он (кажется, не без горькой иронии) сетует на неких недоброжелателей, препятствующих дальнейшей работе:

Ведь нас побуждают к молчанию друзья наши, которые полагают, что пища их наиболее изобильна, если воткнут язвящий зуб в труды других³⁵.

Ассоциации со сладким медом может вызвать и искусная ученая речь: «Воистину как медовый сот твои уста, что сочатся потоком слов, проливающимся в наше горло сладким медом и нектаром, которые мы ценим выше золота и серебра...»³⁶, — цитирует *Аймоин* адресованное Аббону письмо. Обучение свободным искусствам превращается в «напитывание»³⁷, пища уподобляется философия³⁸, а

34 **De Miraculis**. 1853: Prologus. 2 «Quin potius inter rusticana despicabilis mensae nostrae canistra, rutilantia ac suave redolentia miraculorum admirantes hauriant mella; meminerintque quia in testaceis plerumque vasis lautioribus epulis delectabiliter uti soleant».

35 **De Miraculis**. 1853: II.XXII.46. «Compellunt etiam nos ad tacendum amici nostri, qui maximum deputant sibi affluere epulum, si aliorum studiis laceram infigant dentem».

36 **Vita**. 1853: VI. «vere favus distillans sunt labia tua, quae distillaverunt verborum fluenta, super mel et favum gutturi nostro dulcia».

37 См., например, **Vita**. 1853: I или V: «...aliquos monachorum scientia imbuit litterarum».

38 **Vita**. 1853: VI. «...educaverat philosophiae alimentis...».

стремление восполнить недостаток познаний описывается с помощью слов, обозначающих в том числе чувство голода или жажды³⁹. Про незнатных родителей Аббона говорится, что «их не питала понапрасну исполненная гордостью благородная кровь»⁴⁰, тот же глагол «*alere*» используется и при упоминании о тайном «подкармливании» предательства в «Чудесах святого Бенедикта»⁴¹. И хотя оба текста, как уже говорилось выше, очень скупы на эпитеты вообще и эпитеты, связанные с чувственным восприятием — в частности, в них несколько раз встречается прилагательное «*dulcis*», к которому автор прибегает, тогда нужно охарактеризовать нечто приятное — от только что упомянутого «сладкого меда» как части метафоры и до «сладостного искусства музыки».

Приведенные примеры, разумеется, достаточно разнообразны, но большинство из них объединяет одна общая черта — упоминания о еде носят максимально общий характер. Какие именно яства велел приготовить для себя епископ, сбежавший от разгневанной черни под защиту парижских стен? Что ел и что пил так неудачно поранившийся воин королевы Герберги? Какую именно речную рыбу привезли во Флёри для торжественного застолья? Чем в монастыре кормили бедняков⁴²? Все эти вопросы остаются без ответа:

---

39 См., **Vita**. 1853: I. «...plenissime fluenta doctrinae mentibus erat propinaturus sapientiam sitientium...» или III: «...nequaquam tamen jejunos ab eis funditus remansit» — о риторике и геометрии, которыми Аббон, по его собственному мнению, владел хуже других «свободных искусств».

40 **Vita**. 1853: I.

41 **De miraculis**. 1853: II.V.18. «...occulte autem prodicionem alebat...».

42 Можно было бы предположить, что Аймоин, будучи монахом, привык к самой простой пище и гастрономическими познаниями не обладал, но все же структура питания в монастыре должна была быть ему хорошо известна. К тому же происходил он из семьи не нищей и, как минимум по материнской линии, рыцарской: по пути в Ла Реоль Аббону и его спутни-

чаще всего в тексте фигурируют просто «еда» или «кушанья» — «*cibus*», «*esca*», «*alimentum*» etc, или «*epulae*», просто «напиток» — «*potulum*» или «*potio*». Примеры, когда продукты названы сколько-нибудь определенно, можно пересчитать по пальцам — отобранный у вдовы овес, смесь зерновых, не пострадавшая во время пожара, мед, встречающийся, впрочем, только в составе метафор. Единственным же лакомством, которое конкретизировано, оказывается груша.

Нет в текстах и указаний на разницу в предпочтениях между людьми разного пола, возраста и статуса — и монахи, и миряне, и нищие, и относительно высокопоставленные «воины» употребляют «еду»; описываемые Массимо Монтанари пищевые «модель монастыря» и «модель знати» в текстах не проявляются⁴³. Едоками в подавляющем большинстве эпизодов оказываются мужчины (что вполне объяснимо, учитывая и образ жизни автора, и сюжеты его произведений): исключение составляют лишь некая Аделаис и, с некоторой натяжкой, безымянная вдова, ограбленная

кам оказывала гостеприимство мать Аймоина — «именем Аунентруда, сродственница воина Гиральда». См. *Vita*. 1853: XVIII.

- 43 «Модель монастыря» подразумевала сдержанное отношение к пище, желательность умерщвления плоти и осуждение чревоугодия; но «идеал умеренности не встречает понимания среди правящей верхушки новой Европы, особенно там, где было сильно «варварское» влияние, где образ отважного воина — это и образ человека, способного поглотить огромное количество еды и питья: такого героя описывают германские мифы и рыцарские поэмы, такой тип потребителя пищи — сильного, прожорливого, ненасытного — предпочитается и ценится». (Монтанари. 2009: 33). Монтанари приводит также слова Лиутпранда Кремонского, еще одного автора X в., который «... утверждает, что «король греков» (император Византии) Никифор Фока — человек презренный, ибо любит зелень и не пьет вина; зато превозносится Оттон Великий, «король франков», который «никогда не скарден и презирает низменные кушанья». (Монтанари. 2009: 34). У Аймоина для мирянина Арнуста, как мы видели, статус лакомства имеет груша, которую можно отнести к разряду «зелени».

безымянным «всадником»⁴⁴. Таким образом, сведений об особенностях рациона людей конца X — начала XI века, о том, какая сельскохозяйственная продукция производилась в окрестностях Флёри, а какую приходилось привозить издалека, какие приправы и какие кулинарные рецепты использовались и т.д. — в обоих текстах не найти.

И вместе с тем автор исправно упоминает пищу всякий раз, когда для этого возникает повод. Еда оказывается чем-то очень ценным: рассказ о стремительно убегающем, словно летящем на крыльях, епископе в любом случае был бы весьма колоритным, но покинутый персонажем стол позволяет читателю в полной мере прочувствовать происходящее (так что возникает даже искушение вспомнить об «эффекте реальности» Барта). Кухня, пекарня и амбар чрезвычайно важны для выживания обитатели, поэтому, когда огонь щадит их, это кажется величайшей милостью свыше. Боевые действия ведутся не в последнюю очередь ради продовольствия — как со стороны нападающих на монастырские владения, так и со стороны их защитников. Появляется даже сцена, в которой сам святой Бенедикт символически вовлекается в оборону монастырских угодий вместе с процессией монахов:

[сидящий на обочине больной бродяга] ... спросил у проходящих мимо, в чью честь дорогу топчет такая толпа со столькими крестами. Ему ответили, что этим путем любимый Господом святой Бенедикт направляется [...] для защиты своих виноградников⁴⁵.

Описание кары, настигающей святотатца, в любом случае было бы воспринято должным образом, но если она об-

---

44 Причем если персонаж мужского пола может упоминаться и в ситуации изобилия еды — за щедро накрытым столом, — то обе женщины вынуждены довольствоваться в одном случае — любым подаянием, в другом — вполне вероятно, тем самым овсом, который у нее забрали.

45 **De Miraculis**. 1853: I.XIX.33.

рушивается на виновного в миг его торжества, эффект усиливается; и в «Чудесах» ситуацией, когда грешник пребывает на вершине блаженства, становится, похоже, застолье. Несгораемый столик с едой для бедных уподобляется неопалимой купине. Наконец, как уже говорилось, благочестивые защитники монастыря как будто бы не проводят четкой границы между хлебом и вином для причастия — и просто хлебом, который едят монахи, а также «чашей», которая выпивается в стенах монастыря и во имя его покровителя. Вокруг питания все время образуется некоторое напряжение — то более, то менее явным образом. Можно даже осторожно говорить о своего рода сакрализации пищи; образ «еды вообще» заслоняет собой конкретные продукты и блюда, которые из них можно состряпать, но это только усиливает общее впечатление. «Жизнь Аббона» и «Чудеса святого Бенедикта» почти ничего не говорят о том, что и как современники Аймоина Флёрйского ели, но позволяют составить некоторое представление о том, каким было отношение к еде.

Разумеется, если мы подходим к текстам Аймоина как к «авторским», то есть несущим на себе отпечаток индивидуальности того, кто их составлял, эту характеристику обоих произведений тоже можно отнести к числу «авторских», к особенностям стиля и мироощущения самого Аймоина. Но можно увидеть за этими локальными образцами латинской словесности уже сформировавшуюся и продолжающую развиваться культуру, уже сложившуюся литературную традицию, а также ту самую трудноуловимую «повседневность», в которую автор в любом случае был погружен, тот опыт проживания в условиях X столетия, который он делил

со своими современниками⁴⁶. И тогда существующее в текстах Аймоина напряженное восприятие еды и непри-
нужденная трансформация «пищи телесной» в «пищу ду-
ховную» и наоборот — все это может в какой-то мере до-
полнить наши представления об усредненной картине мира
в Европе рубежа тысячелетий.

---

46 При этом вторую половину X и начало XI века в Северо-западной Фран-
ции еще можно назвать периодом относительно благополучным в плане
доступности продовольствия; знаменитое описание ужасного голода, ко-
торое мы встречаем в «Пяти книгах истории своего времени» Радульфа
(Рауля) Глабера, относится уже к 1032–1033 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Historiae Francorum. 1853 — Aimoinus monachus Floriacensis. *Historiae francorum libri quattuor* // *Patrologia Latina*. Т. 139. Paris, 1853.

De Miraculis. 1853 — Aimoinus monachus Floriacensis. *De miracula Sancti Benedicti libri duo* // *Patrologia Latina*. Т. 139. Paris, 1853.

Vita. 1853 — Aimoinus monachus Floriacensis. *De vita et martyrio sancti Abbonis abbatis Floriaci coenobii* // *Patrologia Latina*. Т. 139. Paris, 1853.

ЛИТЕРАТУРА

Монтанари. 2009 — Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб: Александрия, 2009.

Adamson. 2004 — Adamson M.W. *Food in Medieval Times*. Westport, Connecticut-London: Greenwood Press, 2004.

Cambridge World History of Food. 2000 — *The Cambridge World History of Food* / Ed. by K.F. Kiple and K. C. Ornelas. Vol II. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

О.И. Тогоева

ПОЧЕМУ ФРАНЦУЗСКИЕ ДЕТИ ИНОГДА ПЛЮЮТСЯ ЕДОЙ? СЛУЧАЙ ОДЕРЖИМОСТИ ЛОРАНА БУАССОННЕ (ФРАНЦИЯ, 1582 г.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Франция, раннее Новое время, одержимость, болезнь, переживание боли

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется единственный случай детской одержимости, зафиксированный во французских источниках раннего Нового времени. Анализ данного дела, описанного экзорцистом Шарлем Блендеком в 1582 г., позволяет автору статьи порассуждать о восприятии явления одержимости французскими обывателями конца XVI в. и представителями католической церкви, попытаться понять, где для этих людей проходила граница между сверхъестественным и земным, между дьявольским наваждением и болезнью, какими словами описывалось данное состояние и насколько эксплицитным в данную эпоху было выражение физических страданий.

Речь в этой статье пойдет о единичном случае детской одержимости, описанном во французских источниках раннего Нового времени. Сведения о нем дошли до нас в сборнике Шарля Блендека «Пять удивительных историй, в которых показано, как посредством доблести и мощи святого причастия чудесным образом был изгнан Вельзевул, принц дьяволов», изданном в Париже в конце XVI в.¹ В этом сочинении читателям предлагались пять рассказов об одержимых Суас-

---

1 Blendecq. 1582.

сона и его окрестностей, исцеление которых посредством экзорцизма произошло в одном и том же 1582 г.

Мне уже приходилось писать о сборнике Шарля Блендека, когда я обращалась к проблеме женской и мужской одержимости, об их сходстве и различиях, которые мы можем выявить по описаниям третьего лица – экзорциста, каковым и являлся сам автор «Удивительных историй»². Теперь же мне бы хотелось остановиться на другом сюжете: как воспринималось болезненное состояние человека, официально признанного церковью одержимым, окружавшими его простыми людьми, и какие чувства подобный недуг у них вызывал.

Героя нашей истории, с которой, собственно, и начинался сборник Шарля Блендека³, звали Лоран Буассонне (*Laurent Boissonnet*). Проживал он в городке Андинькур (*Andignicourt*), расположенном недалеко от Суассона. В 1582 г. ему исполнилось всего 12 лет, и, по сообщению автора, он был еще «совсем маленьким ребенком»⁴. Странности в его поведении начали проявляться, впрочем, за два года до того, как дело дошло до сеансов экзорцизма. И поначалу, как можно судить по тексту Шарля Блендека, никто не связывал их с проблемой одержимости. Скорее, окружающие видели в Лоране просто дурно ведущего себя мальчика.

2 **Тогова.** 2014.

3 **Blendecq.** 1582: Fol. 1–44v. 'L'histoire admirable du beau Miracle de la reale presence du precieux corps de Iesus Christ au saint Sacrement de l'Eucharistie, faict en un jeune enfant possedé du diable, qui sous l'apparence, et nom de verd-vestu, avoit couru és quartiers de Noyon et Compiègne l'espace de 14 mois. Advenu en l'Eglise Abbatiale de saint Mard hors de la ville et Cité de Soisson, le Samedy 20 jour de lanvier l'an 1582'.

4 **Blendecq.** 1582: Fol. 1–1v. 'Il est advenu qu'un jeune enfant aagé de douze ans ou environ... auroit par la permission divine esté possedé du maling esprit'.

В чем же заключались странности Лорана Буассонне? Прежде всего, когда ему исполнилось 10 лет, его мать Адриана Гале (*Adriane Galet*), оставшаяся к тому времени вдовой, начала замечать, что сын постоянно врет — и ей, и всем прочим родственникам, и происходит это до такой степени часто, что в какой-то момент они вообще перестали принимать любые его слова на веру⁵. Кроме того, он казался им крайне надоедливым, раздражающим и неприятным ребенком⁶. Сколько бы мать не отталкивала его от себя, он повсюду таскался за ней следом, докучая и всячески мешая ей⁷.

Таким образом, обсуждение поведения Лорана сперва не выходило за пределы его семьи: в дело оказались замешаны, помимо матери, два его дяди, тетя, а также бабушка и дедушка по материнской линии. Постоянная ложь со стороны мальчика, нежелание исполнять данные ему поручения, самовольные отлучки из дома и забывчивость вовсе не являлись для его родственников признаками одержимости, они воспринимали все эти признаки как проявления непослушания и соответствующим образом к ним относились. Пытаясь научить его послушанию, мать, и прочие родные регулярно избивали Лорана за его «бесконечные» провинности⁸. Как отмечал Шарль Блендек, несчастный ребенок до такой сте-

---

5 **Blendecq.** 1582: Fol. 2. 'Il estoit aussi rempli de si grandes menteries, que si quelquefois il disoit vray, on ne sçavoit si on le devoit croire'.

6 **Blendecq.** 1582: Fol. 1v-2. 'Il estoit... si mieure, importun et fascheux à sa mere et autres de ses parens, qu'il ne demouroit en place'.

7 **Blendecq.** 1582: Fol. 2. 'Et combien qu'elle le repoussast bien souvent, il ne cessoit de la suyvre pour l'importuner à luy faire perdre patience'.

8 **Blendecq.** 1582: Fol. 2. 'Il incitoit pareillement sa mere par ses malices a le battre et frapper'.

пени надоед своей матери, что порой она готова была разбить ему голову камнем⁹.

Так продолжалось, тем не менее, еще какое-то время, пока Лоран не начал рассказывать родным о своих видениях. Согласно его заявлениям, ему постоянно являлись демоны под разнообразными личинами: то это была некая белая мужская фигура с рогами, кричавшая как коза и набрасывавшаяся на мальчика на пороге дома¹⁰, то белый голубь, купавшийся в фонтане, а затем летевший за Лораном¹¹, то одетая во все белое женщина с огромными страшными глазами¹². Любопытно, что и тогда Адриана не связала болезнь сына с одержимостью, хотя во время этих видений тот кричал не своим голосом, начал страдать бессонницей и боялся выходить из дому¹³. Мать, по всей видимости, восприняла все эти симптомы как последствия наведенной порчи, поскольку отправилась вместе с мальчиком к местной знахарке¹⁴. Та же заявила, что ребенок страдает от болезни св. Реституты, т.е. является душевнобольным¹⁵.

9 **Blendecq.** 1582: Fol. 2. 'De sorte qu'elle estoit quelquefois esmeuë et tantee de luy casser et rompre la teste avec des coups de pierre'.

10 **Blendecq.** 1582: Fol. 2v. 'Apperceut comme un grand homme blanc et cornu, qui estant dessous un pomier, fait in sault vers ledit jeune enfant environ sept ou huit pas, faisant un cry semblable à une chevre, dequoy ledit enfant receut une telle frayeur, qu'il fut contrainct de jeter une voix fort espouventable, retournant de la en grande vitesse, et fermant la porte de la maison au verrouil'.

11 **Blendecq.** 1582: Fol. 2v. 'Tantost en forme de pigeon blanc, se baigner en une fontaine de leur village, et puis voltiger pres d'eux'.

12 **Blendecq.** 1582: Fol. 3. 'Luy apparut une femme vestuë de blanc, ayant les yeux fort grands et fort espouventables'.

13 **Blendecq.** 1582: Fol. 2v. 'Depuis, demeura tellement effrayé qu'on fut contrainct le coucher en tel estat. Et durant la nuict, ne fit que tressallir de destresse'.

14 **Blendecq.** 1582: Fol. 2v-3. 'La mere esmeuë de pitié ne pouvant supporter la peine qu'elle voioit à son enfant, pour remedier de bonne heure à sa

Только после этого родные Лорана Буассонне все же решили обратиться к церковным властям и посетить священные места, чтобы избавиться от напасти. Однако визит в святилище св. Реституты в Арси ни к чему не привел, и болезненное состояние мальчика не изменилось: видения продолжались¹⁶. Не помогли ни посещения церкви, ни паломничество, предпринятое Адрианой к св. Флорану¹⁷. Тогда, по совету «добрых людей» (*gens de bien*), которые, вероятно, и указали ей на одержимость сына, мать решила исповедоваться и отвести к исповеди самого Лорана, после чего ситуация улучшилась. В течение последующих 14 месяцев, по свидетельству Шарля Блендека, «демоны» мальчика не навещали¹⁸ — или же его болезнь (если он все же был болен) временно отступила.

Однако по истечении этого срока последовали новые «приступы» (*accez*). Лоран вновь начал жаловаться на визиты демонов, которые теперь ополчились уже не только на его душу (мучая его видениями), но и на его тело (т.е. начали причинять ему физические страдания). Лоран страдал от болей в желудке, постоянно падал на ровном месте, не мог

---

maladie, eut son recours... à une femme du mesme village... qui avoit le bruit de guarir plusieurs personnes, toutefois avec grande superstition'.

- 15 **Blendecq.** 1582: Fol. 3. 'Feit response à la mere qu'il estoit malade de sainte Restitute'. О св. Реституте и ее способностях излечить психические расстройства см.: **Baudoin.** 2006: 53-54.
- 16 **Blendecq.** 1582: Fol. 3. 'A cette occasion ladicte mere plya les offrandes, et fait le voyage d'Arcy où est servi ladicte sancte Restitute... Neantmoins pour tout cela, les accez ne cesserent de continuer'.
- 17 **Blendecq.** 1582: Fol. 3-3v.
- 18 **Blendecq.** 1582: Fol. 3v-4. 'Pour ceste cause la mere apres quelque longue deliberation, ayant esté instruite des gens de bien, de ce qu'elle auroit à faire pour se munir contre l'ennemy, s'estant elle mesme confessée, fit faire le mesme à son fils. Par ceste confession dechassa tellement le diable, qu'il cessa de tourmenter l'enfant l'espace environ de quatorze mois'.

управлять рукой (которую якобы ломал и кусал демон), а ноги у него сводило так, что они принимали форму креста¹⁹. Мальчик не мог нормально разговаривать, а только кричал и гримасничал; он также категорически отказывался посещать церковь²⁰. Более того, Лоран начал пересказывать окружающим различные гадкие сплетни о соседях и знакомых своих родственников. Так, он «донес» на местного кюре, якобы планировавшего зарезать собственного писца большим ножом²¹; на жену некоего Симона Мишеля, которая подрезала сухожилия на ногах двух лошадей и одной коровы²²; на своего покойного отца Жака, который, оказывается, умер не дома в постели, а погиб по пьянке²³.

Нужно сказать, что соседи семейства Буассонне, узнавая все новые подробности о «тайной» жизни своих ближних, действовали в ответ по той же схеме, что и родственники Лорана. В частности, кюре, обвиненный мальчиком в якобы замышленном им убийстве, пригрозил его побить, если тот

---

19 **Blendecq.** 1582: Fol. 4–4v. 'Après lequel temps un Mardy le diable commença derechef le tourmenter luy brisant et tordant le bras par derriere. Une autre fois... le maling esprit le voulut faire tomber dans un vivier par où il passoit... Le Dimanche ensuivant il sentit un grand debat et esmotion dans son ventre'.

20 **Blendecq.** 1582: Fol. 4v. 'Et ne vouloit plus aller à la Messe'.

21 **Blendecq.** 1582: Fol. 5v. 'Il dit à l'oncle David, que Matthieu Pierre s'en devoit aller à Soisson avec son espee, et le Curé avec son grand cousteau, duquel il avoit une fois voulu tuer son Clerc'.

22 **Blendecq.** 1582: Fol. 8. 'Adjoustant encores, que la femme de Simon Michel, avoit couppé les jambes à deux chevaux et à une vache, et que ce pendant il faisoit la guet'.

23 **Blendecq.** 1582: Fol. 7v. 'Ce mesme jour il à la mere de l'enfant. Ne te souvient-il point que ton mary fut bien battu en une ferme là haut, pour ce qu'il ne vouloit point boire d'autant? C'estoit moy qui disois Pousse, Pousse, lors qu'il fut battu, et je luy feis bailler aussi le coup avec le plombreau d'une dague'.

не расскажет, как все было на самом деле²⁴. А потому Адриана Гале решила отправить сына в Суассон на освидетельствование к местному епископу. Тот, дабы понять, что в действительности происходит с ребенком (болен ли он, одержим демонами или просто отвратительно себя ведет), не только подверг осмотру его самого, но и устроил настоящий допрос членов его семьи²⁵. Сам же Лоран вел себя с представителем церкви самым неподобающим образом: отказывался отвечать на вопросы или же просто отмалчивался, но лишь закатывал глаза и гримасничал²⁶.

Тем не менее, для епископа Суассона результатом осмотра и бесед с родными мальчика стал единственный вывод: с его точки зрения, речь шла об одержимости и бороться с ней надлежало исключительно посредством экзорцизма²⁷. К этой целительной процедуре священникам пришлось прибегнуть несколько раз подряд, однако, в конце концов, Лоран Буассонне вроде бы избавился от своих «дьяволов» и стал чувствовать себя вполне здоровым²⁸.

Впрочем, длилось улучшение недолго. Всего через три недели у мальчика опять начались видения, в которых де-

---

24 **Blendecq.** 1582: Fol. 9. 'Ce mesme soir le Curé d'Andignicourt... luy dit: Laurent parle à moy, et ne respondant point le menaça, disant: Si tu ne parle, je te donneray des verges'.

25 **Blendecq.** 1582: Fol. 13. 'Le mardy fut employé tout entier aux interrogations, tant de l'enfant comme des parens'.

26 **Blendecq.** 1582: Fol. 13. 'Neantmoins il ne respondit aucunement, quoy qu'il fut lors possédé, et tournast fort les yeux en la teste, avec une face enflee et rouge'.

27 **Blendecq.** 1582: Fol. 18v. 'Lors par ces signes le Religieux jugea qu'il estoit vrayement possede, et qu'il n'en failoit douter en sorte quelconques, sans desirer des marques et indices plus apertes et evidentes'.

28 Процедуре экзорцизма Шарль Блендек, как один из ее участников, уделил в своем рассказе максимальное внимание: **Blendecq.** 1582: Fol. 18v–29v.

мон (или дьявол) являлся ему в разных обличьях: то это был осел с белым голубем на спине, превращавшийся затем в старика с седой бородой, платье которого меняло цвет²⁹; то вооруженный мужчина в черных доспехах верхом на коне, растворившийся в дыму со звуком, «как будто выстрелила пушка»³⁰; то молодой человек, просивший милостыню³¹. Дьявол пытался пробудить в Лоране ненависть к епископу, утверждая, что тот лишь мучал мальчика физически, стремясь избавить его от присутствия демонов³². И хотя Лоран дьяволу не верил, всего через четыре дня в его поведении опять начали происходить различные сбои, которые представители церкви (а вслед за ними и автор «Удивительных историй») вновь объяснили одержимостью: демоны якобы повторно завладели душой и телом своей юной жертвы. Мальчику снова стало сложно самому ходить, он падал без сил и кричал³³. Вот почему матери пришлось спешно отправиться в соседний городок Камелен (*Camelin*) и, испытывая чувство стыда за поведение сына, забрать его от портного, к

29 **Blendecq.** 1582: Fol. 30v–31. ‘Ledict enfant Laurent aperçeut venir vers luy un asne, sur le dos duquel y avoit un pigeon blanc, cest animal estant assez proche de luy, se transmua en la forme d’un vieil homme, ayant la barbe toute chenuë, vestu d’un manteau de drap gris, lequell estoit tantost verte, tantost violet, se changeant aussi souvent en diverses sortes et manieres’.

30 **Blendecq.** 1582: Fol. 31v–32. ‘Après il veid avec les susdictes deux fillettes, comme un homme armé, tout de fer noir, qui... vint droict vers eux... Et ainsi... les conduict jusques aupres du village, auquel endroit se retira du costé des laris... ils veirent cest homme noir avec son cheval se convertir comme en une espesse fumeë, ayant ouy au mesme instant comme trois coups d’artillerie’.

31 **Blendecq.** 1582: Fol. 32. ‘Le Lundy gras, ce maling esprit fut en forme d’un jeune homme demander l’aumosne en plusieurs maisons’.

32 **Blendecq.** 1582: Fol. 31. ‘Il luy dit par apres, Tu as un meschant Evesque. Le susdict enfant respondit, et qu’est-ce qu’il ta fait mon Evesque. Il m’a (dit-il) bien tourmenté, depuis trois sepmaines’.

33 **Blendecq.** 1582: Fol. 33. ‘Car lors il tomba comme en une feiblesse, et en tombant cryoit’.

которому Лорана отдали в обучение³⁴. Вероятно, мастер отказался иметь дело с явно неуравновешенным или же просто больным ребенком.

Таким образом, конфликт Лорана Буассонне с окружающими вышел на новый уровень: теперь кроме его непосредственных родственников и знакомых по Андинькуру в него оказались втянуты уже и вовсе посторонние люди. Апофеоза же это противостояние достигло в тот момент, когда больной ребенок учинил настоящий скандал в местной церкви, куда родные отнесли его на руках, дабы он поприсутствовал на службе³⁵. Совершенно обессиливший Лоран, который якобы не мог самостоятельно передвигаться, повел себя совершенно непредсказуемо. Посреди службы он вдруг вскочил, бросился бегом к гасильнику, схватил его и начал избивать им пришедшего на службу мальчика так, что Адриане пришлось вмешаться и прекратить драку³⁶. Затем, увидев, как некая знатная дамуазель, причастившись, отходит от священника, Лоран обратился к ней и заявил, что она не достойна причастия и ей «не пристало изображать из себя даму»³⁷.

Как и следовало того ожидать, супруг оскорбленной дамуазели, присутствовавший при этих «откровениях», пред-

---

34 **Blendecq.** 1582: Fol. 33. 'Le jour des Cendres, estant à Camelin à la cousture, chez un maistre, pour y apprendre son mestier, recommença pour la premiere fois à estre tourmenté par quelque autre esprit maling... La mere, pour ne donner fascherie au maistre de son enfant, à cause de la maladie qu'elle prevoyoit, le voulut ramener chez soy en sa maison'.

35 **Blendecq.** 1582: Fol. 34v. 'Par un certain dimanche, estant possédé, fut porté à l'Eglise, où ne fut point si tost parvenu, qu'il fut delivré'.

36 **Blendecq.** 1582: Fol. 34v. 'Lors courut prendre un baston, dequoy on esteind les cierges de l'Eglise, duquel frappoit continuellement un garçon sur le dos, dequoy s'estant apperceue sadicte mere, le retira pres d'elle'.

37 **Blendecq.** 1582: Fol. 34v. 'Quelque peu apres, comme une Damoiselle du dicte village retournoit de l'offrande, lui dit ces propos: C'est bien à vous a faire madame, d'aller à l'offrande devant le pain beneit' (курсив мой — О.Т.).

ложил собравшимся избить малолетнего нахала, а «не списывать его поведение на одержимость»³⁸. Однако в церкви никто не осмелился последовать его призыву, а потому Лоран продолжал безнаказанно преследовать несчастную женщину, постоянно таскаясь за ней следом и рассказывая о ней гадости. Дело кончилось тем, что дамуазель «в полной ярости» нажаловалась Адриане Гале. Как того и следовало ожидать, мать с теткой надавали мальчику тумаков за его отвратительное поведение, ставшее причиной их ссоры со всеми соседями и знакомыми³⁹.

Тем не менее, и на этот раз в дело вмешались священники во главе с епископом Суассона, который повторно с полной уверенностью заявил, что все поступки и слова Лорана Буассонне являются следствием одержимости. Вновь были проведены многочисленные сеансы экзорцизма, дьявол был с позором изгнан, и Лоран полностью поправился⁴⁰.

***

О чем в действительности рассказывает эта история?

С одной стороны, мы, конечно, можем довериться Шарлю Блендеку и вслед за ним и его суассонскими коллегами заявить, что перед нами — типичное дело об одержимости, закончившееся вполне счастливым избавлением Лорана Буассонне от власти дьявола. С другой стороны, стоит приглядеться к этому рассказу повнимательнее, и мы начнем

38 **Blendecq.** 1582: Fol. 34v. 'Pourquoy le mary de ladicte damoiselle tout indigné, dict tout haut, qu'il luy falloit bailler le fouët, *n'estimant et ne considerant pas, que c'estoit le diable qui le faisoit parler*' (курсив мой — О.Т.).

39 **Blendecq.** 1582: Fol. 35. 'Voicy madamoiselle, cul devant, cul derriere, dit à la mere qu'il le falloit fouëter, et que c'estoit un tresmauvais garson. Pour donner contentement à ceste damoiselle, la mere dudicte Laurent et sa Tante prindrent des verges pour le fouëtter'.

40 И вновь в процедуре экзорцизма Шарль Блендек уделил максимум внимания: **Blendecq.** 1582: Fol. 36–44v.

замечать в нем массу противоречий, главная из которых касается поведения нашего главного героя и реакции на него окружающих.

Даже то небольшое, что счел необходимым поведать нам Шарль Блендек об отношениях Лорана с его родными и соседями, позволяет, как мне кажется, сделать вывод о том, что для знакомых семьи Буассонне, как, впрочем, и для ее членов его поведение никак не подпадало под определение одержимости. Все эти люди видели в мальчике просто дурно воспитанного и ведущего себя самым неподобающим образом ребенка, который вызывал у них только отрицательные эмоции, а вовсе не сострадание⁴¹. И реагировали они на его выходки соответствующим образом: мать и другие родственники избивали Лорана за ложь, непослушание и непочтительное отношение к окружающим; портной из Камелена отказался брать его в ученики и отослал домой; наконец, соседи возненавидели его за то, что он распускал о них непотребные слухи.

Местные представители церкви, однако, вели себя совершенно иначе. Они видели в мальчике именно одержимого, т.е. человека, которому нужно помочь освободиться от власти дьявола. Логика их действий при этом объяснялась не только специфическим мировосприятием, но и сугубо политическими причинами. Не стоит забывать, что речь в «Удивительных историях» Шарля Блендека шла о времени, когда Религиозные войны во Французском королевстве находились в самом разгаре и противостояние католиков с гугенотами достигло своего апогея. Отсылки к этому политико-религиозному конфликту в тексте встречались посто-

41 Даже в тексте Ш. Блендека определение «сострадание» (*pitié*) было использовано всего один раз — при описании визита матери Лорана к местной знахарке: см. прим. 14.

янно: собственно, только ради того, чтобы подчеркнуть его наличие, сборник и был издан. Уже история первого «исцеления» Лорана Буассонне заканчивалась выводом автора о том, что подобные события более чем достойны упоминания. «Еретиков и гугенотов» (*heretiques et huguenots*), не верящих в чудеса, расплодилось во Франции слишком много, а потому необходимо такие удивительные события всячески пропагандировать, ибо только католическая церковь способна бороться с демонами и, в частности, с одержимостью⁴².

***

У нас, тем не менее, остается еще один, последний, но не менее важный вопрос о реакции на происходившее с ним самого Лорана Буассонне, судить о которой, впрочем, мы можем только со слов третьего лица — нашего автора Шарля Блендека. Конечно, мы не в состоянии сказать точно, что в действительности происходило с мальчиком: какая болезнь им овладела, как именно она проявлялась, имела ли она физическое или психическое происхождение. Не знаем мы и того, явилось ли его поведение на самом деле всего лишь следствием дурного воспитания или переходного возраста. Все эти вопросы остаются открытыми, хотя мнение знахарки, к которой обращалась Адриана Гале, не стоит, как мне кажется, сбрасывать со счетов: напомню, что она считала Лорана душевнобольным⁴³.

---

42 **Blendecq.** 1582: Fol. 29v. 'A fin que les heretiques de nostre temps, n'eussent plus de recours à leur foy actuelle, et ne dissent plus que telle foy actuelle et particuliere, à celui qui reçoit ce saint Sacrement estre necessaire absolument, pour y faire et rendre le corps de nostre Seigneur present. Veu que sans telle foy actuelle en cest enfant... il y a monstré sa presence, et y a faict ce tant signalé miracle, à la consolation de tous fideles Chrestiens, et du patient mesme'.

43 См. прим. 15.

Однако, в этой истории присутствует другой интересный момент, на который, на мой взгляд, следует обратить внимание. В своей статье «The animated pain of the body» Эстер Коэн писала, что источники эпохи Средневековья и раннего Нового времени дают нам крайне мало примеров того, как человек открыто описывает свои физические страдания: исключения составляют лишь истории наподобие той, что приключилась с Абеляром⁴⁴. В большинстве случаев речь идет о *подавлении* боли, о контроле над собственными чувствами, а не о выставлении их напоказ, на всеобщее обсуждение. С точки зрения американской исследовательницы, этот период в истории чувств (и, в частности, открытого, артикулированного переживания телесных мучений) продолжался до того времени, когда европейцы познакомились с трудами Мишеля Монтеня, т.е. до рубежа XVI-XVII вв.⁴⁵

На мой взгляд, данное утверждение верно лишь отчасти, поскольку в своем анализе Эстер Коэн не учитывает весь спектр источников эпохи Средневековья и раннего Нового времени и, в частности, документы судебной практики, а также труды юристов и правоведов, а ведь именно в них описания физической боли, испытанной обывателями, к примеру, на пытке или в результате нее очень часто оказываются исключительно красочными и детализированными⁴⁶.

Однако, в том, что касается иных типов источников, наблюдения Эстер Коэн не лишены, как мне кажется, здравого зерна. И с этой точки зрения, случай Лорана Буассонне вызывает определенный интерес. Если следовать периоди-

---

44 Речь у Эстер Коэн шла прежде всего о сочинении: **Абеляр**. 1959. Подробнее о физических страданиях Абеяра и его рассказе о них см.: **Гуревич**. 2005: 396–399; **Тогоева**. 2018: 56–59.

45 **Cohen**. 2000.

46 См. об этом, в частности: **Тогоева**. 2006: 17–53.

зации, предложенной американской исследовательницей, конец XVI в., когда в Суассоне происходили события, описанные Шарлем Блендеком, стал периодом, когда европейцы, в том числе французы, постепенно начали приходить к осознанию своих не только душевных, но и физических переживаний, когда они начали говорить о них вслух, обсуждать их с окружающими. Конечно, предположить, что кто-то из героев «Удивительных историй» читал сочинения Монтеня, было бы преувеличением, но факт, тем не менее, остается фактом: Лоран Буассонне не стеснялся совершенно открыто и в подробностях (насколько мы можем судить по тексту Ш. Блендека) описывать родным, как именно он страдает от боли. В его устах его болезнь (названная представителями церкви одержимостью) получала совершенно *физиологическое* определение: это были не только (и не столько) дурные мысли и слова, якобы подсказанные ему дьяволом, сколько артикулированные переживания сугубо телесных страданий: его руки отнимались, его не держали ноги, у него болел живот, он не мог ходить и часто падал в обморок...

История Лорана Буассонне, таким образом, дает нам возможность порассуждать о негативных чувствах человека сразу с двух точек зрения. Прежде всего, речь в ней идет об отношении родственников, ближайших знакомых и соседей к ребенку, поведение которого не укладывалось в принятые в обществе конца XVI в. рамки. Только под изрядным, надо полагать, давлением со стороны церкви поступки и слова Лорана были сочтены окружающими (впрочем, далеко не всеми) проявлениями одержимости: для простых обывателей все его «приступы болезни» являлись лишь признаками его дурного воспитания, и реакция на них оказывалась самая негативная. Вместе с тем, благодаря этой истории, мы можем порассуждать и о переживаниях самого этого 12-летнего мальчика — о

чувствах, которые он испытывал по отношению к своему нездоровому телу, оценить, как именно он его описывал, на что обращал внимание. Конечно, его слова оказались донесены до нас не им самим, но одним из его экзорцистов, Шарлем Блендеком. Однако и способность нашего автора говорить о физических страданиях других людей также заслуживает внимания. И с этой точки зрения история одержимости Лорана Буассонне представляется не менее ценной.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Абеляр. 1959 — Абеляр П. История моих бедствий / Издание подготовили Д.А. Дрбоглав, Н.А. Сидорова, В.А. Соколов, В.С. Соколов. М., 1959.

Blendecq. 1582 — Blendecq Ch. Cinq histoires admirables, esquelles est monstré comme miraculeusement par la vertu et puissance du S. Sacrement de l'autel a esté chassé Beelzebub, prince des diables. P., 1582.

ЛИТЕРАТУРА

Гуревич. 2005 — Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005.

Тогоева. 2006 — Тогоева О.И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006.

Тогоева. 2014 — Тогоева О.И. «Мужская» и «женская» одержимость в сочинениях французских демонологов XVI–XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2014. Вып. 22. С. 183–205.

Тогоева. 2018 — Тогоева О.И. Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. М.; СПб., 2018.

Baudoin. 2006 — Baudoin J. Grand livre des saints. Culte et iconographie en Occident. Nonette, 2006.

Cohen. 2000 – Cohen E. The animated pain of the body // The American Historical Review. 2000. Vol. 105 (1). P. 36–68.

А.Ю. Серегина

ЧЕМ ПАХНЕТ ДЬЯВОЛ? ОДЕРЖИМОСТЬ, ЭКЗОРЦИЗМ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛЕМИКА В АНГЛИИ КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII ВВ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демонология, одержимость, экзорцизм, конфессиональная полемика, Англия XVI–XVII вв., Сэмуэл Харснетт, Джон Даррелл.
АННОТАЦИЯ: В статье анализируются английские тексты протестантские и католические конца XVI — начала XVII вв., посвященные одержимости, в особенности, описания появления демонов и/или дьявола в их чувственно воспринимаемых аспектах. Трансформация традиционной религиозной культуры в эпоху Реформации изменила связанные с ней практики чувственного восприятия. Эта тенденция затронула и демонологию раннего Нового времени. Рассматриваются изменение репрезентаций демонических существ, которые теряют свою «телесность» и такие аспекты ее проявления, как запах, а также связь этих репрезентаций с полемическими стратегиями памфлетистов эпохи конфессионального противостояния.

Традиционные и имеющие долгую историю репрезентации демонов в текстах и изображениях представляют собой пугающие и отвратительные образы, вызывающие чувство омерзения уже на уровне чувственного восприятия человека. Одним из наиболее мощных отторгающих факторов являются запахи, оскорбляющие обоняние, которое, согласно античной и средневековой традиции, помещалось в середину иерархии человеческих чувств.

Вряд ли будет сильным преувеличением сказать, что европейская культура позднего Средневековья и раннего

Нового времени (по крайней мере, до XVIII в.) насыщена образами дьявола и демонов. Это наблюдение давно уже было сделано историками, однако посвященные данному явлению работы обычно фокусируются на демонологических представлениях, так или иначе связанных с ведовством, охотой на ведьм и преследованием религиозных меньшинств (демонизацией евреев и мусульман)¹. Представленные в них образы дьявола и демонов не рассматривались отдельно, но всегда в связи с изображениями ведьм и колдунов². Работ, посвященных визуальным и нарративным образам дьявола в англоязычной культуре, немного³, и в них практически отсутствует материал, посвященный английским католикам пост-реформационного периода. Кроме того, изображения дьявола в историях об одержимости, как правило, не анализируются отдельно, и их жанровые особенности не учитываются.

Именно поэтому задачей статьи является проанализировать английские тексты конца XVI — начала XVII в., а именно, повествования о людях, одержимых дьяволом, с целью определить, каким образом в них задаются параметры чувственного восприятия сверхъестественного — явления Дьявола или его демонов и их вселение в человеческое тело, как преломляется в них средневековая традиция в условиях изменения религиозных культур — протестантской и католической. Особое внимание будет уделено использованию негативных образов, связанных с чувственными восприяти-

---

1 Обзор историографии см.: **Johnstone**. 2006: 9–22.

2 См. **Thomas**. 1973, **Willis**. 1995, **Purkiss**. 1996, **Sharpe**. 1997, **Clark**. 1999, **Briggs**. 2002, **Millar**. 2017.

3 См. **Russell**. 1984, **Luttmer**. 2000, **Oldridge**. 2000, **Johnstone**. 2004, **Johnstone**. 2006, **Brock**. 2016.

ями (в данном случае, обонянием), для демонизации оппонентов в контексте конфессиональной полемики.

В средневековой традиции явление дьявола или беса человеку, будь то в контексте истории одержимости, или вне его, практически всегда сопровождалось вонью, то есть, сильным запахом, своей отвратительностью немедленно уведомлявшем участника / зрителя о присутствии злого духа. Омерзительность запаха при этом являлась единственной его постоянной характеристикой. Описываться он мог по-разному, но в самом упрощенном виде диапазон описаний можно представить следующим образом: в средневековой литературе, опиравшейся на фольклорные представления о дьяволе и злых духах (которых не всегда просто различить) появление и исчезновение последних сопровождалось неприятными запахами, связанными с экскрементами⁴. При этом вонь упоминалась применительно к ситуациям, когда дух еще не овладел телом жертвы, или сразу после того, как был и него изгнан. Таким образом, вонь экскрементов связывалась с собственным «телом» дьявола или демона (а не с телом жертвы) и определялась распространенными представлениями о явлении дьявола и демонов в телесном облике, имеющем физическую форму (человека, животного или монстра) и налагаемые ею ограничения⁵.

Одновременно с этой, условно говоря, «фольклорной» коннотацией, и порой в тех же текстах присутствовали и иные ассоциации: явление дьявола и его слуг сопровождалось удушливым, резким и крайне неприятным запахом серы. Упоминание серы очевидным образом восходит к Биб-

---

4 **Russell.** 1984: 65–68, 243.

5 Обладание телом словно бы ограничивало возможности дьявола: в средневековых текстах его можно обхитрить, от него можно убежать, его можно побить и т.п.

лии. В Ветхом Завете, начиная с истории Содома и Гоморры, огонь и сера — символы гнева Господня, падающего на головы грешников, нарушивших завет с Ним⁶, и адских кар («озеро огненное, горящее серой»)⁷, причем огнем и серой мучимы и простые грешники, и антихрист⁸, и сам Люцифер⁹.

Библейские ассоциации задавали параметры, в рамках которых должно было рассматривать истории об одержимости. Как сера являлась символом мучений, а также греха и грешников, подвергшихся карам, так и связанный с нею запах в повествованиях указывал на два аспекта встречи с дьяволом и его демонами: физические страдания, причиняемые ими (их символизирует запах, мучительный для человеческого обоняния), а также и искушение, с которым приходится столкнуться грешнику (вонь греха, к которому его/ее подталкивает искунитель).

Не вызывает удивления поэтому тот факт, что жанр историй об одержимых, активно развивавшийся в XVI и особенно в XVII в., имеет своим истоком монашеские хроники и жития святых. Именно в монашеской традиции появляются многочисленные истории о дьявольских наваждениях. Святые — или очень благочестивые — монахи и монахини обязательно подвергались дьявольским искушениям в различных формах, причем дьявол заставлял их страдать телесно и искушал нарушить монашеские обеты и совершить другие тяжкие грехи. Соответственно, истории о явлении дьявола и одержимости представляли собой своего рода знак святости, или благочестия.

6 Быт 19:24, Втор 23:23, Иов 18:15, Ис 30:33, 34:9, Иез 38:22б, Лк 17:29, Откр 9:18.

7 Откр 14:10, 21:8.

8 Откр 19:20.

9 Откр 20:10.

Очевидно, что эта традиция сохранилась в католических текстах раннего Нового времени, несмотря на некоторые изменения интерпретаций, о которых речь пойдет ниже. Сходства, тем не менее, больше, и истории об одержимости часто разворачиваются на обычной сцене — в стенах монастыря, или же повествуют о действиях монахов, изгоняющих бесов, причем истории последнего типа имеют выраженную полемическую направленность (по крайней мере, в регионах с конфессионально смешанным населением, во Франции, Англии или Голландии): власть над бесами даруется истинной церковью, соответственно, успех экзорциста свидетельствует об истинности его веры¹⁰.

Историк, изучающий описания случаев одержимости в английских католических текстах XVI–XVII вв., сталкивается с проблемой источников: хотя известно, что ряд священников, находившихся с миссией в Англии, изгоняли бесов из одержимых, до нас дошли только упоминания о них в письмах миссионеров (29 за период между 1577 и 1815 гг.), но не сами описания¹¹. Они, вполне вероятно, существовали в рукописной форме и циркулировали между поместьями дворян-католиков, свидетельством чему является, например, материалы допрос арестованного католика Роберта Барнса в 1594 г. Некоторые из заданных ему вопросов касались рукописи, описывающей действия экзорцистов. Самыми первыми и самыми известными из них были Уильям Уэстон¹² и Джон

---

10 Ferber. 2004: 23–39; Young. 2013: 189–203, Young. 2016: 132–138.

11 Young. 2013: 191.

12 Уильям Уэстон — иезуит, выпускник Оксфордского университета и Английской коллегии Дуэ, в начале 1580–х гг. был миссионером в Англии. Арестован в 1586 г. и много лет провел в заключении в замке Уисбеч (Кембриджшир), в 1603 г. выслан из Англии. Преподаватель Английской коллегии в Севилье.

Корнелиус¹³, а также Роберт Дибдейл¹⁴ и Ричард Якли¹⁵. В 1584–1586 гг. они изгоняли бесов из одержимых в домах джентльменов-католиков. Первым стало изгнание бесов из Николаса Марвуда, слуги Энтони Бабингтона. За ним последовало «исцеление» служанок Энн Смит, Элизабет Калторп и Сары Уильямс, а также и молодого джентльмена-католика Ричарда Мейни. Обряды проводились в доме дворян-католиков — лорда Вокса в Хэрни (сейчас — район на севере Лондона), и в Денэме — маноре Эдварда Пекема в Бакингэмшире. Все обряды проводились публично и привлекали большое число гостей-католиков¹⁶.

Неудивительно, что существовало несколько вариантов описаний этих ритуалов. Из слов арестованного Барнса следовало, что он не только видел рукопись, но и изготовил новую копию (или редакцию) этого текста. Из контекста вроде бы следует, что какая-то рукопись была конфискована при аресте Барнса людьми архиепископа Кентерберийского; она, однако, либо не сохранилась, либо до сих пор не идентифицирована¹⁷. Существовали и другие версии данной истории: краткие воспоминания о самом факте изгнания бесов¹⁸ и более пространная версия, ставшая известной в Испании и

13 Джон Корнелиус — католический священник, капеллан семьи Эренделлов. В 1594 г. арестован английскими властями и казнен.

14 Роберт Дибдейл — католический священник, выпускник Лувенского университета и Английской коллегии в Реймсе, в начале 1580–х гг. был миссионером в Англии. Арестован властями и казнен в 1586 г.

15 Ричард Якли — католический священник-миссионер, тайно проповедовал в Англии в 1589-х гг. Арестован и казнен в 1589 г.

16 **Серегина**. 2017: 476; **Young**. 2013: 197–201; **Brownlow**. 1993: 24–26.

17 **Brownlow**. 1993: 21–22; **Серегина**. 2017: 477.

18 См, например, воспоминания отца Дэвиса, католического священника, присутствовавшего при изгнании иезуитами беса из одной из жертв (Энн Смит): **Challoner**. 1741; **Серегина**. 2017: 476.

включенная в историю гонений на английских католиков Диего де Йепеса (1599)¹⁹.

Упоминания о проведенных Уэстоном и другими экзорцистами обрядах могли быть или не быть развернутыми; все они, однако, служили одной цели — продемонстрировать истинность католического учения. Ведь именно об этом свидетельствовала способность священников изгонять бесов. Таким образом, эти рассказы относились к числу «полемических историй» одержимости.

Что же касается историй одержимости и дьявольского искушения как подтверждения святости жертвы нападения, то они, сохраняя в католическом контексте связь с монастырями и монашеской жизнью, создавались за пределами Англии. Или, скорее, не создавались: английские монастыри начала XVII в. отличались от современных им нидерландских и французских обителей практически полным отсутствием подобных историй в их анналах. Стоит уточнить, что при этом практически всегда речь идет о женских обителях: мужчины считались более «устойчивыми» и способными сопротивляться дьяволу. Кроме того, практически все английские монахи, вне зависимости от орденовой принадлежности, были миссионерами. Таким образом, в XVII в. созерцательное монашество и затвор было уделом английских дам²⁰.

Мне удалось найти лишь одно повествование подобного рода, относящееся к середине столетия (1649–1650), и происходящее из обители кармелиток в Льере (близ Антверпе-

---

19 **Йепес.** 1599: 97.

20 **Серегина.** 2017: 440–442.

на)²¹. Это — история одержимости одной из монахинь, Маргарет Мостин²², включенная в ее биографию, которую составил капеллан обители²³. Речь в ней идет о том, как сама сестра Маргарет, почитавшаяся как святая в своей обители, собственными молитвами сопротивлялась мучившему ее дьяволу, который был из нее окончательно изгнан по молитве иезуита–экзорциста²⁴.

Однако ни в описании симптомов одержимости, ни при рассказе об обряде экзорцизма не упоминаются никакие запахи. Более того, запах серы отмечается не в связи с историей об одержимости, но применительно к явлению дьявола, который пытался воспрепятствовать монахиням получить новое здание конвента (то есть, новый дом, где будут молиться Богу), причиняя им физические страдания и пугая их:

[Сестра Урсула Уэйкмен о жизни сестры Маргарет:] В это время дьявол был столь озабочен, что в спокойный солнечный день, когда приоресса и мать–настоятельница отправились осмотреть и предъявить права на наше новое пристанище, то как только они вошли в дом и вступили в комнату, где сейчас собирается наш

- 21 Монастырь кармелиток в Льере был основан в 1648 г. как дочерняя обитель конвента английских кармелиток из Антверпена. См.: **Who Were the Nuns?**.
- 22 Маргарет Мостин (1625–1679), дочь сэра Джона Мостина (Флинтшир, Уэльс). В 1644 г. приняла постриг в конvente английских кармелиток в Антверпене. В 1648 г. вошла в число сестер, основавших дочернюю обитель в Льере. Там она заведовала лазаретом, управляла новициями, а затем занимала посты суб–приорессы и приорессы (с 1654 по 1679 гг.). **Who Were the Nuns?**
- 23 Рукопись биографии (точнее, жития матери–основательницы, которую сестры почитали святой) была привезена в Англию вместе с другими документами из монастырского архива в конце XVIII в., когда сестры спаслись от армий Французской республики. См. **Bedingfield**. 1878.
- 24 Свидетельства, так или иначе связанные с историей одержимости Маргарет Мостин, а также еще одной из сестер обители, Урсулы Уэйкмен (ум. 1650): отрывки из биографии сестры Маргарет, ее дневника, описание обряда экзорцизма, составленное проводившим его Эдмундом Бедингфилдом и др. — опубликованы Ники Холлетт: **Hallett**. 2007.

капитул, поднялся такой сильный ветер и загремел гром, поэтому весь дом сотрясся, а место, где они находились, заполнилось ужаснейшим запахом серы и пороха. А мы тогда пережили те же самые события в нашей обители и думали, что задохнемся от вони. Мы уж было решили, что настал день Страшного суда²⁵.

Похожее описание этого эпизода повторяется и в хронике конвента:

хотя тогда был хороший, солнечный день, внезапно налетела гроза с сильным ветром, громом и молниями, словно бы настал судный день, с таким ужасным запахом пороха и серы, что все решили, что вот-вот задохнутся²⁶.

Однако молитвы сестер остановили врага, и он не смог им ничем навредить. В данном случае речь идет о физическом присутствии дьявола, воспринимаемого чувствами: зрением, слухом и обонянием, хотя увидеть его в телесном облике монахиням не довелось.

Таким образом, здесь, с одной стороны, отмечается преемственность с «телесными» образами дьявола и демонов, характерных для средневековья, но одновременно — и некоторая тенденция к «развоплощению» дьявола, который больше не показывается в виде, доступном для непосредственного физического контакта.

Примечательно и отсутствие указаний на запахи, то есть, на прямое физическое присутствие дьявола в сценах одержимости. Теологи раннего Нового времени, католики и протестанты (как мы увидим ниже) предпочитали рассматривать одержимость, прежде всего, как дьявольское искушение. Соответственно, дьявол воздействовал непосредственно на ум своей жертвы, а не появлялся отдельно от

---

25 Hallett. 2007: 112.

26 Hallett. 2007: 140.

нее²⁷. А воспринимаемый человеком запах серы в данном тексте может также обозначать не только физическое присутствие дьявола, но и исходящие от него искушения. Например, как отмечено в хронике, запах серы может обозначать следующее:

сера — иметь постыдные мысли о чем-либо и наслаждаться дурными запахами²⁸.

Постыдные мысли в контексте монастыря, скорее всего, относятся к мыслям о плотских грехах сексуального характера. Дурной запах связывается с телом, превращая и его (и мышления о нем, и его реакции) в нечто отвратительное. Налицо перенаправление чувственного восприятия и дисциплинирование тела, характерное для католической религиозности раннего Нового времени. Тело здесь — средоточие греха, оно поддается дьявольскому искушению и воспринимает запах дьявола–искусителя, насылающего грешные мысли.

Исследования английской демонологии пост-Реформационного периода, начиная с Кита Томаса²⁹, указывают на противоречия между «народной» и «протестантской» традициями³⁰, при всей условности этого разделения. Первая продолжала средневековые традиции; в сочинениях разных жанров (и прежде всего, в анти-ведовских памфлетах, опиравшихся на материалы судебных процессов) часто присутствовали описания явлений вполне телесного дьявола и бесов. Однако протестантские богословы склонны были интерпретировать подобные сюжеты (и уж тем более истории об одержимости) иначе. Английские протестанты под-

---

27 **Johnstone.** 2006: 82–83.

28 **Hallett.** 2007: 30.

29 **Thomas.** 1973: 559–588.

30 **Oldridge.** 2000: 58–89; **Johnstone.** 2006: 60–109.

черкивали не физическое присутствие демона и вызываемые ими страдания, но искушения, с которыми сталкивается христианин. Таким образом, фокус историй о дьяволе и демонах сместился с внешних событий (хотя бы и болезненных в самом буквальном смысле) к внутренним переживаниям, совести христианина, подвергавшейся нападению злых сил. Именно там и происходила главная битва, причем лишившийся физического облика дьявол не стал от этого слабее: вместе с телесной формой он словно бы утратил и налагаемые ею ограничения. Дьявол, которого нельзя было ударить или испугать крестным знаменем, но способный проникать в разум жертвы, оказывался еще страшнее³¹.

Ситуации если и не одержимости (*possession*), то дьявольского нападения на разум христианина (*obsession*)³² оказывались теперь не только нередкими, но фактическим становились нормой христианской жизни: ведь сутью ее считалась постоянная борьба со злом, разыгрывавшаяся в сознании человека. И чем более благочестивым был человек, тем чаще ему/ей приходилось вступать во внутреннюю борьбу с

---

31 Johnstone. 2006: 61.

32 В текстах XVI — первой половины XVII в. эти понятия не различались, и к обеим ситуациям применялся термин *possession*. При этом описываемые ситуации все же различались. В случаях, которые позднее, к концу XVII в. будут классифицироваться как *obsession*, речь шла о дьявольских искушениях и борьбе, происходившей в разуме жертвы нападения, причем последней удавалось справиться с напастью собственными силами, а это, в свою очередь, служило признаком не просто благочестия, но и избранничества Божия. В других случаях речь шла о том, что человек подвергался искушениям в их крайней форме, напоминавшей физическое воздействие (считалось, что на самом деле дьявол обманывает чувства жертвы и зрителей, заставляя их воспринимать то, чего не существует на физическом уровне), а его собственного благочестия могло оказаться недостаточно, и для избавления требовались молитвы других: пастора и/или общины благочестивых. См. Oldridge. 2000: 141–145.

дьяволом³³. Неудивительно, что истории об одержимости и дьявольских наваждениях в пост-Реформационной Англии стали признаком пуританской религиозной культуры.

Сам сдвиг в сторону внутреннего искушения был характерен и для католиков раннего Нового времени; истории об одержимости и победе самого «страдальца» над дьявольскими искушениями, свидетельствующие о благочестии и дарованной ему благодати, указывают на их общие корни, уходящие в средневековую монашескую традицию. Существуют и протестантские повествования об изгнании бесов по молитве проповедников, указывающие на истинность веры последних. Происхождение и отчасти даже и преемственность формы таких историй очевидна. Что же в них меняется?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к чувственным восприятиям присутствия дьявола, указывающим на наличие или отсутствие у него телесной формы, а именно, к запаху. Пахнет ли дьявол в памфлетах XVI — первой половины XVII вв.?

В 1573–1622 гг. в Англии было опубликовано 8 пуританских памфлетов, в которых речь шла об одержимости³⁴. Первым «делом» стала история мальчика из Саффолка, Александра Нинджа, выросшего в пуританской семье. Она произошла в 1573 г., и рассказ о ней, составленный братом жертвы³⁵, был издан в том же году. Через год увидел свет памфлет, посвященный истории двух юных девиц, Агнес Бриггс и Рейчел Пиндер, выдававших себя за одержимых³⁶. В 1583 г. странная болезнь, в которой увидели одержимость —

33 **Johnstone.** 2004; **Johnstone.** 2006: 110.

34 Научное издание этих текстов см. в: **Almond.** 2004.

35 **Nynge.** 1573.

36 **Disclosing.** 1574.

результат колдовства, охватила девочек из семьи Трокмортон³⁷. В 1595 г. околдованной жертвой одержимости также оказался подросток из дворянской семьи — Томас Дарлинг³⁸. В 1599 г. вышел памфлет пуританского экзорциста Джона Даррела, посвященный истории Уильяма Сомерса³⁹, а за ним, в 1600 и 1603 гг., — сочинения других экзорцистов, Джорджа Мора и Джона Свана, в которых рассказывалось об освобождении от дьявольского нападения женщин разных возрастов: Джейн Аштон, Маргарет Байнум, Мэри Гловер, а также детей из семьи Старки⁴⁰. Наконец, в 1622 г. был издан памфлет, посвященный одержимости еще одного подростка, Уильяма Перри из Билсона⁴¹.

В подавляющем большинстве этих текстов дьявол не пахнет: о неприятных запахах, сопровождающих его появление и исчезновение, не идет речи. Таким образом, явление дьявола и его присных лишилось «физических» проявлений, отдельных от тех их жертв. Физические симптомы, проявлявшиеся у последних, могут свидетельствовать не столько о «физическом» нахождении дьявола в теле⁴², сколько об обмане чувств всех участников и свидетелей. Запах же указывает именно на присутствие «тела» демона, хотя бы и невидимое.

Исключений всего два, и оба встречаются в памфлетах, составленных группой пуританских экзорцистов — Джоном

---

37 **Discoverie**. 1593.

38 **True Storie**. 1597.

39 **Darrell**. 1599.

40 **More**. 1600; **Swan**. 1603.

41 **Baddeley**. 1622.

42 Как утверждает, например, Ф. Алмонд: **Almond**. 2004: 338. N.28.

Дарреллом и его помощником Джорджем Мором⁴³. В памфлете Даррелла рассказывается о казусе 1592 г. — одержимости 20-летнего подмастерья Уильяма Сомерса (Мэнсфилд, Ноттингемшир). В этом тексте упоминаются «странные запахи», которые ощущались «там, где он [Сомерс] лежал»⁴⁴. Нечто похожее присутствует и в свидетельских показаниях мясника Ричарда Ми:

также он говорит, что чувствовал там, где находился Уильям Сомерс стойкий сладкий запах, который казался невыносимым в своей сладости⁴⁵.

В памфлете Джорджа Мора от 1600 г. говорится о группе одержимых в Ланкашире, в доме местного сквайра Старки. Одной из жертв была 33-летняя Маргарет Байнум:

после припадков у нее изо рта так воняло, что соседи не могли приблизиться к ней на протяжении дня и ночи. Эта вонь была настолько отвратительна, что после припадка она сама ее чувствовала и едва могла выносить⁴⁶.

В данном случае запах подробнее не описывается, и мы ничего о нем не знаем, кроме того, что он был чрезвычайно

---

43 Джон Даррелл, выпускник Кембриджского университета, начал свою карьеру экзорциста в Дербишире в 1586 г., т.е., одновременно с католическими экзорцистами, упомянутыми выше. В 1596–1597 гг. он изгонял бесов из одержимых в Ноттингеме, Ланкашире и Стаффордшире, и эти действия привлекли внимание церковных властей. По приказу архиепископа Кентерберийского (Джона Уитгифта) в отношении Даррелла было проведено расследование; он был обвинен в фальсификации экзорцизма, подвергся тюремному заключению (правда, уже в 1599 г. его выпустили) и был лишен сана. Издававшиеся им и его помощником Джорджем Мором в 1599–1600 гг. памфлеты были призваны оправдать действия экзорцистов и доказать, что имели место настоящие случаи одержимости и изгнания бесов. Об экзорцизме Даррелла см. **Collinson**. 2013: 148–179; **Gibson**. 2015.

44 **Almond**. 2004: 263.

45 **Almond**. 2004: 279.

46 **Almond**. 2004: 213.

неприятен. В обоих памфлетах источник запаха — одержимый, в тот момент, когда им овладевает дьявол, или сразу после. Таким образом, запах, несомненно, связан с появлением и исчезновением демона, а упоминание о нем предполагает его «телесность». Неслучайно и появление упоминаний о запахе в памфлетах экзорцистов: при всей сдержанности этих комментариев и отсутствии традиционных отсылок к сере, знакомых всем читателям, речь идет не только об умственном искушении, но и о физическом присутствии демонов, что, собственно, и потребовало от Даррелла и Мора изгнать их. Соответственно, в представлениях пуритан-экзорцистов разделенная всеми протестантскими (и не только) богословами идея одержимости как дьявольского искушения, разворачивавшегося внутри человеческого сознания, соседствовала с элементами традиционных образов «телесного» дьявола.

Вряд ли стоит удивляться тому, что деятельность Даррелла и Мора вызвала резкую реакцию церковных властей. Одновременно с арестом экзорцистов (1599) появился и направленный против них памфлет Сэмюэла Харснетта⁴⁷, капеллана их главного гонителя, епископа Лондонского Банкрофта⁴⁸. После того, как Даррел и Мор попытались оправдать свои действия, издав собственные памфлеты (1599 и 1600 гг.) Харснетт ответил им еще одним полемическим текстом, в котором избрал новую стратегию, уподобив своих противников-пуритан папистам. Для этого он обратился к уже упоминавшимся событиям 1584–1586 гг., а именно, к случаям изгнания бесов католическими священниками.

---

47 Harsnett. 1599.

48 Сэмюэл Харснетт (1561–1631) — английский богослов и полемист, выпускник Кембриджского университета, глава Пемброк Холла (Кембридж) в 1605–1616 гг., епископ Чичестерский (1609–1619) и Норичский (1619–1628), архиепископ Йоркский (1628–1631).

Памфлет «Объявление о вопиющем мошенничестве» (1603 г., 2е издание — 1605 г.) был написан почти 20 лет спустя после описанных в нем событий. Харснетт опирался на свидетельские показания, которые по его распоряжению были взяты у участников. Кроме того, по утверждению автора, в его распоряжении оказалась составленная неким католиком в 1580-х гг. рукопись, где описывались проведенные католическими священниками ритуалы⁴⁹. Судя по всему, именно об этой рукописи в 1594 г. спрашивали Роберта Барнса (см. выше).

Памфлет Харснетта отличается выраженной антикатолической направленностью, заданной полемическими целями его автора. Последние, в свою очередь, определялись несколькими соображениями. Сам Харснетт относился к тому течению английской богословской мысли, которое впоследствии назовут «высокой церковью». Представители «высокой церкви», или арминиане являлись противниками пуритан (как это и произошло в случае в Дарреллом). Те же обвиняли своих гонителей в том, что они на самом деле — тайные католики, подрывающие церковь изнутри. Это обстоятельство объясняет не просто желание Харснетта дистанцироваться от католиков, но и выраженный анти-католицизм его текста, направленного как против мирян-католиков, так и главным образом — против католических священников. Но что бы ни писал Харснетт в полемическом задоре, его рвение никогда не превращалось в реальные анти-католические меры (в отличие от его политики по отношению к пуританам): будучи епископом Чичестерским в 1609–1618 гг., он прекрасно ладил с католическим дворянством Сассекса⁵⁰.

---

49 О памфлете Харснетта см. **Young**. 2013: 197–203; **Серегина**. 2014.

50 **Серегина**. 2017: 326–327.

Придерживаясь распространенных среди умеренных протестантских богословов взглядов, Харснетт полагал, что время чудес — и экзорцистов — прошло, а современные ему случаи являются чистой воды мошенничеством. Именно мошенником он считал и Даррелла, причем тем более опасным, что он привлекал и сбивал с пути истинного протестантскую паству. Поэтому в роли эффективного средства против него были избрана стратегия уподобления Даррелла экзорцистам-католикам, которых, как мы увидим ниже, Харснетт демонизировал. Важную роль здесь играли описания ощущений, испытанных свидетелями событий. Упоминаний о них очень много, при том, что самого дьявола словно бы и нет вовсе: памфлет рассказывает о том, как священники мошенничали и представили своей публике спектакль.

Однако текст изобилует упоминаниями серы, которую Харснетт, иронизируя, называет «священной»⁵¹. Сера в памфлете относится к «реквизиту» мошенников, так как ее используют в обряде экзорцизма. Она и другие вонючие ингредиенты многократно упоминаются в показаниях свидетелей. Так, по словам служанки Сары Уильямс, в обычае отца Дибдейла было «взять серу и жечь ее в горшке на углях, и силой удерживать ее [Сары] лицо над парами»⁵². Сестра Сары, Фрайдсвайд добавляла:

они [священники] жгли серу в горшке и силой удерживали над ним ее нос; несомненно, именно поэтому она впадала в буйство и говорила то, что ей теперь не хочется повторять⁵³.

Наконец, дворянин Ричард Мейни утверждал: «Они обыкновенно жгли серу у меня под носом»⁵⁴, а также говорил:

---

51 Harsnett. 1605: 31.

52 Harsnett. 1605: 40.

53 Harsnett. 1605: 212.

он [Уэстон] дал мне в это время святое зелье и овеял мой нос серой, асафетидой и не знаю уж какими еще мерзкими запахами⁵⁵.

Таким образом, использование неприятных запахов являлось частью ритуала экзорцизма, или же описываемого Харснеттом спектакля. Памфлетист подчеркивает театральность действия:

видя, что дьявол загрустил, и подчиняясь гордыне, не называет свое имя, экзорцист приказал нарисовать на листе бумаги изображение греха, как в пьесе, и сжечь его с освященной серой, и после этого дьявол вскричал, как если бы он подвергался ужасной пытке⁵⁶.

Однако все это — лишь обманка: никакого действия на дьявола и демонов неприятные запахи оказать не могут, и Харснетт иронизирует по этому поводу:

ваш рецепт составлен из таких тонких материй, как сера, асафетида, камедь, зверобой, и рута; Порфирий и Ямвлих, мужи, хорошо знающие природу и повадки дьяволов <...>, утверждают, что эти сильные отвратительные запахи и вонь являются лакомством для демонов и услаждают их обоняние <...> вам никогда не удастся изгнать дьявола этими вонючими испарениями, но при помощи этих болезнетворных испарений вы лишь сможете превратить бедные души в некое подобие демонов⁵⁷.

Работавшие с памфлетом Харснета историки⁵⁸ склонны были принимать слова Харснетта за иронический комментарий протестанта к описанию реальной католической практики экзорцизма. Однако ни один из католических источников, в том числе и самое длинное из сохранившихся описаний, приведенное Диего де Йепесом⁵⁹, не упоминают никаких за-

---

54 Harsnett. 1605: 266.

55 Harsnett. 1605: 277.

56 Harsnett. 1605: 113–114.

57 Harsnett. 1605: 45.

58 См, например, Brownlow. 1993; Young. 2013 и др.

59 Yepes. 1599: 97.

пахов. В нем экзорцист (и публика) могли слышать дьявола, но не обонять его, а сам ритуал, помимо молитв, задействовал лишь освященную воду и гостию. Возникает справедливый вопрос: упоминалась ли вся эта сера в исходной рукописи? А если нет, то откуда она там взялась? И зачем?

Ритуалы экзорцизма, в которых использовались травы с резким запахом, и сера, применялись в Средние века и в начале XVI в., когда сам обряд далеко не всегда совершался священниками и имел отчетливый привкус магии. Магический обряд изгнания непокорного духа (совершенно необязательно отождествлявшегося в этот период с дьяволом и его слугами) в Средние века мог истолковываться как манипуляция силами природы, и считаться допустимым. Соответственно, экзорцистом мог быть и ученый мирянин, и даже знахарка, а официально признанного всей католической церковью обряда экзорцизма до начала XVII в. просто не существовало (например, в католическом служебнике, использовавшемся в Англии до середины XVI в., формула экзорцизма просто отсутствовала). Практиковавшийся до начала XVII в. ритуал относился к «серой зоне» на стыке народной и ученой магии и молитвенной практики.

Для средневековых практик экзорцизма было характерно использование пахучих трав — зверобоя, руты, а также асафетиды и серы для контроля над вызванными духами или же их изгнания. Они же сохранились и в XVI в., и были хорошо известны англичанам. Об этом свидетельствуют упоминания трав в показаниях арестованных ведьм XVI в., сохранившихся в анти-ведовских памфлетах⁶⁰.

---

60 Например, в памфлетах 1566, 1582 и 1595 гг. (изданы Мэриэн Гибсон), причем в данных случаях изгнанием духов занимались как мужчины, так и женщины. См. **Gibson**. 2000: 30, 83, 149.

Похожее по составу «вонючее» снадобье описано в рукописи 1540-х гг. из Кембриджа⁶¹, составленной ученым магом с целью контролировать духов и изгонять наиболее упрямых. В тексте присутствует формула экзорцизма, а также состав использовавшейся в ритуале пахучей смеси⁶². Он очень похож на тот, что использовали знахарки и таким образом сближает магические практики «ученой» и «народной» традиции.

Опасное сближение магии и молитвы проявилось в своей крайней форме в одном из самых популярных в Европе XVI в. пособий экзорцисту — *Flagellum daemonum* («Бич демонов», 1578) Джироламо Менги⁶³. Там действия экзорциста описываются следующим образом:

Затем он обрызгивает огонь освященной водой. После того, как благословление завершено, нужно взять серу, камедь, асафетиду, лихорадочную траву, зверобой и руту, освятить каждую из них по особой форме, а затем бросить в огонь. Потом, держа над огнем изображение дьявола, помеченное его именем, экзорцист должен прочитать следующую молитву ...⁶⁴.

Все вышеприведенное находит параллели в тексте Харснетта. Более того, он прямо утверждал, что католические священники, о которых он пишет, держали в руках книгу Менги⁶⁵, хотя все же признавал, что они не следовали его рецепту целиком⁶⁶.

61 Cambridge University Library, MS Additional 3544. Ее текст издан Ф. Янгом: **Young**. 2015.

62 **Young**. 2015: 80–81.

63 Джироламо Менги (1529–1609), уроженец Виаданы в герцогстве Мантуанском. францисканский монах, проповедник и экзорцист. Выпускник Болонского университета. Его «*Flagellum daemonum*» в XVI–XVII вв. переиздавался десятки раз. См. **Young**. 2016: 106–108.

64 **Menghi**. 2002: 151–152.

65 **Harsnett**. 1605: 113.

66 **Harsnett**. 1605: 283.

Но можем ли мы утверждать, опираясь на слова Харснетта, что английские экзорцисты опирались на труд Менги? Харснетт, несомненно, желает подвести читателя к такому выводу, однако он представляется сомнительным.

Католическая церковь в конце XVI в. стремилась провести четкую разделительную линию между магическими практиками и ритуалом экзорцизма; церковные власти настаивали на том, чтобы ритуал проводится только священниками и не включал в себя никаких «магических» элементов⁶⁷, а книга Менги, при всей ее популярности, именно по этой причине не вызывала большого энтузиазма в Риме⁶⁸

Английские католические священники, выпускники первых пост-Тридентских семинарий, представляли собой авангард Католической реформы, поэтому сложно заподозрить их в приверженности традиционным полумагическим практикам. В сохранившихся католических текстах — в рассказах об экзорцистах Уэстоне, Дибдейле и др. — отсутствуют упоминания о ритуалах экзорцизма, которые опирались бы на такие традиции.

Для Харснетта же было важно не просто показать священников как мошенников, но выстроить связь между католическим экзорцизмом и магией, а само описание он мог вполне взять не из имевшейся в его распоряжении английской рукописи 1580-х гг., а других текстов, например, у того же Менги.

Одной связи с магией, впрочем, было недостаточно: Харснетт в своем памфлете представлял католических священников в роли демонических искусителей, и для этой цели он активно использовал отсылки к ощущениям, в том

---

67 Sluhovsky. 2007: 164-170; Young. 2016: 99-130.

68 Young. 2016: 157-165.

числе и к обонянию. В его памфлете запах серы вроде бы указывает не на присутствие дьявола и бесов, ведь речь идет не о настоящем их изгнании, а о мистификации. Тем не менее, запахи выполняют и более традиционную для жанра полемических памфлетов роль маркера, указывающего на присутствие в рассказе греха и притягиваемого им искушения. Источником этого искушения являются католические священники: именно они устроили спектакль с экзорцизмом, чтобы ввести в грех как своих «жертв», то есть, участников постановки, так и публику. Подразумеваемый здесь грех — это, конечно, отступление от истинной веры и обращение в католичество, а также и другие — обман (участие в спектакле), богохульство и сквернословие (в случае Фрадсвайд Уильямс) и др.

Запах серы здесь играет двоякую роль: с одной стороны, он помогает искушению, а именно, способствует затуманиванию разума жертв, которые после этого легче поддаются на уловки священников. С другой стороны, он всегда связан с появлением священников, ведь именно они заставляют мнимых одержимых нюхать ее. Кроме того, самих священников можно было учуять. Так, Сэра утверждала, что может опознать священника по запаху и учуять освященные объекты⁶⁹. Таким образом, в описываемом Харснеттом «театральном пространстве» католические священники играли роль демонов, а его сочинение напоминает пародию на протестантской анти-ведовской памфлет.

На такое прочтение указывают и другие аспекты текста, связанные с гендерными репрезентациями. У Харснетта искушению поддаются женщины, а также единственный мужчина — Ричард Мейни. Он проявляет слабость из-за юного

---

69 Harsnett. 1605: 71, 100.

возраста (в 1586 г. ему было всего 17 лет), а также и потому, что он — католик, то есть, заведомо слаб разумом и подчинен страстям. И именно им, как наименее разумным и наименее способным контролировать свои телесные реакции, приходится нюхать серу. Таким способом Харснетт показывает феминизацию и слабость мужчин-католиков⁷⁰. В его тексте условно мужское поведение демонстрируют только экзорцисты — постановщики этого спектакля и искусители.

Здесь вновь проявляется своеобразная параллель с анти-ведовским памфлетом, с соответствующими гендерными ролями. Ведьмы — женщины, отказывающиеся подчиняться «правильной» власти мужчин, подчиняются мужской власти демонов. Здесь же роль ведьм, поддавшихся дьяволу, выполняют католики, в том числе и мужчины. В тексте, как вы видим, их описание крайне феминизировано, причем для достижения этого эффекта использованы образы, связанные с телом и чувственными ощущениями. Не подчинившись истинной церкви, католики подчиняются демоническому началу, которое в тексте Харснетта проявляется в образах католических священников, а на его присутствие указывает не только вонь серы, но и запах ладана.

---

70 Другой способ продемонстрировать это, также относящийся к области описаний ощущений — это саркастическое представление болезни желудка, от которой страдал Мейни, как «болезни матки». См. об этом подробнее: Серегина. 2014.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Who Were the Nuns? — Who Were the Nuns? A Prosopographical Study of the English Convents in Exile, 1600–1800; <https://wwtn.history.qmul.ac.uk/>.

Almond. 2004 — *Demonic Possession and Exorcism in Early Modern England* // Ed. by P. Almond. Cambridge, 2004.

Bedingfield. 1878 — Bedingfield E. *The Life of Margaret Mostyn*. L., 1878.

Baddeley. 1622 — [Baddeley R.] *A Boy of Bilson*. L., 1622.

Challoner. 1741 — Challoner R. *Memoirs of Missionary Priests and Other Catholics of Both Sexes Who Suffered Death or Imprisonment in England on Account of Their Religion, 1577–1685*. Manchester, 1741.

Darrell. 1598 — Darrell J. *A True Narration of the Strange and Grevous Vexation by the Devil, of Seven Persons in Lancashire, and William Somers of Nottingham*. L., 1598.

Disclosing. 1574 — *The Disclosing of a Late Counterfeyted Possession by the Devil of Two Maydens*. L., 1574.

Discoverie. 1593 — *The Most Strange and Admirable Discoverie of the Three Witches of Warboys*. L., 1593.

Gibson. 2000 — *Early Modern Witches: Witchcraft Cases in Contemporary Writing* // Ed. by M. Gibson. L.-NY, 2000.

Hallett. 2007 — *Witchcraft, Exorcism, and the Politics of Possession in a Seventeenth-Century Convent* / Ed. by N. Hallett. Aldershot, 2007.

Harsnett. 1599 — Harsnett S. *A Discovery of the Fraudulent Practises of Iohn Darrel, Bachelor of Artes, in His Proceedings Concerning the Pretended Possession and Dispossession of William Somers at Nottingham*. L., 1599.

Harsnett. 1605 — Harsnett S. *A Declaration of Egregious Popish Impostures, to Withdraw the Harts of Her Maiesties Subiects From Their Allegiance, and From the Truth of Christian Religion Professed in England, under the Pretence of Casting Out Devils*. 2nd edn. L., 1605.

Menghi. 2002 — *The Devil's Scourge. Exorcism during the Italian Renaissance. Flagellum daemonum by Girolamo Menghi (1578)* // Ed. by G. Paxia. Boston, 2002.

More. 1600 — More G. A True Discourse Concerning the Certaine Possession and Dispossession of 7 Persons in One Familie in Lancashire. L., 1600.

Nyndge. 1573 — [Nyndge R.] A Booke Declaringe a Fearfull Vexation of One Alexander Nynde. L., 1573.

Swan. 1603 — Swan J. A True and Briefe Report of Mary Glovers Vexation, and of Her Deliverance by Meanes of Fastynge and Prayer. L., 1603.

True Storie. 1597 — The Most Wonderfull and True Storie of a Certaine Witch Named Alse Gooderige. L. 1597.

Yepes. 1599 — Yepes D. Historia particular de la persecucion de Inglaterra. Madrid, 1599.

Young. 2015 — The Cambridge Book of Magic: A Tudor Necromancer's Manual // Ed. by F. Young. Cambridge, 2015.

ЛИТЕРАТУРА

Серегина. 2014 — Серегина А.Ю. Одержимость и гендерные репрезентации в английской религиозной полемике конца XVI в. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 22. 2014. С. 168–182.

Серегина. 2017 — Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI – XVII вв.: виконты Монтегю. М.–СПб., 2017.

Briggs. 2002 — Briggs R. Witches and Neighbours: The Social and Cultural Context of European Witchcraft. Oxford, 2002.

Brock. 2016 — Brock M.D. Satan and the Scots: The Devil in the Post-Reformation Scotland, c. 1560–1700. L.–NY, 2016.

Brownlow. 1993 — Brownlow F.W. Shakespeare, Harsnett and the Devils of Denham. L., 1993.

Clark. 1999 — Clark S. Thinking with Demons: The Idea of Witchcraft in Early Modern Europe. Oxford, 1999.

Collinson. 2013 — Collinson P. Richard Bancroft and Elizabethan Anti-Puritanism. Cambridge, 2013.

Ferber. 2004 — Ferber S. Demonic Possession and Exorcism in Early Modern France. L.–NY, 2004.

Gibson. 2015 — Gibson M. Possession, Puritanism and Print: Darrell, Harsnett, Shakespeare and the Elizabethan Exorcism Controversy. L., 2015.

Johnstone. 2004 — Johnstone N. The Protestant Devil: The Experience of Temptation in Early Modern England // The Journal of British Studies. Vol. 43. 2004. P. 173–205.

Johnstone. 2006 — Johnstone N. The Devil and Demonism in Early Modern England. Cambridge, 2006.

Luttmer. 2000 — Luttmer F. Persecutors, Tempters and Vassals of the Devil: The Unregenerate in Puritan Practical Divinity // Journal of Ecclesiastical History. Vol. 51. 2000. P. 37–68.

Millar. 2017 — Millar C.R. Witchcraft, the Devil, and Emotions in Early Modern England. Abingdon–NY, 2017.

Oldridge. 2000 — Oldridge D. The Devil in Early Modern England. Stroud, Gloucestershire, 2000.

Purkiss. 1996 — Purkiss D. The Witch in History: Early Modern and Twentieth-Century Representations. L., 1996.

Russell. 1984 — Russell J.B. Lucifer. The Devil in the Middle Ages. Ithaca–L., 1984.

Sharpe. 1997 — Sharpe J. Instruments of Darkness: Witchcraft in Early Modern England. Philadelphia, 1997.

Sluhovsky. 2008 — Sluhovsky M. Believe Not Every Spirit: Possession, Mysticism & Disserment in Early Modern Catholicism. Chicago – L., 2008.

Thomas. 1973 — Thomas K. Religion and the Decline of Magic. Studies in Popular Beliefs in Sixteenth- and Seventeenth-Century England. 2nd edn. L., 1973.

Willis. 1995 — Willis D. Malevolent Nurture: Witch-Hunting and Maternal Power in Early Modern England. Ithaca–L., 1995.

Young. 2013 — Young F. English Catholics and the Supernatural, 1553–1829. Farnham, 2013.

Young. 2016 — Young F. The History of Exorcism in Catholic Christianity. Cambridge, 2016.

А.В. Стогова

ЗАПАХ СЛОВ: ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К ЯЗЫКУ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЕРАРХИИ В РАБОТАХ ФРАНСУА ДЕ КАЛЬЕРА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: чувствительность, речь, беседа, социальная иерархия, страсть, разум, Франсуа де Кальер

АННОТАЦИЯ: в статье поднимается актуальная в современных гуманитарных исследованиях проблематика истории ощущений, рассматриваемая применительно к устной и письменной речи как чувственному и эмоциональному опыту. Основой для исследования стали работы о манере речи Франсуа де Кальера, изданные в конце XVII века. В статье прослеживается, с каких позиций Кальер анализирует речь своих современников, какими чувственными характеристиками он наделяет ее в текстах и как чувственная ипостась речи становится для него способом конструирования различных социальных иерархий и идеального образа человека.

Изучение чувств (как ощущений) в исторической перспективе при всем стремлении историков расширить поле исследований и сделать материальные и визуальные свидетельства эпохи не второстепенным, а ключевым источником информации, тем не менее, неизбежно обращаются к текстам в поисках сведений о том, какой чувственный опыт и каким образом находит свое выражение в речи. Однако и вопросы языка, ставшие уже традиционными в исторических исследованиях, этот подход позволяет изучить с новых позиций. В данной работе предлагается обратиться именно к этой проблематике. В центре внимания окажется вопрос о

Анна Вячеславовна Стогова, к.и.н., с.н.с. Отделения историко-теоретических исследований ИВИ РАН, доцент Кафедры истории и теории культуры Факультета культурологии РГГУ, anna100gova@yandex.ru

том, в какой мере сама речь может восприниматься как источник позитивных или негативных чувственных ощущений, и каким образом этот чувственный опыт связан с вопросами социального порядка.

XVII век отмечен интересом к чувственному и эмоциональному опыту, который, как отмечают исследователи, был связан со множеством различных явлений. К ним можно отнести радикальные новшества в искусстве — от голландской живописи до итальянской оперы, новое знание и философия, формирование «модного» образа жизни социальной элиты, выражавшегося, помимо прочего, в изобилии чувственных удовольствий. При этом для конца XVII века какого-то очевидного различия эмоций и ощущений, полученных от органов чувств, еще не существовало. Эмоциональные переживания не отделялись от чувственного опыта, который эти эмоции порождал, а чувственный опыт нередко описывался как опыт эмоциональный. Идея чувственной насыщенности, отличавшая образ жизни при дворе, подразумевала ошеломление, удивление и восхищение, неразрывно связанные с блеском золота и зеркал, изысканными звуками музыки, запахами экзотических цветов и вкусами заморских напитков. Размах этой новой культуры приведет в XVIII веке к различным концепциям чувственной умеренности, необходимой для душевного здоровья.¹ Слово эмоция еще не использовалось в современном значении², при описании эмоционального, чувственного опыта речь шла о «страстях». И в изучении страстей, как

1 См. об этом: *A Cultural History of the Senses*. 2014: 1–20.

2 Сложность определений, с которыми приходится иметь дело заставляет их обращать пристальное внимание на те языковые категории, которыми эмоциональный и чувственный опыт описывался не только в прошлом, но и в настоящем. В частности на саму уместность термина «эмоции» в подобных исследованиях. См., например: *Reading Early Modern Passions*. 2004: 1–20.

с позиции науки, так и с точки зрения морали абсолютно превалировал интерес к различению страстей и разума и возможности установления контроля разума над страстями.³

Но многочисленные и разнообразные тексты о «страстях души» могут быть рассмотрены и с точки зрения поиска адекватного языка, которым можно описывать чувственно-эмоциональный опыт и при помощи которого его можно выражать. Помимо интереса к чувственной стороне жизни, XVII столетие, когда, по словам Мишеля Фуко, слова и вещи только начали обретать свои различия⁴, известно огромным интересом к языку и речи — строению, функциям, способности оказывать то или иное воздействие и формировать коммуникацию. Помимо появления словарей и грамматик национальных языков, которые впервые составляются и публикуются для широкой аудитории, а также всевозможных пособий по риторике, необходимо отметить все возрастающее внимание к манере речи.

Это внимание также отчасти обусловлено формированием феномена моды, включавшего не только наряды и предметы быта, но стиль жизни в целом, который в эпоху развития салонной культуры был неразрывно связан с культурой речи и разговора. Специфическая галантная форма выражения любовной привязанности, прециозная рафинированная и вычурная манера речи или «любезность» как основополагающая категория общения в равной мере служили маркером особого поведения, свойственного салонной и придворной культуре. Как отмечает Мириам Мэтр, изучение искусства беседы «предполагает, что следует принять во внимание все составляющие ситуации: вербальное и невербальное общение, ин-

---

3 James. 2003: 2-4.

4 Фуко. 1994: 79.

тонацию, жестикуляцию, коды пространственного поведения, туалеты, пространство и его характеристики и т.п.»⁵. Учитывая то значение, которое чувственность играла в определении этого образа жизни, неудивительно, что манера речи в XVII веке также были неразрывно связаны с чувственным восприятием⁶.

Подавляющее большинство работ о речи были посвящены определению и обоснованию ее «правильной» и достойной манеры. На этом фоне выделяются сочинения Франсуа де Кальера, которые были изданы в 1690–е годы. Они интересны не только тем, что в них критикуются нередко «модные», но неправильные манеры поведения. Эти работы в полном согласии с идеями Норберта Элиаса, демонстрируют чувствительность к чужому поведению — в данном случае к речи. Не случайно Элиас для иллюстрации тезиса об изменении чувствительности и придворном моделировании речи ссылается именно на них.⁷ Объектом критики Кальера являются слова и выражения, которые вызывают отторжение и неприятие, так что в данном случае чувствительность к языку подразумевает и способность различать языковые тонкости и нюансы, и чувствительно реагировать на произносимые слова. Вербальное общение представлено как опыт телесного присутствия и телесной реакции, куда входят и эмоции, которые являются, согласно идеям того времени, реакцией организма на внешние раздражители, воздействующие на органы чувств. Это опыт в первую очередь аудиальный, тесно связанный со всем комплексом ощущений такого телесного присутствия, т.е. внешним видом собеседника, его манерами и запахами.

---

5 **Maitre.** 1999: 459.

6 Параллельно начинаются дискуссии об искусстве оперы и о роли голоса и манеры исполнения в «возбуждении страстей». См. об этом: **Nancy.** 2012. О специфике восприятия женского голоса см. также: **Стогова.** 2017.

7 **Элиас.** 2001: I. 161, 171, 177–182; II. 299.

Для начала необходимо сказать несколько слов о самом Кальере, поскольку он известен в России только историкам дипломатии, а между тем, его отношение и к языку, и к социальным иерархиям в значительной мере обусловлено собственным жизненным опытом. Франсуа де Кальер (1645–1717) был старшим из сыновей⁸ Жака де Кальера (?–1662) — губернатора Шербура, известного не только как военный деятель, но и как литератор. Он был одним из основателей литературной академии в Кане, поддерживал близкие отношения с Жаном Шапленом⁹ и сам был автором нескольких работ, в числе которых «История герцога Жуайеза» и «История маршала Матиньона», а также пособие для желающих преуспеть при дворе «Фортуна людей благородного происхождения». Происхождение самого Жака де Кальера до сих пор остается загадкой. Долгое время считалось, что это боковая ветвь дворянского семейства Кальеров из Сантонжа, однако эта версия была подвергнута сомнению¹⁰. В то же время Жак де Кальер получил образование, приличествуя-

---

8 Его младший брат Луи-Эктор де Кальер (1648–1703) стал губернатором Новой Франции, т.е. Канады, обе сестры вышли замуж в Нормандии, но не смогли своим браком усилить положение семьи.

9 Жан Шаплен (1595–1674) — французский поэт и литературный критик, член Французской академии.

10 Жан-Клод Ваке подробно разбирает, в силу каких новых данных эта версия постепенно становилась все менее правдоподобной. **Waquet.** 2005: 39–40. Что касается происхождения этой версии, то можно предположить, то ее автором был именно Франсуа де Кальер, именно он изменил написание своей фамилии таким образом, чтобы оно совпадало с написанием фамилии своих «родственников» — de Callières. Его отец писал свою фамилию иначе — de Caillierès, да и первый литературный труд Франсуа Кальера вышел под тем же именем. Любопытно, что в конце XVIII столетия Кальеры из Сантонжа признали во Франсуа своего родственника. **Waquet.** 2005: 40. В то же время надо отметить, что ряд исследователей и сейчас продолжают придерживаться версии о дворянском происхождении Кальера и его связях с сантонжским семейством. См., например: **Shweizer.** 1995: 2; **Lempereur.** 2002: 9.

шее дворянину, но очень разностороннее для провинциального и небогатого семейства начала XVII века, женился на дочери обедневшего дворянина и вел явно дворянский образ жизни. Эти странности вкупе со свидетельствами об активном покровительстве Жаку де Кальеру со стороны знатного и влиятельного нормандского семейства Матиньонов¹¹ и многими другими обстоятельствами позволили Лоуренсу Поупу предположить, что Жак де Кальер был внебрачным сыном представителя какого-то знатного рода — либо Матиньонов, либо их еще более влиятельных родственников — де Лонгвилей¹² — одного из самых знатных французских семейств¹³. Эта гипотеза очень многое объясняет и в отношении Франсуа де Кальера — как его судьбы и карьеры, так и взглядов в отношении аристократии, которые он высказывал в своих работах. Значительная доля критики у него направлена против спесивых аристократов, которые полагают, что они принадлежат к людям особой породы, хотя на самом деле, говорит Кальер, «даже не надо углубляться в историю до Адама», чтобы убедиться в том, что все в той или иной мере являются друг другу родственниками¹⁴.

11 Матиньоны — знатный нормандский дворянский род, владевший наследственной должностью генерал-губернаторов Нормандии.

12 Род герцогов де Лонгвилей восходит к Жану де Дюнуа, побочному сыну герцога Луи Орлеанского, который в свою очередь был младшим сыном короля Карла V и дедушкой короля Людовика XII. Шарль де Матиньон был женат на Элеоноре Орлеанской, дочери герцога де Лонгвиля. Их сын Франсуа и стал покровителем Кальера.

13 **Pope**. 2010: 4–6. Одним из непосредственных свидетельств в пользу этой версии является замечание Ж.-Э. Пиганьоля де Ла Форса в его «Описании Парижа, Марли, Сен-Клу, Фонтенбло и всех прочих прекрасных домов и замков в окрестностях Парижа» 1742 г. издания: «Вероятно, о происхождении Ж. де Кальера было бы больше известно, будь оно менее блестящим» **Piganiol de La Force**. 1742: 531.

14 **Callières**. 1693b: 50.

Об образовании, которое получил Франсуа де Кальер, нет достоверных сведений. Можно предположить, что он обучался в коллеже д'Аркур, как и большинство детей нормандских дворян. Этот коллеж известен своими проянсенистскими взглядами, и следы влияния янсенизма исследователи находят в различных работах Кальера. В частности, его юношеский опус «Логика влюбленных, или Амур-логик» (1668) отсылает к знаменитой «Логике Пор-Рояля» Пьера Николя и Антуана Арно и на основе любовной тематики критикует схоластическую логику. Этот аспект для нас тоже немаловажен, поскольку все работы о языке у Кальера пронизаны идеями рационализма и рационального устройства языка и, по всей видимости, восходят к творениям янсенистов, во многом опиравшихся на метод Декарта и философию Паскаля: не только к «Логике», но и «Грамматике Пор-Рояля» Антуана Арно и Клода Лансло. Кальер не упоминает ни один из этих текстов, поскольку рассуждает о манере речи, а не языке самом по себе, но ссылается на Паскаля, другого известного янсениста. И все это заставляет предполагать, что, по всей видимости, с грамматикой он был знаком. Если он и не обучался в коллеже д'Аркур, то, по меньшей мере, на протяжении всей жизни находился под покровительством людей, очень близких к Пор-Роялю, начиная от герцогини де Лонгвиль¹⁵ и заканчивая герцогом де Шеврёзом¹⁶. Равным

---

15 Анна-Женевьева де Бурбон-Конде (1619–1679), супруга Анри II Орлеанского, герцога де Лонгвиль. В период опалы за активное участие во Фронде становится яркой сторонницей янсенизма и покровительницей монастыря Пор-Рояль.

16 Шарль-Оноре д'Альбре, герцог де Шеврёз (1646–1712) — один из фаворитов и советников Людовика XIV, внук герцогини де Шеврёз — еще одной активной участницы Фронды, попавшей в последние годы жизни под влияние янсенизма. Учителем герцога был Блез Паскаль, а Жан Расин, сам обучавшийся в Пор-Рояле, посвятил ему трагедию «Британник».

образом Кальер интересовался и эмпиристической традицией, и известно, что в посмертной описи его имущества среди прочих книг было упомянуто первое французское издание «Опыта о человеческом разумении» Джона Локка 1700 года¹⁷.

Жак де Кальер умер, когда сыну еще не было и 20 лет, и Франсуа обращается за помощью к покровителям отца, в результате чего семейство Лонгвилей отправляет его в Польшу в качестве одного из членов тайной миссии, целью которой была попытка возвести на польский престол графа де Сен-Поль, будущего герцога де Лонгвиль¹⁸. Лишенный семейных связей и значительного капитала, Кальер выстраивает свою карьеру через влиятельных покровителей. Став профессиональным дипломатом, он долгое время находился на службе то одних, то других влиятельных лиц, постепенно обрастая необходимыми связями. Сначала это были де Лонгвили, затем семейство герцога Савойского¹⁹, люди из окружения Кольбера²⁰, польский аристократ Мор-

17 **Collection des documents.** 1885: 136. К сожалению, в описи указаны авторы и названия лишь небольшой части книг из библиотеки Кальера. Ни одной книги кого-либо из авторов, близких к Пор-Роялю, среди них нет.

18 Шарль-Пари Орлеанский граф де Сен-Поль герцог де Лонгвиль (1649–1672) — сын герцогини де Лонгвиль от внебрачной связи с герцогом де Ларошфуко, был официально признан герцогом де Лонгвилем в качестве сына. Стал одним из претендентов на польский престол, однако был убит во время военной кампании в Голландии.

19 Речь идет в первую очередь о Шарле-Эммануиле II герцоге Савойском (1634–1675), его сестре Генриетте-Аделаиде Савойской, курфюрстине Баварии (1636–1676), второй жене — Марии-Жанне-Баттисте Немурской (1644–1724) и супруге его племянника — Олимпии Манчини, графине де Суассон (1639–1715).

20 Наиболее влиятельными среди них были упомянутый выше герцог де Шеврёз и герцог де Бовилье (1648–1714), женатые на дочерях могущественного министра Людовика XIV.

штын²¹, маркиза д'Юксель²². Однако целью Кальера была служба королю и статус «государственного человека», а не клиента влиятельного вельможи. В конечном счете, многочисленные усилия увенчались успехом. Пиком этой карьеры стало участие Кальера в заключении Рисвикского мира в качестве чрезвычайного и полномочного посла короля Франции. По результатам переговоров он был щедро вознагражден и в довершение всего стал личным секретарем Людовика XIV, имеющим право подписывать письма от имени короля. Именно как дипломат, участвовавший в этих важных переговорах, Кальер и известен историкам более всего. Впоследствии он суммировал свой опыт в работе по искусству дипломатии «Как договариваться с государями», которая вышла в 1716 г., уже в XVIII веке была переведена на разные языки, включая русский²³, и стала одним из классических трудов по ведению переговоров.

Этот дипломатический опыт и его осмысление оказывается крайне важным в контексте данного исследования, поскольку язык, речь является основным инструментом дипломата. Даже в более ранних работах Кальера очень хорошо ощущается эта идея влиятельности произносимых слов, и их способности не только выражать, но и, вольно или невольно,

-
- 21 Ян Анджей Морштын (1621–1693) — польский дворянин и политик, с 1668 г. казначей (подскарбий великий коронный). Кальер завязал с ним близкие отношения во время своей первой польской миссии и с тех пор постоянно их поддерживал. В 1683 г. Морштын эмигрировал во Францию и прожил там последние годы. Благодаря посредничеству Кальера, его сын женился на дочери герцога де Шеврёза.
- 22 Мари де Байоль, вдова маркиза д'Юксель (1626–1712) — близкая подруга герцогини де Лонгвиль. Известна своим салоном, в котором обсуждались политические новости со всей Европы и перепиской с наиболее влиятельными вельможами.
- 23 **Каллиер**. 1772. Это единственное сочинение Кальера, переведенное на русский язык. Существует его современное издание: **Кальер**. 2000.

формировать некоторую реальность, в первую очередь, провоцируя ту или иную реакцию собеседника. С другой стороны, с опытом дипломата связано и подчеркивание важности слушания, которое у Кальера, в отличие от риторической традиции понимается как активное действие, позволяющее узнать много больше, чем собеседник намеревается сказать, если внимательно отнестись к подбору слов, оговоркам, интонациям, жестам и т.п.

Идею о влиятельности публично высказываемых слов Кальер неоднократно проверял на практике. По примеру своего отца он сделал литературную деятельность инструментом политического влияния. С самого начала он очень серьезно относится к ней как к жизненной стратегии, позволяющей польстить нужным людям и способствовать устройству или возобновлению своей карьеры. Первый опус Кальера о логике любви имел посвящение тому самому графу де Сен-Поль, помощь которому положит начало его дипломатической карьере. В период, казалось бы, полного ее краха Кальер прилагает немалые усилия, чтобы произвести благоприятное впечатление на монарха, а равным образом завоевать статус уважаемого литератора. В начале 1687 года он пишет и печатает частное издание эпистолы на выздоровление Людовика XIV от анальной фистулы и похвалы Дофине (племяннице его бывшего покровителя герцога Савойского), которые были представлены им в Версале. Летом того же года он получает привилегию на издание «Поэтической истории недавно разразившейся войны между Древними и Новыми» и уже осенью издает эту поэму, в которой занимает нейтральную позицию, воздавая честь и аргументам, и заслугам «древних», и достоинствам

«новых»²⁴. Наконец весной 1688 г. Кальер публикует «Панегирик Людовику XIV» и получает право прочесть его перед академиками. Результатом всех этих маневров (конечно, не без дополнительной поддержки) становится то, что после смерти Филиппа Кено в конце 1688 г. Французская академия предлагает кандидатуру Кальера на вакантное место, и в начале 1689 г. после одобрения короля он был единогласно избран академиком.

Как считается, как раз отрабатывая свой статус академика, Кальер и пишет три работы о хороших и дурных манерах речи²⁵, которые послужили основой для еще одной работы о знании света, которая выходит уже перед его смертью в 1717 г. Однако, можно сказать и иначе — Кальер пользуется статусом академика, публикуя эти книги. Дело в том, что их выход совпадает по времени с обретением нового покровителя в лице герцога де Шеврёза, который (наряду с королем и прежними покровителями Кальера) восхваляется в тексте. Результатом же различных усилий Кальера и помощи де Шеврёза в этот период становится статус посла на переговорах в Рисвике.

В данном исследовании нас будут в наибольшей степени интересовать две из этих работ, непосредственно связанные с вопросами языка и социальных иерархий. Первая книга,

---

24 Считается, что знаменитый спор «о древних и новых» берет свое начало 27 января 1687 г., когда Шарль Перро выступил во Французской академии с поэмой «Век Людовика XIV», восхвалявшей монарха и современные науки и искусства.

25 В 1695 г. вышла еще одна книга — «Об остроумии» (**Callières**. 1695). Она была издана анонимно, и авторство Кальера до сих пор остается предметом дискуссий. Убедительные доводы в пользу Кальера были приведены Арнальдо Пиццоруссо: **Pizzorusso**. 1968. Учитывая эти аргументы и очевидное сходство многих тезисов с теми, что обнаруживаются в анализируемых нами текстах, в данной статье трактат об остроумии также будет использован как произведение Кальера.

опубликованная в 1692 году, называется «О модных словах и новой манере говорить» и посвящена она преимущественно критике вычурной речи придворных. Вторая, выпущенная в 1693 году как продолжение, именовалась «О хороших и дурных обычаях в манере речи» и была сфокусирована на речи горожан. Оба текста имели успех у публики, в особенности первая, тираж которой был раскуплен в течение месяца²⁶. Традиционно считается, что основной читательской аудиторией этих работ, как и всех подобных текстов, наставляющих, как правильно себя вести в приличном обществе, была буржуазия и провинциальное дворянство. Однако, учитывая писательские стратегии Кальера, а также то, что уже в XVIII столетии он приобрел славу грамматика и знатока языка, можно предположить, что в действительности и литераторы, и придворные не обошли их своим вниманием. Д'Аламбер написал похвалу Кальеру, сказав немало лестных слов о его исследовании языка,²⁷ Луи Морери посвятил ему отдельную статью в своем «Большом историческом словаре»²⁸, а аббат Гуже уделил внимание его трудам в своей «Французской библиотеке, или Истории французской литературы»:

правила и рассуждения господина де Кальера тем более заслуживают быть выслушанными, что он не только размышлял о сущности гения подлинного красноречия, но к тому же был восхваляем Французской академией, как писатель, который сам был весьма красноречив²⁹.

Тексты имеют схожую структуру, они представлены как огромные письма, внутри которых подробнейшим образом

---

26 В данной работе будет использоваться третье издание книги, сделанное в 1693 г. и существенно дополненное.

27 **D'Alembert.** 1967: 511–513.

28 **Moreri.** 1759: III. 65.

29 **Goujet.** 1756: I. 495.

пересказываются беседы о манере речи, имевшие место в доме знатной дамы. «Письмо» в первой книге представлено максимально достоверно: оно имеет точную дату 14 января 1692 г. и отсылку к визиту Людовика XIV в Фонтенбло в сентябре 1691 г., в котором его сопровождал английский король в изгнании Яков II с супругой. Это имело немаловажное значение, поскольку многие обсуждаемые выражения в речи придворных непосредственно связаны с приемом, устроенном французским королем. В силу этого текст становится суперактуальным и подчеркивает ситуативность и изменчивость языка, а сама речь оказывается теснейшим образом связана с событийной и материальной составляющими жизни. Письмо во второй книге, где обсуждается манера речи горожан, уже не имеет никаких временных свидетельств. Известно только, что пересказываемая беседа имела место после выхода книги «О модных словах». Учитывая крайне небольшой промежуток между изданием первого и второго текстов, новые рассуждения также оказываются очень актуальными.

Поскольку «письма» пересказывают беседы, то основная часть текста построена как полилог, в которых разговор выстроен вокруг обсуждения конкретных неверно употребляемых слов и выражений, на примере которых разбираются разного рода речевые ошибки, связанные и с подбором слов, и с их произношением, и с их уместностью. Беседы ведут люди высокого положения, бывающие при дворе. Но Кальер не ограничивается формальными характеристиками, маркирующими их статус, и дает о каждом некоторую информацию, которая позволяет понять манеру поведения персонажа в ходе беседы и его отношение к обсуждаемым оборотам речи. Разговор о манере общения придворных ведут: хозяйка дома — Дама весьма почтенного возраста (*qui est déjà sur le retour*); Герцогиня и Маркиза — напротив, молодые и привлека-

тельные; молодой Герцог, исправно посещающий двор (*qui est un courtisan fort assidu*), и молодой Граф, которого война привлекает больше, чем придворная жизнь; а также Командор, который является кузеном хозяйки и недавно вернулся с Мальты после почти двадцатилетнего отсутствия при дворе, чтобы служить королю³⁰.

Вторую беседу о горожанах продолжают вести Дамохозяйка, Маркиза, Герцог и Командор, а вместо Графа и Герцогини к ним присоединяется Аббат «из почтенного парижского семейства, и из числа тех священников, что любят ухаживать за дамами».³¹ Также на время в разговор включается пришедший с визитом господин Тибо (единственный, чье имя можно не скрывать в печатном издании) — сын буржуа из числа «друзей» хозяйки, то есть «тех богачей, чья дружба нередко бывает полезна знатным особам, нуждающимся в деньгах».³² Этому персонажу — временному, но олицетворяющему собой всех тех буржуа, чья речь подвергается осуждению, дается наиболее подробная характеристика. Это не просто сын богатых буржуа, но молодой человек, стремящийся поступить на службу и получивший образование, однако нуждающийся (по мнению собравшихся) в избавлении (*d'être purgé*) от буржуазной манеры речи.³³

Все эти характеристики не случайны, они оказываются важны, поскольку выявление недостатков чужой речи всегда представлено как результат телесного присутствия и описывается в первую очередь как аудиальный опыт. С такой позиции рассмотрения речевая коммуникация предстает не

---

30 Callières. 1693a: 3–4.

31 Callières. 1693b: 2.

32 Callières. 1693b: 15.

33 Callières. 1693b: 15.

только как акт сенсорного воздействия на слушателя, порождающего определенные эмоции, но и результат активного слушания — усилий слушающего, связанных с тем, чтобы с одной стороны не упустить из поля зрения этот чувственный опыт, который может показаться на первый взгляд не имеющим значения в сравнении с рационально воспринимаемым содержанием разговора, а с другой — осмыслить его и контролировать свои эмоции. Для Кальера важны обе позиции — и страсти, и контролирующий их (и манипулирующий ими) разум. Эта идея манипуляции чувствами другого, намеренного воздействия на страсти, которые управляют большинством людей, которую позднее он будет описывать как один из методов дипломатии, лежит в самой основе данных книг. Рассуждая преимущественно о речи устной, Кальер не забывает и о том, что письменная речь, то есть любой текст, точно также может оказывать сенсорное воздействие дополняющее суть передаваемых в словах идей, но уже не на слух, а на зрение и пользуется этим, чтобы «обработать» своего читателя так же, как это делает дипломат.

Дело в том, что в работах Кальера можно выделить три уровня чувственного влияния языка. Во-первых, слова и манера речи, вызывающие отвращение — предмет обсуждения и осуждения участников полилога. Обе книги представляют собой последовательный разбор выражений, которые встречаются в речи, соответственно, придворных и горожан, с определением их недостатков и поиском достойной альтернативы.

Второй уровень — это речь самих участников беседы. В подавляющем большинстве случаев обсуждается не просто отвлеченная манера говорить, а манера речи кого-то из присутствующих. Но в этом обсуждении обнаруживается, что любая речь, даже безупречная с точки зрения языка и логи-

ки может оказывать очень сильное эмоциональное воздействие и вызывать самую разнообразную реакцию. Наиболее обстоятельно описывается опыт молодого буржуа господина Тибо, в присутствии которого обсуждают дурную речь горожан. Кальер описывает, как его в этой ситуации раздрают разнообразные чувства, и под их влиянием он вмешивается в беседу, в свою очередь, вызывая своими словами негодование хозяйки дома:

Тем временем господин Тибо испытывал страдания (*la nature patissoit en Monsieur Thibault*), выслушивая эту критику дурной манеры речи людей своего положения. Он ощущал укоры совести за то, что совершил многие из тех ошибок в манере говорить, осуждение которых услышал, но при этом был слишком раздосадован, чтобы извлечь урок из беседы, которая могла бы быть ему столь полезна наставлениями и указанием на ошибки. И под влиянием той дурной гордыни, которая, которая почти неистребима в человеческом сердце, и которой сердце богатого буржуа чаще отдается во власть, нежели сердце знатного человека, он с трудом выносил осуждение речи горожан и мечтал поскорее уйти, чтобы избавить себя от этой муки. Но он смущался и стыдился того, что сказал о даме из “Модных слов” и, поняв из последующей беседы, что Дама и Командор, которых он видел перед собой, и были главными персонажами этой книги, он не решался более говорить, но все же хотел исправить промах, который допустил, назвав старой знатную даму, к которой испытывал большое уважение и над которой вовсе не хотел насмехаться подобным образом. Пребывая в подобном замешательстве, он повел себя как буржуа, ничего не смыслящий в правилах поведения, и вместо того, чтобы извлечь выгоду из критики Дамы и оставить в прошлом обиду, которую нанес ей, сам того не желая, он некстати напомнил о ней, сказав при прощании такие слова: “Прошу меня извинить, мадам, если обидел вас, говоря о даме, которая критикует горожан в книге о модных словах. Я думал, вы не придадите им никакого значения, а если бы знал, то никогда не употребил бы слово “пожилая”, которое так вас расстроило”. Это извинение было принято дамой столь же плохо, сколь и неволью данная характеристика ее как старухи. Она покраснела от гнева и жестоко и

презрительно ответила ему: “Идите, идите, господин Тибо! На некоторых людей даже не приходит в голову обижаться”³⁴.

Столь подробное описание переживаний не просто подчеркивает значимость правильно подобранных слов и в целом умения контролировать свою речь и поступки. Для Кальера в обеих книгах оказывается важным создать образ беседы не только как обмена мыслями, но как серии последовательных или одновременных эмоциональных состояний, которые спровоцированы услышанным и которые в свою очередь могут порождать ответные реплики.

Наконец слова составляют ткань текста, обращенного к читателю, и здесь оказывается важным визуальное восприятие речи в процессе чтения. Дурные, неправильные слова присутствуют в тексте и как обсуждаемые в ходе беседы, и как произносимые ее участниками. Эти выражения всегда выделены курсивом, чтобы они бросались в глаза точно так же, как они должны резать слух. Этот визуальный опыт должен пробудить в читателе воспоминания о его собственной или чужой речи, об опыте говорения или слушания. Чтение уподобляется слушанию через аналогичный эффект слов: в зависимости от того, обладает ли читатель «разумом и вкусом», текст, как отмечает Кальер в предуведомлении, должен либо порадовать и развеселить, либо «задеть его самым чувствительным образом»,³⁵ точно также как это произошло бы в устной беседе. Во втором тексте, посвященном хорошим и дурным манерам речи, это внимание к визуальным аспектам восприятия речи усиливается, когда предметом рассмотрения оказываются не устные выражения, а формы выражения любезности, используемые в частной переписке.

---

34 Callières. 1693b: 106-110.

35 Callières. 1693a: [V].

Таким образом, принципиальной основой всех рассуждений Кальера оказывается акцентирование значимости чувственного опыта в человеческом общении, порождающего эмоциональные реакции, которые именно в силу этого колоссального значения должны анализироваться и контролироваться разумом. В своей последней работе, посвященной правильным манерам общения при дворе, Кальер связывает этот сенсорный опыт общения как с правильным употреблением и произношением слов, так и с интонацией, с которой они произносятся — «музыкой выражения чувств»³⁶. Он также добавляет, что не менее важным оказывается выражение лица и особенно глаз, которое не должно противоречить тому, что произносится вслух³⁷.

Идеал приятной беседы и «человека достойного» (*honnête homme*), о которых к концу XVII века было написано уже изрядное количество книг, преломляются у него в контексте традиции рассуждений о страстях. Поскольку Кальер вообще практически не дает отсылок к другим авторам, вопрос о непосредственном влиянии эмпиризма и рассуждений Декарта пока остается открытым, однако очевидно, что, по меньшей мере в общих чертах, с идеями Декарта автор был знаком³⁸. И в то же время, общая интенция рассуждения о

36 Callières. 1717: 63.

37 Callières. 1717: 64.

38 Из посмертной описи имущества Кальера известно о его интересе к Локку, но к 1692–1693 гг. на французском языке были известны только рассуждения Локка о гражданском правлении, изданные в 1691 г. в Голландии. В той же описи упоминается портрет Декарта (наряду с Гассенди), что можно расценивать как свидетельство уважения и интереса к его взглядам (**Collection de documents**. 1885: 142). Вне всяких сомнений, на картезианскую концепцию страстей опирается другое сочинение — «Об остроумии», которое также приписывается Кальеру. В нем всячески подчеркивается значимость и польза «страстей», но только при непременном условии обуздания их разумом. Основываясь на этом тексте, Филипп Шомети

страстях в его текстах оказывается очень близка к янсенистской критике. В последнем своем сочинении, посвященном «знанию света», Кальер выдвигает два основных тезиса, обосновывающих важность хороших манер (в числе которых он рассуждает и о речи). Один из них заключается в том, что «проще сформировать суждение, основываясь на том, что поражает наши чувства, нежели пользуясь светом разума»,³⁹ а потому впечатление, произведенное на уровне чувств, оказывается очень важным, а иногда и доминирующим фактором в формирующейся оценке человека. Другой отсылает к тому, что в людях доминируют суетность и тщеславие, и если не удовлетворить их приятными манерами и сладкими речами, то даже благое дело может пропасть втуне, а если говорить грубо и свысока, легко навлечь на себя гнев и ненависть⁴⁰.

Уже приведенное выше описание терзаний господина Тибо показывает, насколько прочно идеал поведения, транслируемый Кальером, увязывается с умением не только контролировать страсти, но и извлекать из них пользу. Впоследствии он разовьет эту мысль несколько в иной плоскости, рассуждая о том, что хорошие манеры и приятные речи – наиболее простой способ не только создать и поддержать хорошую репутацию, но и «проникнуть в сердца людей», которые чем-то важны (т.е., по сути, манипулировать ими).⁴¹

Авторитетная позиция в обоих текстах озвучивается от имени Командора, который вернулся с Мальты после длительного отсутствия, чтобы служить своему королю, и в силу

называет Кальера «картезианцем и последователем Мальбранша». Chométy. 2006: 57 (note 3).

39 Callières. 1717: 11–12.

40 Callières. 1717: 12.

41 Callières. 1717: 16.

этого опыта оказывается восприимчив к изменениям, произошедшим в языке. Именно его позиция может быть охарактеризована как рационалистическая и прагматическая, осуждающая неразумность, невежественность, аффектацию и т.п. как неспособность или нежелание действовать разумно — то есть, с позиции идеала человека, руководствующего разумом⁴², и, с другой стороны, как нарушение порядка, свойственного самому устройству языка, когда необдуманное употребление слов приводит к тому, что люди «калечат наш язык, говоря совсем не то, что хотят выразить»⁴³ (например, употребление эпитета «большой» (*gros*) по отношению к человеку, когда имеется в виду вовсе не его рост и комплекция, а величие, несмотря на то, что в языке есть подходящее для этого случая прилагательное *grand*). В данном случае, опять же без прямых отсылок, Кальер следует идеям «Общей и рациональной грамматики» Антуана Арно и Клода Лансло о том, что стихийно складывающиеся языковые обычаи нуждаются в рациональном воздействии и корректировке. Тезис грамматиков Пор-Рояля, о том, что «следует не только уметь владеть речью, но и проникать в ее основания, дабы действовать в соответствии с наукой там, где иные действуют лишь по заведенному обычаю»,⁴⁴ превращается у Кальера в императив поведения людей, «обладающих разумом и вкусом».

В отличие от авторов грамматики, его интересует язык не столько сам по себе, сколько как критерий, по которому

42 При этом даже командор не представлен у Кальера как бесстрастный критик. Речь молодых собеседников и их отношение к языку вызывают у него «безудержную печаль, которую он не смог бы скрыть, если бы не находился в обществе этих достойных ценителей остроумия». Callières. 1693a: 20.

43 Callières. 1693a: 23.

44 Арно, Лансло. 1990: 70.

можно оценивать говорящего. Давая пояснения по каждому из неудачных примеров манеры выразаться, Командор добавляет рассуждения и о языке, и обществе в целом, проводя параллели между языковым и социальным порядками. Чужая речь, вызывающая чувственную и эмоциональную реакцию, пронизывающую оба текста, — это речь не только и не столько конкретных людей, сколько определенных социальных групп, о чем свидетельствует и проблематика рассматриваемых нами текстов: один из них посвящен манере речи придворных, другой — речевым особенностям, свойственным буржуа. Так что в значительной мере разговор о манерах речи это разговор о социальных иерархиях и о том, насколько язык способен выстраивать эти иерархии и свидетельствовать о них. И, в конечном счете, все это помогает Кальеру обрисовать идеальный образ человека. В этом отношении для него оказывается важным, что и сам язык имеет свои иерархии: в нем выделяются возвышенные и низкие, грубые слова и выражения, устаревшие, устоявшиеся или новомодные, варварские (даже «готические⁴⁵») и «светские». Эта иерархия слов непосредственно связана со статусом людей, которые их употребляют.

В первую очередь речь идет о властной иерархии, в которой только монарх обладает абсолютным суверенитетом и вправе устанавливать систему отличий для подданных, в том числе на вербальном уровне. Одним из примеров этого оказываются надписи, сделанные по королевскому велению на дверях помещений, выделенных в королевском дворце для проживания придворных, в которых язык становится способом конструирования иерархии. На дверях комнат, предназначенных для особ королевской крови, писалось

---

45 Callières. 1693b: 206.

«для господина...», на дверях комнат всех прочих, включая герцогов и высших сановников, просто «господин...».⁴⁶ Никто кроме суверена не имеет такого права конструировать иерархические отличия, даже знатное происхождение (за исключением наследников престола) «не дает власти над теми, кто не столь благороден»⁴⁷. Подданные, соответственно не равны между собой только по воле суверена, а значит не должны кичиться положением и требовать или вводить самим дополнительные знаки отличия с одной стороны и обязаны соблюдать установленный порядок — с другой. Поскольку подлинная власть, как утверждает Кальер, держится на любви и уважении, любезность (которая, в отличие от грубости не подчеркивает социальные отличия, а затушевывает их) рассматривается как всеобщая обязанность, закон, которому все обязаны подчиняться в равной мере, а «удовольствие», порождаемое таким общением, является одной из составляющих социальной гармонии и мира⁴⁸. Это удовольствие и описывается как чувственная реакция на окружающих людей, включающая слуховые, визуальные, ольфакторные и тактильные ощущения, в силу чего рассуждения о правильной манере речи то и дело дополняются характеристиками внешнего вида или манер собеседников.

Монарх (правильный монарх, коим и является Людовик XIV) — это образец мудрости, любезности и умения держать себя в руках, что является основой счастливого, справедливо-

---

46 Callières. 1693b: 183.

47 Callières. 1693a: 157.

48 Кальер противопоставляет страдание, которые испытывают люди, с которыми обходятся неуважительно и нелюбезно, и ненависть, которую они выражают в ответ, удовольствию взаимного уважения. Callières. 1693a: 158-159.

го правления⁴⁹. Он стоит на вершине не только властной, социальной и человеческой иерархий, но и «речевой»: он — воплощение того идеала речевого поведения, который рисует Кальер и который должен быть образцом для подражания. Но и остальные должны соблюдать законы любезности, ибо их нарушение грозит не только страданиями и ненавистью, но и социальными беспорядками⁵⁰. Кальер уподобляет дурную манеру речи болезни, другому чувственному опыту, отмечая, что, хотя от этой болезни и нельзя умереть, она доставляет массу страданий и от нее необходимо лечиться⁵¹. Подданные (в особенности придворные) «могли бы быть столь же великодушными благодетелями, как он [король — А.С.], такими же мягкими, обходительными, порядочными, благовоспитанными и любезными; они могли бы научиться искусству нравиться, говорить справедливо и правильно и произносить лишь то, что должно быть сказано по каждому вопросу, и у каждого вызывать уважение и любовь. И поскольку ничто не наставляет лучше, чем живой пример, пренебрежение всем этим тем менее прощительно, что они не хотят извлечь пользы из великого преимущества жить во время счастливого правления столь превосходного короля».⁵²

Но разным социальным группам свойственны в этом плане свои ошибки или симптомы, и как уже было сказано,

---

49 Панегирик королю как «неиссякаемому источнику добродетелей и героических поступков» и образцу для подражания завершает рассуждения о «модных словах». **Callières**. 1693a: 233–239.

50 В работе о знании света Кальер посвящает целый раздел рассуждениям о порядке как основе всякого общества, в особенности «светского и приятного», и о необходимости подчинять свое поведение выполнению правил и обязанностей, ставя общее благо и интересы выше собственных. В число общих благ в монархиях, безусловно, на первое место ставятся интересы суверена. См.: **Callières**. 1717: 121–130.

51 **Callières**. 1693b: 23–24.

52 **Callières**. 1693a: 240–241.

рассматриваемые книг посвящены в первую очередь придворным и горожанам (буржуа). Если с разделением суверена и подданных у Кальера все очень четко и ясно (проблему тирании он практически обходит молчанием, предпочитая говорить о «правильном монархе»),⁵³ то в отношении иерархии среди подданных обнаруживается масса нюансов. Поскольку эта иерархия создается сувереном, она оказывается довольно подвижной. По мнению Кальера, иерархические различия, которые аристократы полагают своим неотъемлемым правом, таковыми не являются, это — лишь королевская признательность за заслуги предков, а значит, знатное происхождение может быть сопоставимо с такими достоинствами как ум, знания, добродетель и заслуги у человека незнатного происхождения, добившегося признательности короля⁵⁴. И молодые аристократы должны без усталости заниматься самосовершенствованием, чтобы подтвердить свое превосходство или, по меньшей мере, не позорить имя предков. С другой стороны, во втором диалоге рассуждения «О модных словах» довольно много внимания уделяется «фальшивым» дворянам и аристократам, придумавшим себе дворянский статус или титулы, то есть, незаконным и несправедливым образом присвоившим себе отличия, которые может даровать только монарх и только за определенные заслуги. При всем осуждении, которыми окрашены эти рассуждения, Кальер подчеркивает перформативную силу язы-

---

53 Практически единственное ограничение воли суверена, на которое обращает внимание автор, касается именно языка: монарх может изобрести новое слово, но не в силах его навязать к употреблению; публика всегда сама решает, какое слово приживется, и потому очень важно, чтобы подданные подходили к вопросам языка осмысленно и использовали те или иные выражения, только если они согласуются с разумом и законами любезности. **Callières**. 1693a: 135–137.

54 **Callières**. 1693a: 137–138.

ка: хотя эти новоявленные аристократы и являются таковыми только в силу того, что *именуют* себя графами и маркизами, с их несправедливыми притязаниями приходится считаться, и в глазах общества они *становятся* титулованными особами. Подобная значимость речи в конструировании социальной реальности также оказывается выражена через эмоциональное восприятие: в случае, если именование (присвоение титула) исходит от короля, оно оказывается справедливым, полноправным и потому окрашенным позитивными эмоциями, в случае если то же самое осуществляют сами подданные, это не может не вызывать у окружающих негативных эмоций или насмешки (смехотворность подобных претензий подчеркивается именем одного из таких лже-дворян — господина де Журдена⁵⁵). Все это лишь акцентирует важность внимательного и осторожного обращения со словами и, с другой стороны, положительные качества и заслуги другой пограничной группы людей, которые завоевывают или подтверждают свое положение не словами, а делами — «достойных людей, приносящих пользу Королю, каждый сообразно своим различным талантам»,⁵⁶ и с ним всем придворным стоило бы брать пример.

При всей проницаемости границы между различными социальными группами, отрицать различия между знатными людьми и буржуа не приходится, поскольку в целом их образ жизни и привычки очень сильно отличаются. Это касается и речи, а потому речь придворных и буржуа оказывает разное чувственное воздействие. Хотя Кальер подчеркивает, что и среди тех, и среди других есть разумные и здравомыслящие люди, которые умеют хорошо говорить, его

---

55 Господин де Журден — герой комедии Мольера «Мещанин во дворянстве».

56 Callières. 1693a: 192.

больше интересуют те, кто ошибаются, поскольку ошибаются они по-разному. В кругу придворных объектом критики становятся те, кто желает произвести сильное впечатление, выделиться, подчеркнуть свой статус и социальную дистанцию особой манерой поведения и речи⁵⁷. Это те, кто кичится своим происхождением, но сами не имеют никаких заслуг. Они изобретают новые модные словечки, которые не согласуются со здравым смыслом и нормами языка, но отличают их от всех прочих. Их речь утомляет и ошеломляет слушателя, понять ее может только тот, кто сам вращается в этих кругах. С одной стороны разговор о несурзадной речи придворных становится для Кальера основой для критики феномена моды, основанной на внешних эффектах и подражании, а значит, не действующей разум и функционирующей только на уровне страстей⁵⁸. Опыт беседы с щеголями, изобретающими причудливые выражения, оказывается тесно связан в пространстве текста с опытом ношения введенной ими же в моду несурзадной одежды. *Façons de parler*⁵⁹ уподобляются фасонам одежды. Эта аналогия также оказывается чувственной, ибо, придав костюму «форму и вид по своему вкусу, им обычно удается сделать его потрясающе неудоб-

---

57 Например: «Я знавала женщин, которые изрядно теряли привлекательности из-за того, что чрезмерно стараясь ее достичь неестественной манерой выражаться или произносить то, что они говорят», а «легкомысленные молодые люди, неразумные и лишенные вкуса, [...] убеждены, что жонглирование новыми словечками делает их бесконечно приятными и выделяет среди остальной массы людей». **Callières**. 1693a: 186–187.

58 В картезианской лингвистике вовлеченность разума является основой для другой иерархии: человека и животных. «Речь» животных вызвана только страстями и ограничена ими, а потому не является языком. Они не способны «говорить» ни о чем, кроме того, что обусловлено давящей в данный момент страстью. **Хомский**. 2005: 25–28.

59 Манера речи.

ным».⁶⁰ Выражения, противоречащие логике и строению языка и используемые лишь для того, чтобы произвести впечатление и продемонстрировать «модный» статус, представлены столь же неудобными в использовании, как и носшение огромных рукавов, составленных из «многоэтажных» складок ткани. Мода и слова у таких людей оказываются неразрывно связаны в своей бессмысленности:

— Раз уж мы говорим об изобретениях в отношении моды, так же, как и в отношении новых слов, сказал Герцог, знает ли господин Командор, что такое *falbala*⁶¹?

— Нет, ответил Командор.

— *Un falbala*, — продолжил Герцог, — это широкая лента из плиссированной ткани, которую женщины прикрепляют вокруг подола своих юбок.

— Несомненно, заметил Командор, это название это название ей дал какой-нибудь турецкий или армянский купец, позаимствовав из своего языка, также как мы зовем софой (*sofa*) тот предмет мебели, благодаря которому можно возлечь на турецкий манер.

— Вовсе нет, сказал Герцог, уверяю вас, что придворный, обогативший наш язык прекрасным словом *falbala*, совсем не сведущ в восточных языках.

— Надеюсь, он сведущ в чем-нибудь более полезном, ответил Командор. Но мне кажется, что если уж так хочется изобрести новое слово, нужно, чтобы оно хоть как-то было связано с тем предметом, который обозначает.⁶²

С другой стороны желание произвести эффект и подчеркнуть собственную исключительность нередко приводит к тому, что придворные позволяют себе быть нелюбезными, на словах постоянно подчеркивая превосходство своего статуса (даже если на самом деле он не так уж и высок) и, также

---

60 **Callières.** 1693a: 197.

61 В данном случае обыгрываются два значения слова *falbala*. Так называют не только оборку или волан, но и любую пышную и безвкусную отделку, каковой оказывается и само слово.

62 **Callières.** 1693a: 200–201.

на вербальном уровне, лишая должного уважения других. Опыт общения с такими придворными описывается как опыт чувственный. Их манера речи не только утомляет, от нее бросает в жар, она взывает отвращение и гнев. Причем, как уже отмечалось слуховой опыт неразрывно связан с визуальным, тактильным и ольфакторным, и обсуждение грубой, невоспитанной речи то и дело сопровождается негодованием относительно столь же отталкивающих манер и внешнего вида молодых дворян,

[которые] приходят к нам с табакеркой в руке, с лицом и пальцами, запачканными табаком, который они то и дело суют и нам в нос, и остальным, осыпая свои отвратительные усы табаком цвета золы из камина, который пачкает им лицо, как трубочистам; откуда табак падает на их галстуки, на их парики, на их одежду в таких количествах, что при малейшем движении они заставляют чихать всех присутствующих в комнате, становясь живой табакеркой в любом месте, куда приходят, что придает им неопрятный и невежливый вид⁶³.

Опыт слушания нелюбезных, двусмысленных, насмешливых речей встраивается в этот общий чувственный опыт общения, неучитывая манера разговора оказывается столь же невыносима, и одна из дам, участниц беседы, замечает, насколько неприятно подвергаться [буквально: *être exposé* — А.С.] «визитам столь невоспитанных людей, которые сначала утомляют любезностями дурного вкуса и неприличными разговорами, а затем уходят, не сказав никакой учтивости»⁶⁴. Эта связь выстраивается за счет особого построения нарратива, в котором дурная речь постоянно оказывается в числе «других невежливых манер обхождения», но при этом сама речь, описывающая этот негативный опыт, тоже должна вы-

63 Callières. 1693a: 70–71.

64 Callières. 1693a: 76.

зывать у читателя отторжение своей аффектированной не-правильностью:

...они запрокидывают ноги на соседнее сиденье или на ручку кресла, в котором сидят, скрещивают их или придают им еще более непристойное положение, полагая, что это сообщает им вид благородства (*l'air de qualité*), и, вместо того, чтобы сказать нам что-нибудь любезное или приятное, ежедневно оглушают нас дурным исполнением оперных арий. Признаюсь вам, что мне это до смерти надоело, *меня кидает в страшный жар!* (*me donne des vapeurs horribles*).⁶⁵

Если придворные делают все это намеренно, желая действительно ошеломить своей речью и манерами, воздействуя на чувства больше, чем на разум, то языковые прегрешения горожан происходят от их невежества и привычки к грубому образу жизни, которая ставит их вне моды⁶⁶. То и дело отмечая размытость социальных границ, Кальер, как и многие другие авторы литературы о манерах поведения, одновременно занимается их конструированием. В данном случае, постоянное описание горожан как грубых и не знающих тонкостей языка и общения оказывается крайне важной характеристикой, поскольку речь идет вовсе не о простонародье. Из первой части текста «О хороших и дурных манерах речи», где описываются те или иные случаи общения участников беседы с горожанами, становится очевидным, что основным объектом критики оказываются весьма зажиточные буржуа, стремящиеся вести «модный» образ жизни. Они устраивают обеды с изысканными блюдами, но не умеют вежливо пригласить в гости, уставляют каминные фарфором, но неправильно произносят это слово,

---

65 **Callières**. 1693a: 72–73.

66 Свидетельством тому оказывается использование горожанами множества слов и форм, которые расцениваются как устаревшие, например, *appris* или *possible*. **Callières**. 1693b: 147, 149.

заказывают портреты Гиацинту Риго⁶⁷, но не знают, как элегантно об этом рассказать. Оба героя этой книги, которые оказываются образчиками нечувствительности к хорошей манере речи, — Аббат и господин Тибо — представляют столичную буржуазную элиту. Таким образом, внешнее копирование образа жизни, которое становится доступным для буржуазии на материальном уровне, противопоставляется манерам поведения, с которыми они незнакомы или знакомы крайне плохо и не понимают их сути, опять же лишь копируя фразы и жесты, используя их неверно и не к месту. Эти самые манеры оказываются менее очевидным, но более надежным маркером социальных отличий. Соответственно, те горожане, которые умеют говорить и хорошо себя вести, оказываются достойны положения, на которое претендуют, а придворные, которые этого не умеют, теряют право на превосходство⁶⁸.

«Дурная» речь буржуа также ощущается неотрывно от внешнего вида и вызывающих неприятие манер и противопоставляется манере говорить придворных⁶⁹. Кальер, объяс-

67 Гиацинт Риго (1659–1743) — французский художник, мастер парадного портрета. Любопытно, что Кальер упоминает именно это имя, поскольку Риго стал востребован в Версале только в 1688 г., а до этого времени был очень популярен именно у третьего сословия.

68 «Действительно множество горожан говорят не хуже придворных; и когда мы обращаем внимание на хорошие и дурные обычаи в манере речи и в умении поместить каждое слово на подобающее ему место, мы вовсе не претендуем на то, что это хорошо умеют делать только придворные; и в столице и в провинции есть множество людей, которые ни в чем тут не уступят придворным, и точно также есть немало придворных, которые говорят дурно, как простолюдины». **Callières**. 1693b: 63–64.

69 Особо выделяются совсем вопиющие случаи, когда «мятежные буржуа» перенимают описанную выше манеру поведения придворных, забывая социальную дистанцию и чувствуя себя «как дома». Но хотя они ведут себя в точности как молодые придворные «закидывая ноги на соседнее сидение» и называя всех вокруг по фамилии, не добавляя «господин», это оценивается как фамильярность, а не эпатаж. **Callières**. 1693a: 152–153.

няя различия между манерами речи придворных и горожан, и неспособность последних заметить недостатки своей речи, уподобляет речь запаху:

также происходят и с людьми, от которых дурно пахнет. Они не замечают своего смрада, потому, что привыкли к нему. Точно так же его не замечают и те, кто живет с ними рядом.⁷⁰

В силу этого, никакое копирование образа жизни придворных (саму идею копирования Кальер всячески осуждает) не становится эффективным, а речь и манеры буржуа обнаруживают их «исконный» грубый образ жизни. Но, кроме того, аналогии, которые проводит Кальер, подчеркивают и аффективную, иррациональную природу вкуса⁷¹, которого лишены буржуа, не способные прочувствовать стиль жизни и речи и ограничивающиеся формальным заимствованием.

Если говоря о придворных, Кальер использовал чувственные образы, демонстрируя в первую очередь эффект их речи (т.е. то самое, на что она и была рассчитана), то в описании речи буржуа, которая «коробит утонченный слух [дословно — деликатные уши: *écorche les oreilles delicattes* — А.С.]»,⁷² к которым «уши не могут привыкнуть»⁷³, в дополнение к этому эффекту появляются аналогии с их образом жизни вне светского общества, отсылающие к различным чувственным опытам. К примеру, манера речи человека, подвизающегося при дворе, которая выдает в нем жителя буржуазных кварталов, описывается через сопоставление со вкусом терруарных вин,⁷⁴ а несходство речи «тех, кто прене-

---

70 **Callières.** 1693b: 143.

71 Об этом см.: **Dens.** 1981: 87.

72 **Callières.** 1693b: 213.

73 **Callières.** 1693b: 150.

74 То есть таких вин, во вкусе которых явно различаются черты, свойственные винам с этой территории. **Callières.** 1693b: 166.

брегает изучением красот и тонкостей своего родного языка, и тех, кто с ними знаком и умеет хорошо говорить» делается более очевидным через сравнение с живописью. Это различие подобно разительным отличиям «между пачкуном, маляющим вывески для кабаков, и превосходным художником». Причем, интересным оказывается его пояснение:

у них одинаковые представления о вещах, которые предстают их взору, и они нередко изображают одни и те же объекты — человека, лошадь, дерево, дворец, с той лишь разницей, что хороший художник рисует предметы в точности такими, какими они являются на самом деле, тогда как мазила способен передать их образ лишь очень грубо и нечетко, поскольку не умеет рисовать ничего лучше уродливых, далеких от совершенства фигур.⁷⁵

И, наконец, третья иерархия, которой на первый взгляд уделено меньше внимания, но которая, тем не менее, постоянно присутствует в тексте — это иерархия гендерная. В отличие от сословных отличий, гендерные эксплицитно проговариваются лишь однажды: им посвящена небольшая часть второй беседы о манере речи горожан, что само по себе показательно. Аналогии между женщинами (в первую очередь знатными, такими как участницы беседы) и буржуа построены на отсутствии у тех и у других соответствующего образования, позволяющего им знать и понимать строение языка. Кальер соглашается с тем, что «женщина высокого положения может легко обойтись без некоторых наук, которые более подобают мужчине, и даже если она с ними знакома, ей не пристало хвалиться этим, но, напротив, следует, как говориться, держать это в секрете, в кругу близких друзей, которые не посмотрят на это дурно»⁷⁶. Но в то же время он подчеркивает, что «не стоит слишком подчеркивать свое

---

75 Callières. 1693b: 211–212.

76 Callières. 1693b: 125–126.

невежество»,⁷⁷ и, более того, некоторые знания женщинам совершенно необходимы, и в их числе выделяются те, что позволяют грамотно писать и говорить. Как отмечает Маркиза, занимаясь женским воспитанием обычно «не учат таким важным вещам, хотя прилагают столько усилий, чтобы научить танцевать. А ведь танцуем мы лишь от случая к случаю, тогда как разговариваем каждый день. Более того, добавила она со смехом, нас упрекают в том, что мы делаем это слишком часто».⁷⁸ Действительно, разговор об особенностях женской речи заходит лишь тогда, когда начинают обсуждаться грамматические ошибки, вызванные незнанием основ языка, хотя на протяжении всей первой книги, посвященной речи придворных, женщины были одними из основных приверженцев вычурной манеры речи, раскритикованной Командором.

С другой стороны, женщинам свойственны те же слабости, что и придворным, с одним существенным отличием: мужчины-придворные не хотят пользоваться разумом, женщины не делают этого в силу своей природы. Эта позиция усиливается вполне традиционным для назидательных сочинений тезисом о чувственной природе женщин и о том, что образованная и приученная пользоваться своим умом женщина «менее склонна к грехопадению, нежели невежественная, которой ведом лишь зов испорченной природы».⁷⁹ В рассуждении «Об остроумии» Кальер более эксплицитно связывает эту особенность не с отсутствием должного образования, а с самой природой женщин и строением их орга-

---

77 Callières. 1693b: 126.

78 Callières. 1693b: 124-125.

79 Callières. 1693b: 129.

низма, которые делают их «рабами всего чувственного».⁸⁰ В силу этого, женщины являются «верными судьями моды и хороших манер, но имеют вкус только ко тому, что с этим связано». Всецело отдаваясь своему увлечению, то есть действуя неразумно, они становятся заложницами моды, «любая новая манера говорить, любые модные словечки настолько очаровывают их, что они готовы аплодировать любому, кто их употребляет».⁸¹

Кальер обращает внимание не столько на речь женщины, которая сочетает недостатки речи придворных и буржуа, сколько на то, как женщины слушают и воспринимают чужую речь, делая их пассивными участницами общения, невзирая на признанную любовь к болтовне. Подавляющая часть тех чувственных характеристик чужой речи, которые до сих пор были предметом нашего рассмотрения, даны в тексте именно женщинами. Их осуждение чужой манеры говорить — это осуждение преимущественно эмоциональное: она невыносима, утомительна, омерзительна, вызывает жар и так далее. И в третьей книге, посвященной шуткам и насмешкам⁸², казалось бы, самой благотворной темы для такого чувственного ракурса рассмотрения, он почти совсем уходит, поскольку среди собеседников не оказывается женщин. Командор, озвучивающий авторскую позицию, хотя и испытывает порой досаду и сожаление и приводит всяческие чувственные аналогии, все время аргументирует свою позицию с точки зрения логики и прагматизма. Аргументы женщин всегда ограничены чувственным восприятием — «я

---

80 Callières. 1695: 54.

81 Callières. 1695: 55.

82 Callières. 1971.

также терпеть не могу...»,⁸³ «...это не единственное слово, которое пришлось мне не по вкусу, — ответила Маркиза, — есть и другие, которые мне приходилось выслушивать, с трудом их вынося»,⁸⁴ «отвращение, которое я питаю к этим словам...».⁸⁵

Поведение героев беседы также существенно различается, женщины эмоционально реагируют не только на критику, которая вызывает естественное смущение и неловкость или недовольство у всех, но практически на любые слова. В книге о хороших и дурных манерах речи, где манера речи женщин оказывается одним из предметов рассмотрения, на протяжении всего повествования разворачивается интрига, связанная с соперничеством немолодой хозяйки дома и юной и прекрасной Маркизы. Начавшаяся с упоминавшейся выше бестактности господина Тибо, назвавшей хозяйку пожилой дамой, она продолжается в описании отношения обеих дам к Командору. Его правильная и галантная речь оказывается для Дамы источником не меньших страданий, чем грубость господина Тибо, поскольку обращена к сопернице. Раз за разом в репликах Командора и Маркизы Дама слышит не рассуждения о языке, а лишь любезности, обращенные к друг к другу. И столь же последовательно повествователь предоставляет читателю объяснение этого отношения:

Тем самым Дама помешала Командору ответить на любезность Маркизы из-за порыва ревности, свойственной большинству женщин, которые не могут спокойно выносить, когда в их присутствии хвалят другую;⁸⁶ Маркиза посмеялась над этим примером,

---

83 Callières. 1693a: 61.

84 Callières. 1693b: 80.

85 Callières. 1693b: 84.

86 Callières. 1693b: 100-101.

который так подходил к истории, о которой шла речь. Но Дама не нашла в нем ничего смешного и чуть было не рассердилась на процитировавшего его Командора, а еще больше на Маркизу, за то, что он ее развеселил. Ее мысли были заняты другим. Маркиза была юной и прекрасной, а это — страшное преступление в глазах женщины немолодой, но еще претендующей на то, чтобы слыть красивой.⁸⁷

Эти повторяющиеся пассажи, как и другие ремарки, приписывают женщинам чувственное восприятие речи, в ущерб рациональному и, вдобавок меньшую способность контролировать свои страсти. Одна из немногих историй о женской речи, включенная в повествование, посвящена тому, как две знатные дамы рассорились из-за подписи в письме, поскольку одна «не могла простить» другой неверно употребленного в нем слова.⁸⁸

Такое описание определяет в качестве идеала человека здравомыслящего и контролирующего свои страсти и в этом отношении все критикуемые мужчины также в той или иной мере от него отклоняются; в то же время именно мужчина выступает в качестве воплощения этого идеала. Это подчеркивают и разнообразные сравнения, которые появляются в тексте:

Но что изрядно их [придворных, занятых лишь пустословием и собственной персоной — А.С.] балует и поддерживает их высокое мнение о собственной персоне, так это множество дураков и женщин в столице и провинции, которые восхищаются ими, как говорятся, с головы до ног, и беспрестанно копируют их манеру говорить вплоть до акцента, их жесты, позы и гримасы, даже самые смешные.⁸⁹

---

87 Callières. 1693b: 112–113.

88 Callières. 1693b: 225–226.

89 Callières. 1693a: 194–195.

Командор, подводя итоги размышлений, отмечает, что «для того, чтобы хорошо говорить и писать, следует начать с размышлений; а для того, чтобы ясно мыслить, необходимо приучить себя размышлять обо всем в свободное время. Следует также научиться противиться силе живого воображения, которое заставляет тех, кто отдается на его волю, среди приятностей говорить вещи несправедливые и неуместные».⁹⁰

Однако при этом, несложно заметить, что женщины, как и мужчины–придворные, представлены в обеих книгах в совершенно ином качестве, нежели герои–буржуа. Даже говоря неправильно сами, они способны выступать в качестве арбитра чужой речи, что резко отличает их от участвующих в беседе горожан. И Дама, и Маркиза на протяжении обоих текстов принимают самое активное участие в беседе, предлагая новые выражения для обсуждения и критики, и чувствуя себя вполне компетентными для этого занятия, декларируя свое невежество,⁹¹ лишь когда речь заходит о том, что есть слова, «которые сами по себе хороши, но складываются в дурную речь, если они ставятся не на свое место, плохо составлены и не сочетаются с другими словами».⁹² Более того, после того как примеры и объяснения ошибок были даны, Маркиза замечает, что это помогло ей прояснить «идеи, которые я представляла себе, но очень смутно» (*qui n'étoient que confusément dans mon esprit*).⁹³ Таким образом, рассужде-

---

90 **Callières.** 1693b: 133–134.

91 «Я бы очень хотела, сказала Маркиза, чтобы вы привели нам несколько примеров этих недостатков, чтобы дать о них точное представление и помочь невежественным особам вроде меня совершать их чуточку реже».
Callières. 1693b: 123.

92 **Callières.** 1693b: 123.

93 **Callières.** 1693b: 142.

ния о женской манере речи помогают подчеркнуть значимость знаний и рационалистического подхода к языку и постулировать, что необходимые знания включают значения слов, правила речи и всевозможные исключения, определяемые той ситуацией, в которой ведется беседа.⁹⁴ Но вместе с тем невежественность женщин-аристократок подчеркивает важность и другого качества — вкуса, позволяющего оценивать чужую речь на уровне чувств, на основе «смутных представлений». Это то, чего лишены буржуа (за некоторым оговориваемым исключением) из-за своей привычки к дурному образу жизни, и в силу чего из них получают лишь «дурные копиисты» правильной манеры речи (женщин это касается в той же мере, как и мужчин: горожанки, подражающие знатым дамам, выставляют себя на посмешище⁹⁵). После всех рассуждений об отличии речи придворных от речи буржуа, Аббат (который, напомним, описан как представитель почтенного парижского семейства, любящий общение с дамами) замечает, что во всех эти «тонкостях, которые нужны лишь для того, чтобы определить, какое из двух слов, обозначающих одно и то же, следует выбрать», нет ничего разумного, это — лишь прихоть фантазии, а значит, вполне можно было бы «с легкостью обойтись без знания всех этих различий и умения пользоваться этим знанием на деле».⁹⁶ На эту буржуазную прагматичность немедленно следует комментарий Командора, что обойтись можно вообще без всего, кроме еды и питья, а предложенный им пример того, как выглядело бы письмо, написанное человеком, проигно-

---

94 **Callières.** 1693b: 134.

95 **Callières.** 1693b: 73.

96 **Callières.** 1693b: 237–238.

рировавшим все обсуждавшиеся «тонкости», вызвал смех у знатных собеседников и смутил Аббата.⁹⁷

В то же время статус вкуса и разума вовсе не равнозначен. Вкус непременно должен подчиняться контролю со стороны разума, в противном случае он приводит к безудержной и бессмысленной погоне за модой. Это различие и лежит в основе гендерной иерархии и имеет определяющее значение в том, как именно женщины и мужчины представлены в тексте. Статус женщины и мужчины в текстах Кальера коррелируют со значимостью вкуса⁹⁸ и разума в том идеале человека, который стоит за предлагаемой критикой: здравомыслящего, наблюдательного, способного к самоограничению и самосовершенствованию, желающего послужить благу общества и монарха, любезного на словах и в поступках, не претендующего на статус более высокий, чем он имеет, и при этом наделенного вкусом и далекого от прагматичной рациональности буржуа.

Рассуждая впоследствии о знании света, Кальер связывает развитие любезности и вежливости как модели поведения с влиянием женщин, путь к сердцу которых лежит через приятные слова, но и это влияние подчеркивает гендерную иерархию:

Также нет ничего, что лучше могло бы отполировать ум мужчины и сделать его приятным в беседе, чем общение с дамами. Именно они вызывают желание понравиться мягкими, вкрадчивыми, деликатными манерами, и именно в общении с ними мужчины знакомятся с большинство норм приличия, которые приняты среди светских людей и которые составляют значительную часть знания света.⁹⁹

---

97 **Callières.** 1693b: 238-239.

98 Тезис также вполне традиционный для того времени. См. об этом: **Chantalat.** 1992; **Timmermans.** 1993.

99 **Callières.** 1717: 23.

В качестве вдохновляющей помощницы и благодарной ученицы в обоих текстах представлена Маркиза — главный положительный женский персонаж полилогов.

В целом можно сказать, что подчеркивание чувственной составляющей речи и светской беседы оказывается одним из ключевых аргументов Кальера. Речь в его изображении оказывается очень тесно связанной как с тем, что чувственное и эмоциональное восприятие первично по отношению к разуму, так и с влиятельностью страстей. Именно это и становится основой для классицистической концепции языка и рационалистической идеи человека, а также критики как феномена моды, так и невежества, маркирующих разные оппозиции по отношению к этому идеалу. В основе этой идеи лежит специфический образ человека, для которого беседа важна не сама по себе, как способ приятного времяпрепровождения, но который видит в ней инструмент влияния и желает преуспеть. Он не может себе позволить говорить то, что ему вздумается и как ему вздумается, поскольку хочет получить точно рассчитанный результат. Эта позиция человека, нацеленного на то, чтобы добиться успеха, превращает язык и «знание света» в науку, которая требует изучения, и делает знания и способность разумно мыслить важнейшей характеристикой человека. Кальер уподобляет речь человека архитектурному строению, как из камней составленному из отдельных слов. Нельзя полагаться лишь на прихоть и вкус, строя такое здание, невозможно просто следовать моде и копировать то, что построено другими. Все отдельные его элементы «вплоть до ниш и рокайлей» и прочих украшений должны быть тщательно отобраны и со знанием дела помещены на нужное место.¹⁰⁰

---

100 Callières. 1693b: 139.

Кальер гораздо более эксплицитно, нежели его предшественники, рассуждавшие о «человеке достойном» и хороших манерах¹⁰¹, связывает этот идеал с человеком, находящимся на королевской службе и стремящимся на этой службе составить себе положение, вопреки сословной иерархии. Прозрачность рассуждений Кальера говорит о том, что подобные люди уже имели достаточно прочное положение в обществе.

---

101 Среди которых был и отец Кальера.

Список источников и литературы

Источники

Арно, Лансло. 1990 — Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная. М.: Прогресс, 1990.

Каллиер. 1772 — Каллиер Ф. Каким образом договариваться с государями или о пользе договоров, о избрании послов и посланников, и о качествах нужных для получения успеха в сих званиях. Сочинение г. Каллиера, обыкновенного королевского советника в его советах, кабинетного секретаря Его величества, прежде бывшего чрезвычайным и полномочным послом покойного короля при мирных договорах заключенных в Ризвике, и одного из сорока членов Академии французской со многими прибавлениями М***. Часть первая. Переведена с французского ризвикского издания 1757 году. СПб., 1772.

Кальер. 2000 — Кальер Ф. де. О способах ведения переговоров с государями / Пер. и коммент. Л. А. Сифуровой. М.: Гендальф, 2000.

Callières. 1693a — Callières F. Des mots à la mode et des nouvelles façons de parler : avec des observations sur diverses manières d'agir ... P.: Chez Claude Barbin, 1693.

Callières. 1693b — Callières F. Du bon et du mauvais usage dans les manières de s'exprimer. Des façons de parler bourgeoises. Et en quoy elles sont différentes de celles de la cour. Suite des mots à la mode. P.: Chez Claude Barbin, 1693.

Callières. 1695 — Callières F. Du bel esprit. Où sont examinez les sentimens qu'on en a d'ordinaire dans le monde. P.: Chez Jean Anisson, 1695.

Callières. 1717 — Callières F. De la science du monde, et des connoissances utiles à la conduite de la vie. P.: Chez Etienne Ganeau, 1717.

Callières. 1971 — Callières F. Des bons mots et des bons contes (1692). Genève : Slankine reprints, 1971.

Collection de documents. 1885 — Collection de documents pour servir à l'histoire des hôpitaux de Paris commencée sous les auspices de M. Michel Möring ; continuée par M. Charles Quentin,... ; publiée par M. Brièle,.. P.: Imp. nat., 1881–1887. Vol. IV. 1885.

D'Alembert. 1967 — D'Alembert. Oeuvres d'Alembert. Genève: Slatkine, 1967.

Goujet. 1756 — Goujet C.P. Bibliothèque françoise, ou Histoire de la littérature françoise. P. : P.-J. Mariette, H.-L. Guerin, 1756.

Moreri. 1759 — Moreri L. Le grand dictionnaire historique du Moreri. P. : Chez libraries associés, 1759.

Piganiol de La Force. 1742 — Piganiol de La Force J.-A. Description de Paris, de Versailles, de S. Cloud, de Fontainebleau et de toutes les autres belles maisons et châteaux des environs de Paris. P.: Au Palais chez Theodore Legras, 1742.

ЛИТЕРАТУРА

Стогова. 2017 — Стогова А.В. Портрет женского голоса во французской салонной культуре XVII века // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 25. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 189–239.

Фуко. 1994 — Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994.

Хомский. 2005 — Хомский Н. Картезианская лингвистика. Главы из истории рационалистической мысли. М.: УРСС, 2005.

Элиас. 2001 — Элиас Н. О процессе цивилизации. М.-СПб.: Университетская книга, 2001. Т. I–II.

A Cultural History of the Senses. 2014 — A Cultural History of the Senses. Vol. 4. In the Age of Enlightenment / ed. by A.C. Vila. L., New Delhi, N.Y., Sydney: Bloomsbury, 2014.

Chantalat. 1992 — Chantalat C. À la recherche du goût classique. P. : Klincksieck, 1992.

Chométy. 2006 — Chométy Ph. Philosophe en langage des dieux: La poésie d'idées en France au siècle de Louis XIV. P.: Honoré Champion, 2006.

Dens. 1981 — Dens J.-P. L'honnête homme et la critique du goût : esthétique et société au XVIIIe siècle. Lexington: French Forum, 1981.

James. 2003 — James S. Passion and Action. The Emotions in Seventeenth-Century Philosophy. Oxford: Clarendon press, 2003.

Lempereur. 2002 — Lempereur A.P. Aux sources des théories de la négociation : l'oeuvre fondatrice de François de Callières // Callières F. De la manière de négocier avec les souverains / Ed. Critique par A.P. Lempereur. Genève : Librairie Droz, 2002. P. 7–50.

Maitre. 1999 — Maitre M. Les précieuses. Naissance des femmes de lettres en France au XVIIe siècle. P. : Honoré Champion, 1999.

Nancy. 2012 — Nancy S. La voix féminine et le plaisir de l'écoute en France aux XVIIe et XVIIIe siècles. P. : Garnier, 2012.

Pizzorusso. 1968 — Pizzorusso A. Teorie letterarie in Francia. Pisa: Nistri-Lischi, 1968.

Pope. 2010 — Pope L. François de Callières: a Political Life. Dordrecht : Republic of Letters Publishing, 2010.

Reading Early Modern Passions. 2004 — Reading Early Modern Passions / ed. by G.K. Paster, K. Rowe and M. Floyd-Wilson. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.

Timmermans. 1993 — Timmermans L. L'accès des femmes à la culture (1598-1715): un débat d'idées de Saint François de Sales à la Marquise de Lambert. P.: Honoré Champion, 1993

Schweizer. 1995 — Schweizer K.W. François de Callières: diplomat and men of letters, 1645-1717. Lewiston: The Edwin Mellen Press, 1995.

Waquet. 2005 — Waquet J.-C. François de Callières. L'art de dégozier en France sous Louis XIV. P. : Editions rue d'Ulm, 2005.

С.Е. Сидорова

ВОЙ ШАКАЛОВ И ЗЛОВОНИЕ ЗЕЛЕННЫХ ЖУКОВ: БРИТАНСКАЯ ИНДИЯ НА ВКУС, СЛУХ И ЗАПАХ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Британская Индия, колониализм, *гриффины*, англо-индийцы, неприязнь, эмоциональные сообщества, *габитус*

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена проблемам чувственного восприятия европейцами незнакомого восточного мира в первой половине XIX века. В центре внимания — группа британцев, только что прибывших с островов туманного Альбиона на колониальную службу в Индию и за свою неприспособленность к чуждым условиям получивших прозвище *гриффины*. На примере анализа двух источников — личных писем Джулии Мэйтленд из Индии в 1836–1839 годах и бурлескной поэмы «Гриффин Том Роу» 1828 года анонимного автора — исследуются эмоциональные практики в зоне столкновения европейской и индийской культур, а также механизмы адаптации *гриффинов* к новой звуковой, обонятельной, тактильной, визуальной и вкусовой колониальной реальности и их интеграции в группу уже пообывкших англо-индийцев. Испытываемые на чужбине телесные «потрясения» и привезенные из Англии предубеждения против другого способа жизни и образа мыслей, взаимно подпитываясь, задавали вектор негативизации эмоций *гриффинов*, которые варьировались от раздражения до отвращения и ужаса. Эти эмоции, намеренно культивируемые и поощряемые англо-индийским сообществом, помогали сохранять дистанцию между представителями политически доминирующей иностранной элиты и подвластного местного населения, обеспечивая первых инструментом демонстрации цивилизационного превосходства и легитимируя их право контроля и вразумления вторых.

В 1828 г. в Лондоне вышла в свет бурлескная поэма анонимного автора «Гриффин Том Роу»¹. Главный герой —

---

1 Tom Raw, the Griffin. 1828.

юный неопытный кадет (о чем говорит его фамилия: *raw* — сырой, необработанный, необученный), только что прибывший с островов туманного Альбиона на колониальную службу в Индию, попадает в совершенно незнакомую ему обстановку, что приводит к череде комичных ситуаций. Поэма снабжена большим количеством иллюстраций, на которых Том предстает в нелепых позах, с выпученными глазами, открытым ртом, всем видом демонстрируя непонимание и неприспособленность к новым обстоятельствам жизни. Подобные Тому Роу неофиты столь сильно отличались поведением и манерами не только от местного населения, но и от своих, уже пообвыкших соотечественников — англоиндийцев², что получили специальное прозвище — *гриффины*³, а разница между ними даже стала поводом для появления объемного литературного произведения. В то время как автор поэмы, подчиняясь заданному жанру, описал мытарства вымышленного героя в начальный период пребывания в Индии в легком, шутливом тоне, реальные персонажи, действовавшие на колониальном поприще, в своих письмах, дневниках, мемуарах рисовали опыт превращения из *гриффинов* в англоиндийцев как непростой, эмоционально перенасыщенный и зачастую негативный. Личные записки,

-
- 2 В литературе встречается двоякое употребление этого слова: 1) английские колонизаторы, долгое время проживавшие в Индии, 2) потомство от смешанных браков между англичанами и индийцами. В данной статье слово употребляется в первом значении.
  - 3 Происхождение слова неизвестно. В словаре Хобсон–Джобсон сообщается о некоем неудачливом адмирале Гриффине, который в период с ноября 1746 г. по июнь 1748 г. командовал флотом в Индийских морях, однако точная связь между этим историческим персонажем и прозвищем новичков не установлена. Первое употребление этого слова в Британской Индии зафиксировано в 1794 г. Также авторы словаря сообщили о более ранних случаях использования слова в том же значении на территории португальского Гоа (Yule, Burnell. 1996: 395–396).

относясь к категории эго-документов, позволяют сфокусироваться на переживаниях участников этого процесса. Ниже я рассмотрю в качестве кейсов два текста — письма Джулии Мэйтлэнд из Мадраса в 1836–1839 гг. и упомянутую поэму — и проанализирую описанный в них эмоциональный опыт соприкосновения с другим миром, механизмы адаптации к нему, аффективные практики в зоне столкновения европейской и индийской культур.

Гриффины и индийцы

Гриффином была Джулия Мэйтлэнд, 27-летняя женщина, которая в августе 1836 г., через два месяца после свадьбы с чиновником Ост-Индской компании Джеймсом Томасом⁴, отправилась в Индию. В декабре их судно прибыло в Мадрас. На протяжении четырех лет, проведенных в колонии, она писала на родину письма, которые и послужат источником для анализа индивидуального опыта адаптации. В отличие от мемуаров и других текстуальных «жанров» корреспонденция, фиксирующая текущие события из жизни адресанта, «схватывает» и «удерживает» свежие, сиюминутные настроения автора, его первые и непосредственные реакции на происходящее.

Впечатления буквально обрушились на Джулию Мэйтлэнд, незнакомый мир, экзотика явились ей не в виде единичной диковиной вещицы, а заполнили все ее жизненное пространство. После высадки на берег Индийского субконтинента в письме на родину она восклицала:

Я повидала уже столько диковинок (*curiosities*), что не знаю, о чем рассказать в первую очередь: фокусники, акробаты, заклинатели

4 Мэйтлэнд — фамилия Джулии по второму мужу, за которого она вышла замуж в 1842 г. Джеймс Томас умер в Индии в 1839 г.

змей, местные визитеры и т.д., и т.д.; последние несколько дней были сплошной суматохой⁵.

Удивление, зафиксированное многократным употреблением слов «удивительный» (*curious*), «странный» (*queer*), «необычный» (*quaint*) в первые недели пребывания в Индии имело тональность позитивного интереса. Она писала все в том же письме: «Я думаю, Мадрас мне очень понравится, я совершенно восхищена всем, что *вижу* и *слышу* [курсив мой – С.С.]»⁶. Следуя заданной ею логике восприятия незнакомого окружающего мира, позволю извлечь из ее писем, впечатления/суждения, «добытые» в результате телесного соприкосновения с незнакомым окружающим миром, то есть сформированные органами чувств.

Поначалу, будто оглушенная встречей с неизвестным, Джулия Мэйтлэнд воспринимала открывшийся ей мир *глазами*. Все в том же письме содержатся в основном визуальные образы, описание которых выстроено в сравнении с европейским, знакомым опытом.

День, когда мы прибыли, был прекрасным — совсем не было прибой. В Англии я часто купалась в гораздо более беспокойном море. Очень любопытно, что в Мадрасе прибой, оказывается, очень сильный: волны выглядят вполне тихими, не сравнить с бурным морем Брайтона, но в действительности их мощь непреодолима. Порой я вижу с близкого расстояния суденышки, опрокинутые волнами, которые кажутся настолько приветливыми и ласковыми, что у кого-нибудь может возникнуть желание искупаться в них. Мы причалили в большой лодке с двенадцатью гребцами... их черная кожа защищала их от того, чтобы выглядеть неловко, как это было бы с европейцами, окажись они в таком оголенном виде⁷.

---

5 **Letters from Madras.** 1846: 18.

6 **Letters from Madras.** 1846: 18.

7 **Letters from Madras.** 1846: 17.

Для описания впервые увиденного, она прибегла к сказочным или сверхъестественным мотивам. Джулия рассказала о катамаранах, представлявших собой плоты из трёх бревен, которые бесстрашно устремлялись в море наперекор огромнейшим волнам. Ими управляли от одного до трёх человек. Иногда гребцов смывало в море, но они вновь соединялись с плотами «волшебным образом» (*by magic*). Они напомнили ей ведьму, которая во время шторма у берегов шотландского округа Файф совершала морское путешествие в утло суденышке, буквально проходя сквозь волны⁸.

Несколькими днями позже в том же письме Джулия уже описывала свой наполненный воздухом и сквозняками индийский дом, комнаты которого потрясали ее большими размерами, «соизмеримыми с помещениями часовен»⁹. В жаркой стране они состояли из окон и дверей, открытых день и ночь напролет. Вообще мотив больших габаритов всего и вся по сравнению с Европой довольно часто звучал в ее заметках. Например, она писала об огромных индийских скорпионах, «не таких маленьких созданиях как в Италии, а о чудовищных животных размером с ладонь»¹⁰. Она сообщала, что не смогла принять предложение раджи, у которого гостила, совершить почетную поездку на слоне:

Это было такое ужасное мероприятие, лестница для подъема столь громоздка, так много зрителей, такой плохой хаудах¹¹, а все вместе так неудобно, что я испугалась и отказалась¹².

-
- 8 **Letters from Madras.** 1846: 17. Речь идет об одном из эпизодов охоты на ведьм, развернувшейся в Шотландии в период 1560–1710 гг. См.: **MacDonald.** 2002.
- 9 **Letters from Madras.** 1846: 18.
- 10 **Letters from Madras.** 1846: 28.
- 11 Хауда(х) — сиденье в виде беседки на спине слона.
- 12 **Letters from Madras.** 1846: 65.

Помимо приспособления к другим масштабам жизни она отмечала и ее новый окрас: «индийские цвета не могут похвастаться мягкостью и светлостью итальянских. Закат иногда бывает потрясающе красив, но в целом местная гамма — насыщенная и кричащая»¹³. В самую жару море «было мертво желтого цвета, воздух — цвета буйволиной кожи»¹⁴.

Месяц спустя письма Мэйтлэнд начали наполняться звуками, которые тревожили непривыкший к ним *слух*. Местные жители говорили на тамильском языке, который она находила «ужасно уродливым — громыхающим, чирикающим, стрекочущим, шипящим — как будто целый птичий двор выпустили на волю, а среди птиц не нашлось ни одной певчей, ни одной способной выдать мелодичный звук»¹⁵. Позднее она переехала вглубь Мадрасского президентства, где был распространен местный диалект *дженту*¹⁶, «наиболее приятный из всех, хотя ни в одном нет ничего красивого»¹⁷. Вообще, именно звуки новой жизни, похоже, доставляли ей наибольший дискомфорт. Довольно подробно она описала музыкальный вечер в доме местного знатного жителя, куда была приглашена вместе с мужем. Музыку, исполнявшуюся пожилым музыкантом на *вине*¹⁸, она сочла «нехорошей, монотонной, без намека на мелодию», назвав ее «сме-

13 **Letters from Madras**. 1846: 30.

14 **Letters from Madras**. 1846: 38.

15 **Letters from Madras**. 1846: 23.

16 Слово *дженту* (*gentoo*) в колониальном лексиконе употреблялось в двух значениях: 1) как обозначение индусского (*gentoo* — искаж. от *gentile*, т.е. языческого) населения в противопоставление мусульманскому и 2) как обозначение населения, говорящего на телугу, и самого языка. Во втором значении слово имело хождение в Мадрасском президентстве, где и обитала чета Мэйтлэндов. Подробнее см.: **Yule, Burnell**. 1996: 367–369.

17 **Letters from Madras**. 1846: 92.

18 *Вина* — струнный, щипковый музыкальный инструмент, визуально напоминающий лютню.

сю гнусавого брэнчания и завывания»¹⁹. Когда же запели вышедшие вслед танцовщицы, «они орали во всю глотку, как плохие уличные певцы, производя гвалт и не создавая никакой мелодии». Затем появился целый оркестр «с разными по виду инструментами, которые, однако, издавали звуки, похожие на звук волынки — сплошное гудение и скрип. Они не рождали никакого подобия музыки. По сравнению с этим грохот, устраиваемый трубочистами 1 мая²⁰ — сама гармония»²¹. Наконец, в финале представления появился человек, который собирался имитировать голоса птиц.

К сожалению, — писала Мэйтлэнд, — мадрасские птицы кричащие, а не поющие, и мой слух был атакован криками сов, ворон, попугаев и павлинов, которые были воспроизведены с такой точностью, что я вынуждена была просить прекратить пытку²².

Регулярно по ночам ее будили ужасные вопли слуг, которые отпугивали мнимых чудовищ²³ или настоящих змей, проникавших в дом²⁴. «Дьявольские звуки» (*pishashi noise*) время от времени издавала няня ее ребенка, когда выходила на берег²⁵. По ночам во время путешествий в паланкине она приспособилась к постоянному пению носильщиков²⁶, и однажды в три часа утра пробудилась от неожиданно обрушившейся на нее «тишины и покоя»: носильщики, оставив

---

19 **Letters from Madras.** 1846: 27.

20 Речь идет о старинном английском празднике — Дне трубочистов, отмечавшемся 1 мая карнавальными процессиями трубочистов и музыкантов, возглавляемых человеком, наряженным в зеленый конус, который олицетворял дерево или куст (Jack in the Green).

21 **Letters from Madras.** 1846: 27–28.

22 **Letters from Madras.** 1846: 28.

23 **Letters from Madras.** 1846: 36.

24 **Letters from Madras.** 1846: 45.

25 **Letters from Madras.** 1846: 52.

26 **Letters from Madras.** 1846: 77.

паланкин воровали пальмовый сок из расположенной поблизости кокосовой рощи²⁷. Не нашла она гармонии и в религиозной службе. Как-то раз, делая зарисовки храма, она слушала ее снаружи:

сначала это было очень похоже на католическую мессу. Звучала музыка, голоса старых жрецов, которые, не умея петь, монотонно нараспев бормотали текст, высокие голоса мальчиков из хора, периодическое позвякивание маленького колокольчика; вдруг все это прервалось резкими девичьими воплями — возможно, они думали, что поют, но звучали они ужасающе, затем послышался бой барабанов, звон колоколов, и, наконец, все стихло²⁸.

Помимо кричавших слуг, певцов и птиц ее тревожил вой гиен и шакалов²⁹, «пренеприятный звук, напоминавший человека в предсмертной агонии»³⁰. В целом Джулии Мэйтленд в Индии было шумно и немелодично везде — на природе, среди господ, среди слуг, и среди индийских детей. Посетив однажды местную школу, она обнаружила, что по сравнению с ней «шум в английских школах — полный пустяк»³¹. Иногда ее преследовали звуки-фантомы: жажда прохлады заставляла ее улавливать в хрусте высохшей травы и листвы под ногами скрип снега. К этому сравнению она прибегла дважды, в июне 1837 г. и июне 1838 г., когда наступали самые знойные дни³² (Илл. 1)

Одновременно со звуками вторгались на страницы писем Джулии и запахи, заставлявшие ее морщить *нос*.

В огромных полях и садах никогда не бывает ощущения свежего воздуха — он всегда тяжелый и спертый, как на городских улицах.

27 **Letters from Madras.** 1846: 74.

28 **Letters from Madras.** 1846: 77.

29 **Letters from Madras.** 1846: 46, 57.

30 **Letters from Madras.** 1846: 57.

31 **Letters from Madras.** 1846: 23.

32 **Letters from Madras.** 1846: 38, 97.

Цветы не пахнут за исключением цветов денежного дерева, а на каждом повороте разносится запах местной стряпни, жареного кокосового масла и другой отвратительной смеси подобного рода³³.

В доме раджи, устроившего музыкальный вечер, она столкнулась с другой крайностью: слуги «принесли нам букеты роз и окропили их и наши руки розовой водой... затем на нас надели гирлянды цветов со столь сильным ароматом, что до конца следующего дня я не могла отделаться от запаха, исходившего от моих рук»³⁴. Наибольшие неприятности ей доставляли огромные «ЗЕЛЕНЫЕ ЖУКИ» (выделено Джулией – С.С.).

Они хуже, чем змеи, скорпионы, сороконожки и даже береговой ветер. Жуки не кусаются, но наполняют воздух зловонием на ярды вокруг себя. По ночам, когда нет ветра, они заползают в одежду и волосы — ужас! Нет ничего в Индии, что я ненавидела бы больше, чем этих зеленых жуков. Первый раз, когда я не знала об их отвратительном существовании, один из них сел мне на плечо, и я, почувствовав щекотание и не подозревая об опасности, непредумышленно раздавила его. Я не забуду распространившуюся вонь до конца жизни. Пока я находилась в припадке, ама³⁵ передавала меня³⁶.

Были, правда, и приятные впечатления: весной Джулия явственно различила аромат цветущих апельсинов и тубероз³⁷.

Реже Джулия описывала *вкусовые* ощущения, различаемые рецепторами ее языка. Она, как и большинство британцев, весьма благосклонно приняла могольскую мясную кухню и с меньшим энтузиазмом отнеслась к индусской, применительно к которой она устойчиво употребляла слово «мессиво» или «неразбериха» (*mess*). Упомянутый выше музы-

---

33 **Letters from Madras.** 1846: 30–31.

34 **Letters from Madras.** 1846: 27.

35 Ама — кормилица, няня.

36 **Letters from Madras.** 1846: 100.

37 **Letters from Madras.** 1846: 84.

кальный вечер завершился ужином. Сначала подали «излюбленные всеми набобами мясные блюда, карри и пловы», во вторую очередь индусские³⁸ кушанья, сервированные в плошках и соусниках. Джулия ела «за обе щеки, чтобы угодить хозяину», хотя она «почти не могла дышать из-за обилия кайенского перца³⁹». Пловы ей очень понравились, а вот среди «индусского варева ей вдруг попало что-то странное, склизкое и маслянистое», и она вынуждена была приостановить трапезу⁴⁰.

Нечто, попавшееся ей на язык, вызвало у нее *тактильные* ощущения. Однако среди последних гораздо больший дискомфорт ей доставляла жара, которую она называла тягостной, непереносимой, а ближе к лету уже сравнивала с доменной печью⁴¹. Она писала о постоянной испарине⁴², освежавших кожу потоках воздуха, создаваемых на улице морским бризом, а в помещениях — огромными опалами; увлажнении тела мокрыми тряпками и погружении рук в воду, чтобы остудиться⁴³. Джулия отчаялась найти подходящие слова для описания зноя и констатировала, что ничего похожего никогда не испытывала в Европе⁴⁴. В противоположность морским бризам береговой ветер огромной силы, который иногда дул сутками напролет, изматывал ее и действовал удручающе⁴⁵. Именно его вместе с зелеными жуками

---

38 Мясо и пловы из первой подачи относились к могольской (мусульманской) кухне.

39 Сорт жгучего красного перца, разновидность чили.

40 **Letters from Madras.** 1846: 29.

41 **Letters from Madras.** 1846: 37.

42 **Letters from Madras.** 1846: 36, 47.

43 **Letters from Madras.** 1846: 24–25, 32, 36, 38.

44 **Letters from Madras.** 1846: 38.

45 **Letters from Madras.** 1846: 97.

она с горькой иронией называла «восточными удовольствиями»⁴⁶. Отдельный абзац она посвятила черным жукам, не столь ужасным, как зеленые, но, тем не менее, изрядно испортившим ей ужин с друзьями, так как они полностью облепили обеденный стол, вдобавок слугам приходилось снимать их салфеткой и десертной ложкой с плеч гостей⁴⁷. Помимо пекла и ветра ее мучили укусы москитов⁴⁸ (Илл. 2)

В приведенных выдержках из писем индийская действительность представала в ощущениях тела, распознавалась и осознавалась им посредством ответных реакций как непривычная и незнакомая. Несомненно, предложенный разбор писем Джулии Мэйтлэнд сродни лабораторному эксперименту по систематизации ее ощущений, которые в действительности вряд ли переживались по отдельности. Однако такое препарирование телесного чувственного опыта позволяет обнаружить в колониальном окружении британцев самые сильные и чувствительные раздражители и выявить наиболее характерные реакции на них. За некоторыми исключениями они по большей части оказались окрашены в негативные тона и варьировались от раздражения до отращения и ужаса.

Внимание Джулии Мэйтлэнд к собственному чувственному опыту в Индии и негативный вектор метаморфозы, произошедшей с первоначально восторженным удивлением, помогает объяснить концепция *габитуса* (от лат. — свойство, состояние, положение), предложенная французским социологом, этнологом и философом Пьером Бурдьё. Под *га-*

---

46 **Letters from Madras.** 1846: 100.

47 **Letters from Madras.** 1846: 101.

48 **Letters from Madras.** 1846: 25.

битусом он предлагал понимать «систему диспозиций⁴⁹, приобретенных человеком (в его терминологии: агентом — *С.С.*) в результате опыта и, следовательно, изменяющихся в зависимости от места и времени»⁵⁰. Эти диспозиции являются продуктом усвоения (интериоризации) человеком окружающих социальных отношений и условий и одновременно механизмом их воспроизводства (экстериоризации) на практике, т.е. продуцирования стратегий, подогнанных к породившей их ситуации. Местом, в котором пребывает *габитус*, является тело человека, которому Бурдьё придавал огромное значение. Так как *габитус* реализуется в практиках агента, то это, следовательно, предполагает «*инкорпорирование*» внешнего мира, что проявляется «в устойчивой манере держаться, говорить, ходить и тем самым – *чувствовать* и *думать*»⁵¹. Моник Шеер, антрополог из Тюбингенского университета, вдохновленная идеями Бурдьё и разработавшая на их основе концепцию эмоциональных практик, развивает это положение следующим образом:

Люди возвращаются в своем социальном окружении, следуя манере, которая в большинстве случаев благодаря тонкостям движений, поз, жестов и выражений соединяет их с другими и одновременно показывает им, кто они есть. Эти практики не являются ни природными, ни случайными; они плоть от плоти выученного репертуара, который размещает человека в социальном пространстве и определяет его ролевое поведение. Это не простое воспроизведение норм, но то, что Бурдьё, называет “стратегией” или практическим чувством⁵².

49 В русских переводах П. Бурдьё или работах, посвященных ему можно встретить синонимичные понятия «предрасположенность», «предустановка» (Шматко. 1998, Рыкин. 2007).

50 Бурдьё. 1994.

51 Бурдьё. 2001: 136.

52 Scheer. 2012: 202.

Именно практическое чувство позволяет человеку исключить каждодневную привычную реальность «из круга осмысляемых предметов», и оно тем самым превращается «в социальную необходимость, ставшую природой и преобразованную в моторные схемы и телесные автоматизмы»⁵³.

Подобно другим гриффинам Джулия Мэйтлэнд выросла в Англии. Она родилась в 1808 г. в семье Шарлотты и Генри Барретов. Ее первые годы прошли в Ричмонде, недалеко от Лондона. После того, как отец потерял плантации в Вест-Индии, родители вынуждены были сдать в аренду дом и переехать с детьми на несколько лет во Францию и Бельгию, где жизнь была дешевле. Некоторое время Джулия провела в путешествиях с бабушкой, пока, наконец, семья не осела в Брайтоне, где Джулия и познакомилась с будущим мужем. Ее образ жизни (в том числе, вкусовая, осязательная, обонятельная, зрительная, слуховая обыденность) формировался на островах туманного Альбиона и в Европе, поэтому «свойства и движения ее тела, — выражаясь языком Бурдьё, — были солидарны со всей системой привычных вещей и нагружены целым множеством сигнификаций и социальных значений». Мир других вещей и отношений, в который она попала в Индии, потому и стал для нее заметным, что не поддерживал ее рутинные, доведенные до автоматизма модели существования и потребовал включения «в круг осмысляемых предметов». Рассказы Джулии о дискомфорте/неприспособленности ее тела к окружающей обстановке — свидетельство конфликта «выученного репертуара» с изменившимся окружением. По мнению Бурдьё, «присутствие прошлого» в габитусе или «инерционность первичной детерминированности (в форме габитуса) особенно хорошо

---

53 Бурдьё. 2001: 134.

можно увидеть именно в ситуациях, когда диспозиции действуют *несвоевременно*, а практики оказываются неприспособленны к актуальным условиям, поскольку они были объективно согласованы с условиями прошедшими или отменными». В результате усвоенные на родине диспозиции «получают негативное подкрепление»⁵⁴. Бурдьё особенно акцентировал внимание на значении первого опыта человека, полученного в мире домашней экономики и семейных отношений и сформировавшего «структуры габитуса, которые, в свою очередь, лежат в основе восприятия и оценивания всякого последующего опыта»⁵⁵. Логично, что новую реальность Джулия распознавала через сравнение со знакомой ей, европейской, а сама эта реальность вызывала у нее преимущественно негативные ощущения.

Одновременно с физиологическими реакциями как результат оценивания нового мир на вид, цвет, вкус, осязание и запах, происходило его осмысление на основе привычного образа мыслей, идей, представлений, которые также были впитаны, усвоены и закреплены в качестве диспозиций на родине и «привезены» с собою в Индию. Панос Компацариус в статье, посвященной соприкосновению человека с чужим звуком говорит о гибридной природе такого опыта:

...для момента этого соприкосновения характерны подвижные и часто взаимопересекающиеся отношения между нейробиологическим (как звук воспринимается нашей нервной системой в момент его распространения), понятийным (идеи, которые вызываются актом восприятия, и их отношение со знанием) и более обширным социальным/экономическим планом (смысловые и ценностные проекции, реализуемые в контексте звучания)⁵⁶.

---

54 Бурдьё. 2001: 105.

55 Бурдьё. 2001: 105.

56 Компацариус. 2017.

Очевидно, что Мэйтлэнд, подобно любому человеку, одновременно принадлежала разным сообществам (в зависимости от социальной, гендерной, профессиональной и т.д. идентичности), для которых были свойственны соответствующие, иногда накладывающиеся друг на друга диспозиции. Для контекста настоящей статьи нужно обратить на те, которые определяли ее принадлежность к имперской нации. К моменту отъезда Джулии и ее мужа в Индию в Европе и Англии уже сложилась традиция описания колониальных народов. В конце XVIII — первой трети XIX в. она укладывалась в схему «ребенок–взрослый–старик», в которой положение ребенка или старика отводилось обществам, находившимся на стадии становления или упадка, а взрослого — тем, что были на стадии расцвета/зрелости. Именно этот фактор определял разницу между цивилизованными и варварскими народами. Как пишет Маргрит Пернау, применительно к эмоциональному аспекту это означало «неразвитую способность ребенка управлять сильными чувствами и затухание энтузиазма у стариков. Этому противопоставлялось умение контролировать себя, присущее периоду зрелости»⁵⁷. «Возрастная» схема, иерархическим образом описывавшая отношения между имперским и колониальными народами, содержала в себе потенциал догоняющего развития: возможность подняться до уровня зрелости благодаря образованию и воспитанию⁵⁸. В европейских представлениях того времени варвары «не имели возможности прогресса за счет собственного труда и усердия, они нуждались во вмешатель-

---

57 **Pernau.** 2014: 252.

58 В середине XIX в. «возрастная» парадигма сменилась «гендерной», когда западной цивилизации приписывались свойства мускулинности, а восточной — феминности. Эти качества, будучи природными по происхождению, не поддавались изменению.

стве высшей силы: в конце XVIII в. эта божественная роль отводилась в частности европейскому среднему классу, а в целом — европейским колониальным державам»⁵⁹. Тексты, осмыслявшие положение и роль Англии в мире в таком ключе, включая активно обсуждавшиеся в обществе Хартии Ост-Индской компании (1793, 1813, 1833 гг.), обильно наполняли интеллектуальное пространство метрополии⁶⁰. К слову, Джулии Мэйтлэнд колониальная тема должна была быть не чужда, так как долгие годы источником доходов ее семьи были вест-индские плантации. Она ехала в Ост-Индию как жена чиновника⁶¹, т.е. как представитель правящей элиты и цивилизованной расы. В ее письмах нет прямых указаний на то, что она именно так понимала свою миссию. Однако снисходительно-ироничный, переходящий в раздражительный тон описаний образа жизни местных жителей, постоянное использование сравнений их с детьми, регулярно выказываемая озабоченность по поводу отсутствия у них образования,

59 Pernaу. 2014: 249.

60 Работа М. Пернау построена на анализе некоторых таких текстов (в частности, вышедших в XIX в. энциклопедий). Одним из практических результатов «возрастного» подхода было принятие 2 февраля 1835 г. в Индии, за год до прибытия туда Мэйтлэндов, знаменитой резолюции Томаса Маколея, советника по юридическим вопросам при генерал-губернаторе У. Бентинке, заложившей принципы английской политики в области образования в Индии. В резолюции был сформулирован, в частности, тезис о том, что в Индии необходимо создать класс людей, индийцев по крови и цвету кожи, но англичан по ощущениям, убеждениям, этике и интеллекту. См. об этом и об английской политике в области образования в первой половине XIX в. [Сидорова. 2010].

61 Как пишет исследовательница жизни Джулии Мэйтлэнд Элисон Прайс, «к моменту отплытия в Индию вместе с Джулией он, оставив в прошлом позиции писца и младшего купца, числился в Мадрасском альманахе старшим купцом, что было самой высокой категорией для гражданских чиновников. До того, как он покинул Индию в 1833 г. он занимал должность главного коллектора и магистрата в Коимбаторе, третьего судьи в провинциальном суде» (Price. 2004: xiii).

активная вовлеченность в проекты по организации школ для индийских детей, где служил ее муж, заставляют считать, что она воспринимала подопечный народ в соответствии с типичными установками своего времени — по наставнически, с позиции старшего и разумного. Этот тон взят с первых же строк, подтверждая, что сдобренное презрением отношение «свысока» она «привезла» с собой с родины⁶². В письме, написанном меньше, чем через месяц после прибытия в Индию, она описала местную школу, сопроводив таким комментарием:

Очень любопытно — такая ленивая и инертная раса, коей являются индусы, а сколько сил и пота они тратят на то, чтобы научиться совсем немногому. Так мало получить (бедняжки!) за такие труды⁶³.

Сразу же по прибытии в Индию Джулию окружили многочисленные слуги из местного населения, с которыми она находилась в близком и ежедневном контакте. Необходимость налаживать с их помощью быт довольно быстро сформировали у нее мнение о непропорциональности их числа и выполняемых ими обязанностей, дороговизне их услуг, лености, медлительности, лживости, бестолковости, пугливости (*lazy, wicked, lying, inert, foolish fright*). Уже в первом письме появился отеческий мотив:

Они (слуги — С.С.) подобны детям по манере поведения: вообрази мою сорокалетнюю огромную и толстую айю⁶⁴, развлекающуюся тем, что надувает и сдувает мою воздушную подушку, пока она, наконец, не сломала шуруп⁶⁵.

---

62 В этом же убеждена Э. Прайс, которая пишет, что «Джулия прибыла в Индию с твердыми представлениями о расе»: Price. 2004: xvi.

63 **Letters from Madras.** 1846: 23.

64 Айя — в колониальной Индии горничная или няня.

65 **Letters from Madras.** 1846: 21.

В другой раз, уволив мальчика, прислуживавшего ее мужу, за воровство рубашек, она объясняла: «здесь принято наказывать слуг за любую провинность, как будто они дети»⁶⁶. Эпизод с воровством Джулия описала довольно подробно. Характеризуя поведение слуг во время расследования инцидента, она обратила внимание, что подозреваемый, который находился в окружении допрашивавших его слуг, «выглядел более жалко и подавленно, чем любой европеец в подобных обстоятельствах»⁶⁷. После установления виновника Джулия поведала о последовавших «странных сценах»: мальчик валялся в ногах, гладил бритую голову, целовал пол, рыдал; другие, сопричастные преступлению слуги тоже то и дело ударялись в слезы. Столь экзальтированное поведение вызвало у нее недоумение и смех⁶⁸. В тех местах писем, где речь шла об индийских помощниках по дому, упоминания об испуге и оторопи из-за их воплей, криков, стенаний, слезах о неприятии исходившего от них запаха кокосового масла и специй соседствовали с фразами, исполненными раздражения, усталости и злой иронии по поводу организации хозяйства, нерационального по трудовым и материальным затратам и утомительного с точки зрения координирования и управления. Недовольство слугами ассоциировалось с характерными, как правило, отталкивающими звуками и запахами, грязью, нечистоплотностью, хотя порой и с весьма привлекательными визуальными образами. Сопровождавших одного старого англо-индийца «прекрасных босоногих *пеонов* в красивых тюрбанах», она сравнила с бронзовыми

66 **Letters from Madras.** 1846: 33.

67 **Letters from Madras.** 1846: 33.

68 **Letters from Madras.** 1846: 33–34. Подробнее о восприятии слуг мэм-сахибами см. **Сидорова.** 2018.

изваяниями Аполлона⁶⁹. А стоявшие во время обеда в таких же тюрбанах слуги казались ей похожими на султанов⁷⁰.

Несколько иное чувственное оформление имело отношение британцев к влиятельным членам местного общества, о которых Джулия тоже сложила суждение. После встречи с одним из них Мэйтлэнд написала в письме:

Сегодня нам нанес визит богатый заминдар, или раджа... Он оставался продолжительное время и разговаривал о всякой бессмыслице, как делают все они. Поразительно, как тотальная нехватка образования уничтожила весь потенциал их интеллекта. Они говорят часами без всякой попытки высказать хоть какую-нибудь стоящую мысль и выказать искреннее чувство. Их беседа всегда не более, чем пустая болтовня и скучные банальности... Эти люди слишком темны, чтобы иметь шанс проявить свою самобытность и незаурядность⁷¹.

В другом месте она описывала встречу еще с одним раджей, которому ее муж пытался тщетно сделать христианское наставление. И далее она замечала:

сложность разговора с местными состоит в том, что они вместо того, чтобы внимательно слушать, постоянно выискивают лазейку с целью вставить абсурдные провокационные комплименты, и невозможно понять, уловили ли они хоть, что-нибудь из сказанного им⁷².

При общении с ними она испытывала скуку, раздражение от бессмысленного времяпрепровождения, пресыщенности славословиями, комплиментами, церемониями и, тем не менее, непреходящий интерес к миру, устроенному подругому. Эти эмоциональные состояния спаивались с определенными отелесненными ощущениями: там, где на стра-

---

69 **Letters from Madras.** 1846: 25.

70 **Letters from Madras.** 1846: 24.

71 **Letters from Madras.** 1846: 49.

72 **Letters from Madras.** 1846: 113.

ницах ее писем появлялись раджи, а вместе с ними и скука, часто громко или фоном звучала музыкальная какофония, подобная той, что она слышала на описанном выше вечере, возникали характерные визуальные ряды. Вот как это сплавление чувственного опыта и оценочных суждений происходило в конкретных ситуациях.

27 октября 1837 г. Джулия вместе с мужем ожидала визита раджи.

В назначенный час мы услышали странное брэнчание и насвистывание, как от дудки и варгана. Это была мелодия раджи, исполнявшаяся шедшими впереди паланкина музыкантами; затем появились охранники с алебардами, за ними их начальник с серебряной булавой, наконец, придворные, бежавшие по бокам от паланкина, чтобы составить приятную компанию радже... Он был облачен в муслиновый наряд, уши по краям были усеяны драгоценностями, руки украшены браслетами, на шее висел бриллиантовый медальон... После приветственных церемоний он принялся за свою болтовню (*chirp*). Проведя так час, раджа отклонялся и удалился, сопровождаемый славословиями, насвистыванием, брэнчанием...⁷³.

Вероятно, эти звуки так прочно ассоциировались у нее с раджей, что она дала ему прозвище «Дудочка-рао»⁷⁴ (*Penny-Whistle-row*). В начале декабря они нанесли ему ответный визит с желанием «узнать немного жизни». На улице его города их вновь встречал «оркестр, игравший во всю мощь..., глашатаи, кричавшие их имена и титулы, танцовщицы, исполнявшие свои па по щиколотку в грязи». Все это действие представилось им «запредельно абсурдным» и вместо торжественного настроения вызвало смех. Внутри дворца, который также утопал в грязи, им пришлось аккуратно перебираться по настилам, чтобы не соскользнуть в нее. После утомитель-

73 **Letters from Madras.** 1846: 62.

74 *Рао* — гонорифик, обозначение титула, аналогичного радже, характерный для Южной Индии.

ной беседы с раджой им подали на ужин местные «блюда-месива»⁷⁵. Затем они отправились осматривать город в сопровождении дудочек и барабанов.

Посреди всей этой грязи и неудобства то и дело что-то поблескивало: женщины, покрытые узорами с головы до ног, выглядывали из лачуг, мужчины в прекрасных кашемировых шальях выглядели попрошайками на фоне ветоши и грязи⁷⁶.

По возвращении Джулия встретила с женой раджи, которая была «усеяна драгоценностями и золотом с головы до ног». Поначалу, не зная, что делать, она вертелась вокруг своей оси, пока, наконец, *гомашта*⁷⁷ не научил ее поприветствовать Джулию и сесть на стул. Разговор свелся к комплиментам и обсуждению одежды Джулии. Рани крутила ее шляпу на указательном пальце. Привезенные Джулией картины, она рассматривала верх тормашками. Все описание сцены аудиенции выдержано в ироничном и даже насмешливом тоне. Дворец же к вечеру был «залит светом многочисленных факелов, наполнен танцовщицами — излюбленное развлечение в Индии, толпами зрителей и звуками фейерверков». Весь этот сонм впечатлений заставил Джулию именно в этом письме вывести обобщенную формулу «восточной роскоши», которая сочетает в себе «грязь и великолепие, непотребство и пышность». И все это не было похоже на привычный для нее образ жизни. Чета Мэйтлендов оставалась на вечернем представлении, «пока могла вынести *жару, грохот и блеск*» (курсив мой — С.С.), а затем отправилась в отведенные им комнаты с совершенно иным убранством:

---

75 **Letters from Madras.** 1846: 63.

76 **Letters from Madras.** 1846: 64.

77 *Гомашта* — в колониальных текстах: слуга, выполнявший функции посредника между британцами и местным населением.

Все было *противоположно* местному укладу... Горели свечи, были разложены чайные принадлежности, книги, набор для рисования, все выглядело *спокойно и удобно, как дома*. Я никогда не видела сцену, столь разительно отличающуюся от той, что мы видели всего минуту назад: все чувства и мысли переменялись мгновенно (курсив мой — С.С.)⁷⁸.

Такие ассоциативные чувственно-эмоциональные цепочки или блоки складывались и по другим поводам. Одурачивающая жара и обманчивый снежный хруст листьев под ногами делали Джулию и всех ее домочадцев «*такими злыми*» («*so cross*»), что они были «способны только жаловаться и брюзжать»⁷⁹. Вонь и гудящие толпы порождали чувство опасности после того, как однажды она с мужем вынуждена была проезжать через пораженный холерой город, наполненный смрадом и тысячами людьми по случаю празднования пушкарама⁸⁰.

Сложившиеся еще в Англии представления об Индии и индийцах, как подвластной территории и низшей расе носили символический, эфемерный характер, так как были направлены на абстрактное чужое. Это были идеологемы, закрепленные в *габитусе* британцев интеллектуальными традициями имперского общества, но не подкрепленные телесными практиками, отсутствовавшими в окружающей среде. В Индии же умозрительный мир обрел специфические формы, запахи, цвета, звуки, вкусы, манеры телесного и эмоционального поведения, отличавшиеся порой крайностями, чрезмерностью и экзальтированностью. Из них складывалась действительность, которая резко отличалась от далеко-

---

78 **Letters from Madras.** 1846: 65.

79 **Letters from Madras.** 1846: 38.

80 **Letters from Madras.** 1846: 42. Пушкарам — праздник в честь двенадцати индийских рек, соответствующих зодиакальным знакам. Каждая река чествуется раз в 12 лет.

го, понятного и безопасного домашнего пространства и диссонировала с физиологическими привычками⁸¹ приезжавших в колонию новичков. Телесные «потрясения» из-за неприспособленности к новым условиям и привезенные предубеждения против другого способа жизни и образа мыслей взаимно подпитываясь, задавали вектор негативизации эмоций *грифффинов* и их ответных реакций. Определенные звуки, запахи, вкусы, образы, тактильные ощущения ассоциировались с переживаемыми эмоциогенными событиями, окрашенными испугом, страхом, скукой, отвращением, недоверием, растерянностью, изумлением и т.д. Потому и образ чужого приобретал отрицательные коннотации, что было следствием дезадаптированных практик.

Хотя *габитус* единичен, а процесс его детерминации и структурирования индивидуален, он, тем не менее, подчинен коллективному творчеству. Очевидно, что агенты, сформированные полностью или частично тождественными условиями, обладают схожими *габитусами*. Естественный процесс согласования между объективно скоординированными диспозициями отдельных агентов Бурдьё называл гармонизацией опытов («сходный жизненный опыт придает определенное “лицо” социальному окружению») или гомогенизацией *габитусов*. Порождаемые ими практики становятся взаимопонятными, упорядоченными, целостными, систематическими и предсказуемыми. Воспроизводимые членами одной группы они воспринимаются как очевидные и

---

81 Этот эффект отставания или запаздывания перенастройки габитуса Бурдьё определял термином *гистерезис*. **Бурдьё**. 2001: 116, 121. Российский исследователь его интеллектуального наследия Н.А. Шматко так разъясняет это положение Бурдьё: какое-то время после того, как социальные отношения изменились (или агент занял другую позицию в них), агент по-прежнему воспроизводит старые социальные отношения, продуктом которых является его габитус. **Шматко**. 1998: 64.

сами собой разумеющиеся⁸². Новички, попадавшие из относительно одинаковых условий в Англии в другие относительно одинаковые условия в Индии, судя по всему, проявляли свою дезадаптированность схожим образом, чем и заслужили групповое прозвище *гриффины*. Это было промежуточное состояние, уже рассогласованное с прежним опытом, но еще не согласованное с новым. Описанное Джулией распознавание другого мира было не чем иным, как запущенным процессом адаптации, приноравливания *габитуса* к нему. Этот мир был представлен разными социальными группами — *гриффинам* предстояло гармонизироваться с одной из них.

Гриффины и англо-индийцы

Прозвище *гриффины* новички-колонизаторы получили не от местного населения, а от своих соотечественников, прибывших в Индию раньше них. Если письма Джулии Мэйтлэнд и другие подобные нарративы дают представления о реакциях *гриффинов* на индийский мир, то подспорьем в понимании их взаимоотношений с англо-индийцами может послужить упомянутая в начале статьи поэма «Гриффин Том Роу». Читатель смотрит на Тома глазами анонимного автора — чиновника и офицера на бенгальской службе, во всех подробностях представлявшего жизнь в Индии, и именно разительный контраст между главным героем и местным английским сообществом становится источником сюжетных поворотов поэмы.

В частности, диссонанс с непривычным миром проявлялся в телесной неуклюжести и отсутствии рефлексорных навыков некоторых движений. Уже упоминавшаяся Моник

---

82 Бурдьё. 2001: 112-116.

Шеер в соавторстве с Паскалем Айтлером объясняли этот феномен вписанностью человеческого тела в ту или иную культуру:

От способностей, ограниченных возможностей или привычек, особенно усвоенных неосознанно или приобретенных сознательно путем долгих усилий, очень трудно избавиться, они буквально встроены в наше тело — в виде укороченных сухожилий, которые уже не позволяют нам легко занять и сохранять ту или иную позу при сидении; в виде повышенного кровяного давления или внезапного обморока, в виде сердцебиения или слезотечения⁸³.

Одна из первых сцен описывает тщетные попытки Тома Роу сесть в паланкин — традиционное средство передвижения британцев и богатых индийцев в колонии:

“Масса⁸⁴ иметь палкхи⁸⁵?” — “Что это значит, черт возьми?”
Рам-Джонни⁸⁶, исчезнув на минуту, прибыл с палкхи...
Возникла новая дилемма; Том не знал,
Как поместить себя в сей странный, длинный агрегат;
Закинув ногу, он проскочил его насквозь,
Попутно растянув спинной хребет;
Носильщики, в предвкушение платы, рванули с места,
Заставив нашего героя скакать по-крабьи боком,
Пока он воплями их не остановил.
Наконец, взобрался, сильно ушибив макушку⁸⁷ (Илл. 3)

В другой раз уже в *мофуссиле*⁸⁸ по приглашению мистера Б., старейшего резидента⁸⁹ он оказался впервые на *дарба-*

83 Eitler, Scheer. 2009: 285 (цит. по: Плампер. 2018: 224).

84 Масса — искаженное от мистер, господин.

85 Палкхи — паланкин, носилки.

86 Слуга, нанятый Томом Роу в порту.

87 Tom Raw, the Griffin. 1828: 28. Процесс посадки в паланкин и передвижения в нем был постоянным источником карикатурных зарисовок и курьезных описаний в английских нарративах на протяжении всего XIX в.

88 *Мофуссил* — в Британской Индии: местность за пределами столицы (Калькутты)/дистриктного центра, сельская глубинка.

89 В данном случае имеется в виду административная должность главы мофуссила.

*ре*⁹⁰ у бенгальского *наваба*⁹¹, где демонстрировал не только неадекватность реакций, но и привезенные предрассудки. К радже они поехали в экипаже 1795 г. постройки, запряженном четырьмя тощими лошадьми и управляемом столь же тощим возницей, в сопровождении свиты на оголодавших *тату*⁹². Члены свиты были одеты в красные, выдавшие виды мундиры, жокейские шапочки, с которых свисали коровьи хвосты, касавшиеся засаленных штанов и полуоткрытых ботинок, из которых торчали пальцы. Эта сцена показалась Тому нелепой и комичной, и он едва удержался от смеха⁹³. А на самом *дарбаре* произошло следующее событие:

Том был представлен — наваб направился к нему,
 Чтобы, как принято, по-братски заключить в объятия;
 Однако Том, отпрянул в страхе прочь,
 Сочтя приветствие пренеприятным.
 Наваб таким чудачеством немало удивлен,
 В изумленьи глядел на нашего героя,
 Который, сопротивляясь князю, стал кричать.

....

“Мне? Обниматься с мерзким типом? Прошу, увольте”.
 Том вопил: “Повесьте лучше, чем стану я терпеть бесчестье;
 И если слово он еще произнесет,
 О, Боже, я плюну в черное, негодное его лицо!”

Мистер Б., который отправился на *дарбар*, чтобы не «не раздражать Его высочество и потакать капризам двора», не найдя ничего предосудительного в форме приветствия, призвал Тома «к смиренности и уважению к месту, просил учесть последствия неосмотрительных поступков».

“Нет, — роптал наш Том, — я не того происхождения,
 Чтобы меня лобзали местные князья,

90 *Дарбар* — двор правителя, торжественный прием при дворе.

91 *Наваб* — правитель, наместник, титул мусульманского феодала.

92 *Тату* — индийский пони.

93 **Tom Raw, the Griffin.** 1828: 203–204.

Хотя бы вся его одежда блестяла, золотом покрыта”.
Так кончился дарбар, и Том поклялся многократно,
Что к местной знати он больше не ходок⁹⁴.

Эти и много других примеров свидетельствовали о том, что характерное для *гриффинов* удивленное округление глаз и губ вызывал не только мир местного индийского населения, но едва ли не в той же степени и их соотечественников, которых они с трудом узнавали. Сцены, построенные на противопоставлении, давали представление не только о *гриффинах*, но выписывали усредненный образ англо-индийцев. Автор поэмы предупреждал читателей:

Мы выбрали нашего героя из того класса молодых людей, которые являются украшением воинской профессии, и если мы и изобразили его в карикатурном виде, то с единственной целью — показать курьезность тех затруднительных положений, в которых он оказался... Все, что мы хотим, это дать истинное представление о некоторых ситуациях, манерах и обычаях страны, которая так мало знакома нам⁹⁵.

Последние по-другому двигались, приспособившись к паланкинам, слонам, ослам, пони и т.д. Со временем они находили ставший привычным паланкин одним из лучших и наиболее удобных для тела средств передвижения, что зафиксировано во многих колониальных текстах. Та же Джулия Мэйтлэнд, отказавшись взбираться на слона, предпочла отправиться на осмотр сада раджи Дудочки-рао в уже ставшем привычным паланкине (дело происходило спустя год после прибытия в Индию), позволив слону вышагивал впереди⁹⁶ (Илл. 4).

---

94 Tom Raw, *the Griffin*. 1828: 205–206.

95 Tom Raw, *the Griffin*. 1828: vi.

96 Letters from Madras. 1846: 65.

Англо–индийцы, пристрастившись к местной пряной кухне и курению кальяна — *хуки*, иначе пахли. С Томом то и дело случались спазмы и приступы кашля в окружении курящих *хуку* англичан⁹⁷. Он различал дурной запах изо рта жены его покровителя⁹⁸.

Кроме того, британцы в колонии непривычно звучали. Не понимая и удивляясь ломаному английскому, на котором к ним обращались индийцы⁹⁹, *гриффины* скоро обнаруживали, что и англичане говорили на таком же искаженном наречии. Примеры коверканных фраз, которые Том слышал на балах, охоте, обедах, неоднократно появляются в тексте поэмы: «Кэрапит, старик умеренного нрава, вступил с ним разговор: “Он был богат” (*He vas rish*)»¹⁰⁰. На это же с отчаянием обращала внимание Джулия Мэйтлэнд:

Жаргон, на котором разговаривают англичане с местными, совершенно абсурден. Я называю его компанейским английским (*John Company's English*), что страшно оскорбляет миссис Стаунтон. Он кажется настолько детским и глупым, что я все еще не могу заставить себя использовать его; но я полагаю, что со временем должна буду, так как королевский английский (*King's English*) является характерной чертой гриффинства, и слуги, кажется не в состоянии понять простейшие приказания, пока они не переведены на тарабарский¹⁰¹.

В этом же пассаже она отмечала еще одну черту *гриффинста*:

Индийцы очень раздражают, они ведут себя, будто они грязь под нашими ногами, и мы даем им основания считать, что так к ним относимся. Их раболепство непозволительно, но грубость и пре-

97 Tom Raw, the Griffin. 1828: 44.

98 Tom Raw, the Griffin. 1828: 41.

99 Tom Raw, the Griffin. 1828: 27, 29.

100 Tom Raw, the Griffin. 1828: 148.

101 Letters from Madras. 1846: 21.

зрение, которые англичане проявляют к ним — весьма прискорбное зрелище. Вежливость (*civility*) к слугам — особо заметная черта гриффинов. Однажды я сказала своей айе: “Айя, будь любезна, принеси мне стакан воды и тост”. Она двинулась к двери, а затем вернулась в растерянности и спросила: “Что мадам сказала? ... Воду и тост я знаю, а будь любезна — не поняла”. Полагаю, что она никогда не слышала такой фразы, адресованной к ней¹⁰².

Невоздержанность в выражениях отмечал и автор поэмы о Томе Роу. Он описывал полусонного капитана *бадгероу*¹⁰³, который:

беднягу-боцмана вверх в трепет,
В ухо проорав “Hum peet ke chumbra nicklounga”,
Что значит: “С твоей спины сдеру я кожу”,
Что джентльмен английский не должен говорить
Ни на индийском, ни родном наречии.

К стыду скажу, что наша молодежь
Употребляет брань к нижестоящим,
Едва ли понимая смысл оскорбления для местных...
Нет, чтоб плутом иль дураком назвать,
Или избрать, черт подери, другое мягкое словцо,
Они в ущерб религиозным чувствам
Наружу тащат непотребство, как то: “Прочь, свинья”¹⁰⁴.

Наконец, англо-индейцы были заметно медлительнее, ленивее и неповоротливее, чем новички. Том Роу маялся в ожидании неспешных аудиенций у покровителей¹⁰⁵. Заметную нетерпеливость проявляла Джулия Мэйтлэнд, которая писала в письме:

Независимо от числа слуг, все они чудовищно медлительны. Я часто утомляюсь, обслуживая себя сама, чтобы не ждать, пока они будут канителиться. Но миссис Стаунтон смеется надо мной, назы-

---

102 **Letters from Madras.** 1846: 20.

103 *Бадгероу* — тяжело двигающаяся, бескилевая баржа, две трети кормы которой заняты каютами. Широко применялась на Ганге.

104 **Tom Raw, the Griffin.** 1828: 201.

105 **Tom Raw, the Griffin.** 1828: 31–33.

вает меня “гриффином” и говорит, что я должна выучиться терпению и беречь силы. Настоящие индийские леги лежат на кушетках и при падении носового платка тихим голосом зовут “Бой!”, после чего в комнату, еле передвигая ноги, прокрадывается старый, высохший, худой темнокожий человек, похожий на вышедшую из употребления шпагатную бумагу, крутится вокруг недолго и мягко, подобно черному коту уходит обратно, садится, скрестив ноги, на веранде в ожидании следующего зова хозяйки¹⁰⁶.

Англо-индийцы перенимали манеры индийской знати: «Некоторые старые англо-индийцы считают себя слишком важными, чтобы пойти на прогулку в свой сад без сопровождения слуг, следующими позади», — писала Джулия¹⁰⁷. Знаменательна в этом отношении и первая встреча Тома Роу с мистром Б. на пороге его дома, экипаж которого вызвал у Тома смех:

О том, что хозяин дома близко, Том узнал по звону серебра.
Из недр святилища — Том посторонился —
Вся в сиянии показалась свита,
При виде англо-азиатского убранства Том онемел.
Ни принц наследный, ни король на сцене театра
Не мог бы с большей важностью ступить¹⁰⁸.

А подавить смех при виде экипажа мистера Б., Тома заставила последовавшая церемония приветствия резидента при дворе набоба: многочисленные слуги начали перечислять все его восточные титулы «в азиатском порядке», которые «могли быть сведены к одному слову — Джахангир¹⁰⁹».

Из таких элементов эмоциональных, чувственных, кинестетических практик складывалась поведенческая норма англо-индийцев. С усвоением запахов, звуков, темпов жизни в колонии, то есть в процессе интериоризации и инкорпора-

---

106 *Letters from Madras*. 1846: 19.

107 *Letters from Madras*. 1846: 25.

108 *Tom Raw, the Griffin*. 1828: 202.

109 *Tom Raw, the Griffin*. 1828: 204. Джахангир (1605–1627) — могольский падишах.

ции другой социальной действительности происходила перенастройка или гармонизация их *габитуса*, который начал продуцировать вновь усвоенные практики. Присущие ему «устойчивые манеры держаться, говорить, ходить» являлись отражением уже иной реальности. *Габитус* приезжавших в колонию британцев индианизировался, превращая их в англо-индийцев, а поначалу ругаемая эмоциональная избыточность, медлительность и другие черты местного населения в процессе адаптации во многом оказались присущими им самим. Поэтому англо-индийское сообщество имело не слишком привлекательный образ для *грифффинов* и поначалу вызывало отторжение и неприязнь, о чем многократно писала Д. Мэйтлэнд. Однако именно в эту группу предстояло влиться неопитам.

П. Бурдьё не был открывателем идеи эмоциональной солидарности представителей той или иной социальной группы. Одним из первых на это обратил внимание французский историк, один из основателей школы «Анналов» Люсьен Февр в статье 1941 г. «Чувствительность и история». Он отмечал, что эмоции¹¹⁰ «составляют часть взаимосвязей между людьми, часть общественных отношений»¹¹¹. По его мнению, особым свойством эмоций, которое делает их феноменом социального мира, является *заразительность*¹¹². Объясняя механизм заражения, Февр писал:

эмоции зарождаются, бесспорно, в сокровенных органических недрах данной личности, нередко под влиянием события, которое только ее и касается, или по меньшей мере касается особенно

---

110 При этом Февр отличал эмоции от «автоматических реакций организма на раздражения внешнего мира, полагая, что первые «проистекают из иных источников органической жизни». Февр. 1991: 111.

111 Февр. 1991: 111.

112 Февр. 1991: 111.

ощутимо, особенно остро. Но выражение их есть результат целого ряда опытов совместного существования, результат схожих и одновременных реакций на потрясения, вызванные схожими ситуациями и контактами; оно является, так сказать, плодом такого слияния, такого взаимопоглощения разнородных чувств, что они тут же обретают способность вызывать у всех присутствующих, посредством некой мимической заразительности, эмоционально-моторный комплекс, соответствующий событию, пережитому и прочувствованному одним индивидуумом¹¹³.

В дальнейшем идею сходства эмоционального поведения индивидов развивала американский историк Барбара Розенвейн, предложившая термин *эмоциональное сообщество*. Она считает, что такие сообщества «институционально сродни социальным группам — это могут быть семьи, односельчане, синдикаты, академические институты, монастырские общины, фабричные коллективы, княжеские дворы. Однако исследователь, изучающий их, прежде всего, пытается вскрыть системы чувств, установить, что каждое из таких сообществ (и индивидов внутри них) определяет как ценное или болезненное (то есть то, по поводу чего люди и выражают свои эмоции), какова природа аффективных связей внутри сообщества, каковы способы эмоциональных проявлений, которые они ожидают, поощряют, терпят или отвергают»¹¹⁴. Эти сообщества быть могут маленькими и большими вплоть до андерсоновских воображенных, т.е. целых наций¹¹⁵.

Обнаружив в эмоциях свойство заразительности, исследователи обратили внимание, на то обстоятельство, что процесс их диффузии в обществе отнюдь не бесконтролен. Американский историк и антрополог Уильям Редди ввел по-

113 Февр. 1991: 111. О вкладе Л. Февра в изучение истории эмоций см. Rosenwein. 2002a: 1–3; Плампер. 2018: 65–97.

114 Rosenwein. 2002a: 14, Rosenwein. 2010: 11.

115 Rosenwein. 2010: 10.

нятие *эмотива* для обозначения словесного эмоционального высказывания, которое сочетает в себе константив, когда описывается состояние (мне грустно) и перформатив, когда с помощью подобного высказывания интенсифицируется одно или несколько чувств за счет ослабления или модификации других¹¹⁶. Анализируя политическую или социальную значимость эмоционального высказывания, Редди пришел к утверждению, что «человеческие сообщества (*communities*) жизненно заинтересованы в том, как люди обычно используют эмотивы» и пояснил:

В этнографических и исторических исследованиях по эмоциям есть много свидетельств того, что каждое сообщество формирует эмоциональные идеалы и нормы и прививает их через эмоциональные ритуалы, формулы, молитвы, клятвы и т.д.¹¹⁷

Он называет их *нормативными эмотивами*, которые часто повторяются и используются так, что приобретают способность корректировать то, как люди чувствуют. Предписанные *эмотивы* создают так называемые *эмоциональные режимы*¹¹⁸.

Набор нормативных эмоций, официальных ритуалов и практик, а также эмотивов, которые выражают и насаждают их, являются подпорками любого стабильного политического режима¹¹⁹.

---

116 Термин *эмотив* подвергался критике за «лингвистический империализм», так как ограничивался вербальным высказыванием и не охватывал невербальные телесные практики, такие как смех или плач. О неоправданной привилегии слов по сравнению с другими формами эмоционального поведения писала Барбара Розенвейн в рецензии на книгу У.Редди «Навигация чувств» (Rosenwein. 2002b, Reddy. 2001). Но для настоящей статьи, использование понятия *эмотив* вполне уместно.

117 Plamper. 2010: 240.

118 Подробно концепция *эмотивов* и *эмоциональных режимов* изложена в Reddy. 2001.

119 Reddy. 2001: 129.

Л. Февр, занимавшийся исследованием намного раньше, оперировал понятием «система», существенным признаком которой считал «полезность». Последняя выражается в том, что «согласованность и одновременность эмоциональных реакций группы людей обеспечивает данной группе относительно бóльшую безопасность и силу»¹²⁰. Следуя этой логике, единообразный эмоциональный поведенческий стиль англо-индийцев выполнял функции сохранения стабильности, сплоченности и слаженности действий внутри их немногочисленного сообщества. И демонстрируемая *гриффинами* инаковость была нежелательна. Им следовало слиться с коллективом, как можно скорее выйти из состояния неуверенности, застигнутости врасплох, то есть усвоить новый кодекс поведения.

Разницу между рождением в какой-то среде и вхождением в новую П. Бурдьё считал аналогичной той, что пролегает между «усвоением родного языка и изучением иностранного»¹²¹. Для второго действия необходима «педагогическая работа» и «воспитательное воздействие»¹²². Владение новыми правилами, по Бурдьё, возможно только на практике. Моник Шеер с опорой на эту концепцию предложила теорию эмоциональных практик, под которыми понимает «манипуляции тела и ума с целью либо вызвать чувства там, где их нет, либо сгруппировать неорганизованные побуждения и придать ему понятную форму, либо изменить или устранить уже возникшие эмоции»¹²³. Таких практик она выделяет четыре: *мобилизация (mobilizing)*, *называние*

---

120 Февр. 1991: 112.

121 Бурдьё. 2001: 130.

122 Бурдьё. 2001: 143.

123 Scheer. 2012: 209.

(*naming*), коммуникация (*communicating*), регулирование (*regulating*). Используемые в этой статье два нарратива дают представление о некоторых механизмах подталкивания и принуждения к эмоциональному согласию.

То, что Шеер подразумевала под практикой *называния*, очень близко соотносится с концепцией *эмотивов* Редди, хотя ими и не ограничивается. В отличие от Редди, концентрировавшемся на словесных речевых актах, Шеер считает необходимым дополнительно «включать в поле расследования язык, оперирующий телесными категориями: “биться в истерике”, “дрожь в голосе”, “сдерживаемый гнев”, “лишиться чувств от стыда”»¹²⁴. В письмах Джулии Мэйтлэнд эмоции и телесные чувствования фиксируются в виде письменных высказываний, их именование предполагает означивание, наделение понятным смыслом. Как пишет Шеер, «подобно снежинкам каждая эмоция уникальна и попадает в какую-нибудь категорию, т.е. типологизируется, только посредством называния»¹²⁵. Представленные в первой части статьи довольно подробные выдержки из писем Джулии, содержавшие описание и атрибутирование ею самой своих переживаний, и относятся к такой деятельности. Через их называние и повторение происходило самонавязывание аффективного состояния, закладывание информации в эмоциональную память и программирование стереотипов реакций. Взятые сами по себе письма Джулии Мэйтлэнд не дают представления о воздействии употребляемых ею *эмотивов* на окружающих людей или используемых другими людьми на нее. Но анализ дополнительных источников подтверждает, что схожие обозначения эмоций циркулировали из текста в текст разных авторов, превращая

---

124 Плампер. 2018: 439.

125 Scheer. 2012: 213.

индивидуальное чувствование в типовое отношение к незнакомой индийской действительности¹²⁶.

Поэма «Гриффин Том Роу» дает примеры других способов вовлечения *гриффинов* в англо-индийское эмоциональное сообщество. Помимо зарисовок английского образа жизни и быта в Индии, поэма имеет еще одну функцию. Выставляя Тома Роу на посмешище англо-индийского сообщества, рассказчик в каждом эпизоде создает для него ситуацию дискомфорта, нарочито демонстрирует непохожесть героя на местную публику. Через высмеивание автор побуждает его к изменению поведения. Можно сказать, что он с помощью зрителей производит те самые «манипуляции над его телом и разумом с целью вызвать чувства, которых еще нет, и устранить другие, нежелательные». Сама поэма — обращение ко всем прибывающим в Индию и соответственно направленная на них манипуляция через литературный текст. Редди называет этот процесс «эмоциональным менеджментом», а Моник Шеер классифицирует такого рода практику, как *мобилизацию*. Она поясняет:

Присутствие других людей, толпа, громко выражающая эмоции, или музыка, выбранная кем-то другим, стимулируют в нас определенное чувство ... Эмоциональные практики, конечно, могут осуществляться сами по себе, но часто они встроены в социальное окружение. В этих практиках участвуют тела других людей, которые посредством их созерцания порождают определенные чувства¹²⁷.

126 См., напр., **Сидорова**. 2018.

127 **Scheer**. 2012: 209, 211. Похожее объяснение находим и у Бурдьё: «Внимание, направленное на инсценировку больших коллективных церемоний... питается не только стремлением придать торжественный вид группе, но еще и... желанием, безусловно более неявным, упорядочить мысли и *внушить* чувства при помощи строгой упорядоченности практик, установленного положения тел и, в частности, телесных выражений симпатии в форме смеха или слез». **Бурдьё**. 2001: 134.

Одновременно происходило распознавание/чтение «эмоций на лицах, в жестах, голосовых интонациях, телесных позах или манифестациях, таких как слезы, изменение цвета кожи, сбой дыхания и т.д.»¹²⁸. Такой обмен эмоциональными сигналами Шеер относит к еще одной категории практик — *коммуникации*, хотя грань между ней и *мобилизацией*, на мой взгляд, не всегда очевидна и трудно определима (Илл. 5)

Для изучения эмоционального репертуара англоиндийцев, судя по колониальным текстам, использовался, образно выражаясь, институт тьюторства. Тому Роу в помощь дается «наставник», который погружает его в гущу «разумных тел». В самом начале рядом с ним появляется скучающий и зевающий приятель Рэнди, который за несколько недель протаскивает его через все типичные для колонии жизненные ситуации, как бы проводя своеобразный обряд инициации. Роу обзаводится важными знакомствами, посещает балы, где перед ним проходит череда девиц на выданье, участвует в скачках, охоте, розыгрыше лотерейных билетов, присутствует на представлении индийских танцовщиц, выслушивает лекции об индуизме и исламе, обучается езде в паланкинах, на слонах и т.д. Аналогичный опыт в провинции он получал под присмотром мистера Б. В каждом эпизоде он получал пример и постепенно обретал навыки мышечного, интонационного, мимического, экспрессивного поведения путем копирования, подражания, запоминания¹²⁹. Начальный после высадки на берег Индостана этап пребывания в крупном колониальном городе до отбытия в провинцию к месту службы, как правило, проходил по

---

128 Scheer. 2012: 214.

129 Как отмечал Бурдье, «имитируются не “модели”, а действия других. Телесный экзис говорит напрямую с моторикой, в качестве схемы поз» Бурдье. 2001: 143.

заданной схеме и был очень важен для *гриффинов*. Именно в этот момент происходил ускоренный курс их эмоциональной мимикрии. Для Джулии Мэйтленд — таким местом инициации стал Мадрас, где под руководством миссис Стаунтон, она осваивала азы англо-индийства. В определенном смысле тьюторство можно трактовать как вариант регулирующей практики, подразумевающей продуцирование/демонстрацию эмоциональных норм и надзор за их исполнением с последующим наказанием за нарушение. В данном случае в качестве наказания выступает высмеивание и Джулии («Миссис Стаунтон смеется надо мной, называет меня “гриффином”»¹³⁰), и Тома Роу как основного мотива поэмы.

Джулия Мэйтленд весьма чутко понимала свое переходное состояние, включив в одно из писем пассаж по поводу праздника, организованного местным жителем, куда помимо четы Мэйтлендов были приглашены Стаунтоны:

Это было сверх любопытное представление, и я была удивлена, что Стаунтоны, которые так много времени провели в стране, никогда не видели ничего подобного. Просто поразительно, насколько большинство английских леди кажутся равнодушными к обычаям и манерам местных; и это не только потому, что они привыкли ко всему, но и потому, что, по их собственному утверждению, их никогда не беспокоит ничего происходящее вокруг за исключением того, чем они заняты сами. Я лишь могу предположить, что они просто забыли свои первые впечатления. И это заставляет меня стремиться к тому, чтобы попробовать и увидеть все возможное, пока мое очарование Ориентализмом еще свежо и до того, как апатия и безразличие не одолеют меня, что несомненно случится¹³¹.

И в упомянутой фразе о том, что ей придется перейти на компанейский английский звучит ожидание неизбежной необходимости покориться общепринятому. Так и Том Роу

130 *Letters from Madras*. 1846: 19.

131 *Letters from Madras*. 1846: 26.

успешно окончил курс ученичества. На последней иллюстрации поэмы он, прошедший испытания, лишившийся ноги, предстает в благочинной позе, с приятным и приветливым выражением лица без тени удивления, *таким же*, как и другие люди, в окружении которых он изображен. Он мимикрировал, принял облик и перенял «повадки» англо-индийцев, или, используя терминологию этой статьи «заразился» и влился в их эмоциональное сообщество.

Иными словами, адаптацию *грифффинов* можно описать или как эмоциональное привыкание к англо-индийскому сообществу путем усвоения элементов индийского образа жизни, или как привыкание к индийскому миру через включение в англо-индийское сообщество при понимании неразделимости этих процессов. Однако важно отметить, что в ходе аффективного приспособления не происходило включение европейцев в местное индийское сообщество, оно оставалось отделенным от группы англо-индийцев не только в силу естественных непреодолимых различий (в том числе из-за «присутствия прошлого» в *габитусе*), но и намеренного сохранения дистанции между представителями политически и цивилизационно доминирующей иностранной элиты и подвластным, отстающим в развитии местным населением. В эмоциональном плане функцию водораздела выполняли высокомерие и неприязнь первых по отношению ко вторым. Это означало, что купирование и устранение негативной реакции *грифффинов* на англо-индийское сообщество через обретение эмоциональной солидарности не предполагало аналогичного результата по отношению к местному населению. Напротив, отчужденно-высокомерное отношение к нему, которое загодя начинало взращиваться еще на родине, продолжало насаждаться и в Индии. Практики его культивирования были теми же — будь то *называние* собственных ощу-

щений в устной или письменной речи и циркуляция *эмоци-вов*, формировавших типовое отношение к незнакомой индийской действительности, их возгонка в процессе созерцания демонстрируемого англо-индийцами «нецивилизованного», по определению Джулии Мэйтленд, отношения к слугам, или презрительно-насмешливого — к раджам, или взаимного обмена/*коммуницирования* эмоций. Вот в каких выражения, например, описывает автор поэмы местных жителей, которых Том Роу встретил в доме у мистера Б.:

Толстые туземные бабу — нет добрых слов для них —
 Нанесли визиты, заставив всех зевать и погрузив в дремоту,
 Они рыгали, наполняя воздух зловоньем чеснока, застрявшего в
 зубах
 Цвета кумача иль смолы, что в их ртах разявленных виднелись¹³².

В процедуре тренировки чувств и обучения правилам чувствования был определенный рационализм. В колонии эмоциональные практики многочисленного индийского окружения превалировали над английскими, заполняя почти все пространство своими звуками, запахами, выражениями лиц и т.д., непроизвольно заставляя британцев подстраиваться под них. На житейском уровне англо-индийцы это понимали и старались оградить самих себя от усвоения «неправильных» эмоций и включения, растворения среди местных жителей через продуцирование неприязни к ним. Поэтому уместно говорить, что естественный процесс привыкания был, по определению Компацариса, *колонизацией* видимого, слышимого, обоняемого, осязаемого и распробованного на вкус через включение нового чувственного опыта в знакомую систему миропонимания и установления связей между ними для создания представления о чуждо-

132 Tom Raw, *the Griffin*. 1828: 203.

сти. Настаивая на этом термине, Компациарис заостряет внимание на том, что «метафора колонизации возможна в контексте уже существующего неравенства отношений», когда «процесс конструирования чужого как такового оборачивается восприятием Другого как зрелища, по сути подтверждающего статус чуждости чуждого». В результате завершения периода *гриффинства* знаменовалось трансформацией первоначального чувства удивления в оценочно нагруженные эмоции, как правило, негативного свойства — высокомерия, брезгливости, надменности и взрослой снисходительности по отношению к местным, как к неразумным детям.

Неприязнь была той «полезной» эмоцией, которая выполняла охранительную функцию, обеспечивая единство и обособленность малочисленного англо-индийского сообщества, оберегая его внутреннюю целостность и стабильность, создавая и поддерживая ситуацию внешнего равновесия между своим и чужим и даже обеспечивая инструментом демонстрации цивилизационного превосходства и легитимируя право контроля и вразумления. Прочерчивая границы отчужденности между двумя мирами, европейцы избегали растворения в многомиллионном местном населении. В то же время в новых условиях происходила перенастройка *габитуса* британцев. В результате неприязнь, обладающая центробежным потенциалом, нацеленная на отдаление своего сообщества от чужого, экспозиционировалась способами, заимствованными у этих чужаков: громко, по-английски неграмотно, медленно, несдержанно. Представляется, что усвоенные элементы восточной эмоциональности не давали европейской общине закапсулироваться и оказаться в полной изоляции. Напротив, индианизированные способы экстерииоризации протягивали мости-

Негативный чувственный опыт в истории

ки, соединявшие оба сообщества, создавали каналы для установления чувственного, мимического, кинестетического взаимопонимания между двумя мирами. В этой зоне контакта и сформировался гибридный англо-индийский эмоциональный стиль.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Letters from Madras. 1846 — Letters from Madras during the years 1836–1839. By a Lady. L.: John Murray. 1846.

Tom Raw, the Griffin. 1828 — Tom Raw, the Griffin: A Burlesque Poem, In Twelve Cantos: Illustrated By Twenty-Five Engravings, Descriptive Of the Adventures Of a Cadet In the East India Company's Service, From the Period of His Quitting England to His Obtaning a Staff Situation in India. By a Civilian and an Officer On the Bengal Establishment. L.: Printed For R. Ackermann. 1828.

ЛИТЕРАТУРА

Бурдьё. 1994 — Бурдьё П. Начала / Пер. с фр.: Шматко Н.А. М., 1994. http://bourdieu.name/content/fieldwork-philosophy#_edn1.

Бурдьё. 2001 — Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: Бикбов А.Т., Вознесенская К.Д., Зенкин С.Н., Шматко Н.А.; Отв. ред. пер. и Послел. Н. А. Шматко. СПб., 2001.

Компацитарис. 2017 — Компацитарис П. Колонизация чуждого звука: концептуальная эстетика и покорение звукового Другого // Новое литературное обозрение. 2017. Вып.148. https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe-literaturnoe-obozrenie/148_nlo_6_2017/article/19349/.

Плампер. 2018 — Плампер Я. *История эмоций*. М., 2018.

Рыкин. 2001 — Рыкин П.О. От моделей к стратегиям: Пьер Бурдьё и его вклад в этнологическую теорию. // Этнографическое обозрение. 2007. Вып. 4. С. 3-15.

Сидорова. 2010 — Сидорова С.Е. К вопросу о постановке начального образования в Индии XIX в. // «В России надо жить долго...»: памяти К.А. Антоновой (1910–2007) / под ред. Л.Б.Алаева, Т.Н. Загородниковой. М., 2010.

Сидорова. 2018 — Сидорова С.Е. Опиум в молоке и брань на языке: недоверие и страх в английских детских колониальной Индии XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2018. Т. 9. Вып. 10: Конфликты и обманы в обществах эпохи Средневековья и Нового времени / Отв. ред. О.И. Тогоева, П.Ю. Уваров. <https://history.jes.su/index.php?dispatch=issues.archive>

Февр. 1991 — Февр Л. Чувствительность и история // Февр Люсьен. *Бои за историю*. М.: Наука. С.109-126.

Шматко. 1998 — Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I, № 2. С. 60–70.

Eitler, Scheer. 2009 — Eitler P., Scheer M. Emotionengeschichte als Körpergeschichte: Eine heuristische Perspektive auf religiöse Konversionen im 19. Und 20. Jahrhundert // Geschichte und Gesellschaft. 2009. Bd. 35/2. S. 282–313.

MacDonald. 2002 — MacDonald S. The Witches of Fife: Witch-Hunting in a Scottish Shire, 1560–1710. East Linton, 2002.

Pernau. 2014 — Pernau M. Civility and Barbarism: Emotions as Criteria of Difference // Frevert U. et al. (eds). Emotional Lexicons: Continuity and Change in the Vocabulary of Feeling, 1700–2000. Oxford, 2014.

Plamper. 2010 — Plamper J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // History and Theory. 2010. Vol. 49. P. 273-265.

Price. 2004 — Price A. Introduction // Maitland J. Letters from Madras during the years 1836–1839. Oxford, 2004.

Reddy. 2001 — Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for a History of Emotions. Cambridge, 2001.

Rosenwein. 2002a — Rosenwein B. H. Review: Reddy W.M. The Navigation of Feeling // American Historical Review. 2002. Vol.107. P. 1181.

Rosenwein. 2002b — Rosenwein B. H. Worrying about Emotions in History // American Historical Review. 2002. Vol. 107. P. 821–845. <http://www.rmoa.unina.it/1124/1/RM-Rosenwei-Emotions.pdf>.

Rosenwein. 2010 — Rosenwein B. H. Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context: Journal of the History and Philosophy of the Emotions. 1/1 https://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf.

Scheer. 2012 — Scheer M. Are Emotions a Kind of Practice (and Is That What Makes Them Have a History)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // History and Theory. 2012. Vol. 51. P. 193-220.

Taylor. 1881 — Taylor W. Thirty-eight Years in- India. From Jagannath to the Himalaya Mountains. Vol. I. L.: W.H. Allen and Co.

Yule, Burnell. 1996 — Yule H., Burnell A.C. Hobson-Jobson. The Anglo-Indian Dictionary. Great Britain: Mackeys of Chatham.

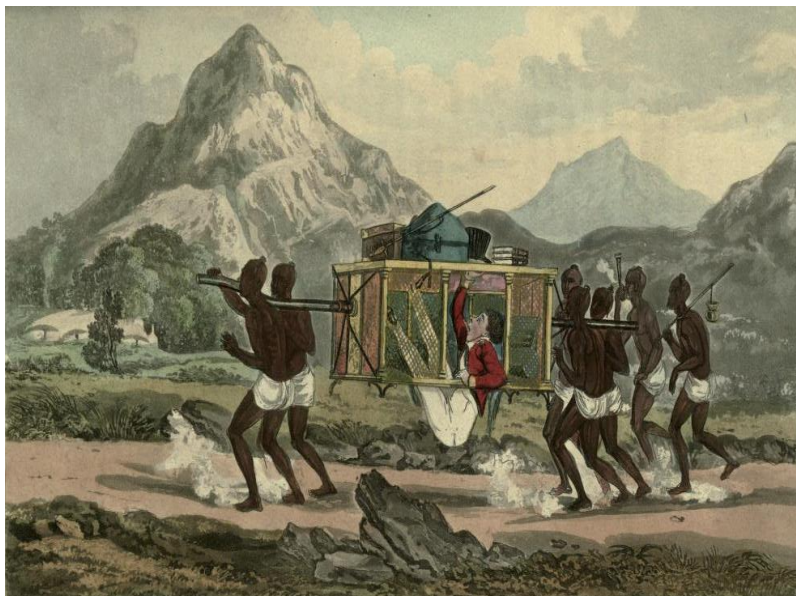
Иллюстрации

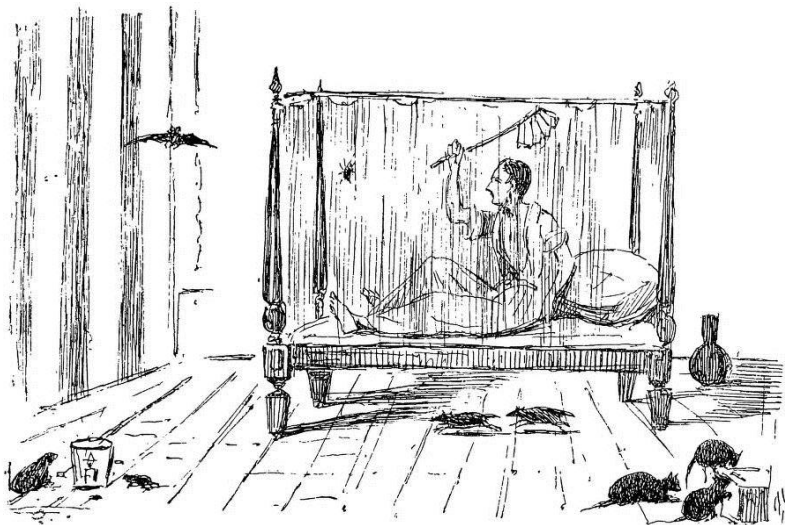
Илл. 1 Зарисовка из книги Taylor. 1881, vol. I: 159.

Илл. 2 Зарисовка из книги **Tayler**. 1881, vol. I: 94.

Илл. 3 Том Роу по пути из Калькутты в провинцию
(рис. из книги Tom Raw, the Griffin. 1828: 256).

Илл. 4 Зарисовка из книги Tayler. 1881, vol. I: 325.

Илл. 5 Том Роу впервые взбирается на слона
(рис. из книги Tom Raw, the Griffin. 1828: 214).

«ГОЛОСА БЕДНОСТИ»: ОБРАЩЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ПАУПЕРОВ ЗА СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩЬЮ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Ключевые слова: Англия, Новое время, бедность, нищета, «старое законодательство о бедных», пауперы, письма, социальная помощь

Аннотация: История бедности в Новое время не описывается языком самих бедных, которым редко позволялось «говорить самим за себя», а изучается по «голосам богатых» — свидетельствам более обеспеченных социальных слоев. В статье анализируется уникальный пласт источников, не описанных в отечественном англоведении. Это обращения нуждающихся мужчин и женщин к приходским попечителям за социальной поддержкой. Письма пауперов рассмотрены как свидетельства от первого лица о деталях быта нуждающихся, как пример низшего уровня письменной коммуникации, дававший возможность общения с более состоятельными гражданами, а также, в силу особенностей написания, как уникальная смесь текстов и голосов, передающих мысли, эмоции, чувства «языком» самих бедных.

История бедности в Новое время, как справедливо замечено рядом исследователей, по большей части не описывается языком самих бедных. Вплоть до середины XIX в. — периода, когда появились первые автобиографии рабочих, — беднякам редко позволялось «говорить самим за себя», поэтому историки в основном изучают *действия* бедноты — мятежи, бунты, восстания и т.п. При этом, по большому счету, мы не имеем права утверждать, что понимаем *мотивы* этих действий, то есть те мысли, чувства, обстоятельства, которые побуждали низшие слои поступать тем или иным образом. История *бедности*, как это ни парадоксально, изу-

чается по *голосам богатых* — свидетельствам более обеспеченных социальных слоев, которые начинали задумываться о проблемах бедности и нищеты только тогда, когда эти проблемы обострялись или начинали беспокоить «сильных мира сего».

Вместе с тем, историку доступен не очень известный и даже, пожалуй, уникальный пласт источников XVIII — первой половины XIX вв., которые можно смело назвать «*голосами бедности*». Это обращения английских пауперов, нуждающихся мужчин и женщин, к приходским попечителям за социальной поддержкой. Они сохранились в виде писем в ряде приходских архивов Англии — в графствах Эссекс, Девон, Корнуолл и др.

Происхождение указанной группы источников следует связывать с особенностями системы социальной помощи, существовавшей в Англии с конца XVI века до 1834 г. Система эта строилась в рамках так называемого «Старого», или «Елизаветинского», законодательства о бедных, основные положения которого были приняты в царствование Елизаветы I Тюдор. Жители страны (те, кто владел земельной собственностью) уплачивали в обязательном порядке специальный «налог на содержание бедных», который составлял основу социальных выплат неимущим. Категория населения, получавшая такие выплаты, именовалась *пауперами*. По разным оценкам, расходы на содержание пауперов в Англии и Уэльсе к концу XVIII — началу XIX столетия составляли в среднем около 4 миллионов фунтов в год (примерно 2% национального дохода), при этом получающих помощь было немногим более 1 миллиона человек (11% населения). Таким образом, на одну бедствующую семью в год приходилось около 4 фунтов социальной помощи (для сравнения, годовой

доход квалифицированного английского рабочего составлял около 12 фунтов).

Ответственность за призрение неимущих закон возлагал на *приход* — наименьшую территориально-административную единицу, которых в Британии того времени насчитывалось более 13 тысяч. Приходское начальство, в лице избираемых ежегодно приходских попечителей по призрению бедных и мировых судей, собирало налоги с местного населения и напрямую управляло социальной помощью, помогая нетрудоспособным бедным, обеспечивая работой трудоспособных, выплачивая пособие по безработице (*dole*), а также оказывая иные виды помощи — например, родовспоможение при сложных родах (вызов повитухи от прихода). Следует отметить, что работали попечители бесплатно, на общественных началах. Население одного прихода могло быть менее 800 человек, вследствие чего историк Марк Блог называл английский церковный приход того времени «социальным государством в миниатюре».¹

Таким образом, каждый приход нес ответственность за содержание «своих» бедных, но *только за своих*. Вместе с тем, многие малообеспеченные люди уезжали из сел в крупные города в поисках заработка и лучшей доли. Применительно к этой категории населения действовали принятые в 1662 и 1697 гг. «Акты об оседлости», которые утвердили своего рода «институт прописки» для пауперов: приход, являющийся для нуждающегося местом его «оседлости», нес за него ответственность в случае возникновения необходимости в социальной помощи. Пауперу выдавался «сертификат оседлости» — своеобразный документ о «прописке», который в случае переезда на другое место жительства гаранти-

---

1 Барлова. 2009: 297–318.

ровал, что указанный в документе «домашний» приход окажет ему поддержку в виде регулярных либо спорадических выплат, материальной или иной социальной помощи.² Для того чтобы «поменять» прописку, человек должен был арендовать жилье за плату не менее 10 фунтов в год (почти равную сумме годового дохода квалифицированного рабочего), проработать слугой не менее года либо подмастерьем не менее 7 лет.

«Закон о прописке» конкретизировал условия социальной помощи для различных категорий и групп населения. Так, к примеру, устанавливалось, что незаконнорожденные дети получали прописку в том приходе, где родились, вне зависимости от прописки его матери либо ее мужа (если она вышла замуж не за отца ребенка). Поэтому незамужние молодые женщины с детьми (в современной терминологии — матери-одиночки) предпочитали жить со своими родителями. Дотация на ребенка шла от того прихода, где он родился, а родители молодой матери присматривали за внуком или внучкой бесплатно, пока она на работе. Если же женщина проживала в другом месте, то приходилось оплачивать еще и сиделку.

Если «домашний» приход отказывался посылать трудовому мигранту денежные средства или оказывать иную помощь, то тот приход, в котором человек находился на заработках, принудительно выдворял паупера домой. Однако ситуация сложилась таким образом, что выплачивать пособие «отходнику» было выгоднее для прихода, чем содержать его дома, где у вернувшегося паупера возможностей для работы не было (иначе бы он не подался в столицу в поисках лучшей доли). Еще большим бремя становилось, если неимущего

---

2 Там же.

помещали в местный приходской работный дом. Поэтому попечители предпочитали регулярно посылать какие-то средства в тот приход, где временно находился «их» паупер. Этой ситуацией и пользовались авторы обращений, просившие приходское начальство о денежной или иной помощи.

Исследования этой группы источников немногочисленны; в отечественном англоведении они не описаны вообще. «Первооткрывателем» писем пауперов следует считать, пожалуй, историка Т. Соколла, который обнаружил, собрал, проанализировал и опубликовал в одном сборнике 758 таких писем. Восстановленные тексты, занимающие в издании 540 страниц, пронумерованы, классифицированы в зависимости от адресата, места и времени написания и приводятся в «авторской редакции», то есть с сохраненной орфографией и пунктуацией пауперов, их писавших.³ Это дает исследователю возможность не только прочесть письма как тексты, но и «услышать» их авторов.

Исследования и публикации писем пауперов предпринимали также Дж. Тэйлор и П. Шарп. В 1997 году в Лондоне вышел сборник под редакцией Т. Хитчкока, П. Кинга и П. Шарп «Протоколируя бедность: голоса и стратегии английской бедноты».⁴

Пауперы, обращавшиеся за помощью, знали, что их могут выдворить, но знали и о тех неудобствах для «домашнего» прихода, к которым приведет их приезд. Это и была та «козырная карта», которую они «разыгрывали» с большей либо меньшей степенью умелости, по сути, ведя с приходскими попечителями переговоры об условиях выживания.

---

3 **Essex Pauper Letters.** 2006: 91–631.

4 **Chronicling Poverty.** 1997: 87–126.

Практически во всех документах этой группы можно обнаружить похожие составляющие, а именно:

- демонстрация эмоций: отчаяния, стыда, возмущения, досады, уныния и пр.;
- изложение бедственных обстоятельств, в силу которых возникают эти эмоции, заставляя автора обращаться за помощью;
- изложение своей просьбы (какую помощь хочет получить и для чего);
- «усиление» своей просьбы по принципу «если..., то» и «если нет, ... то» (что будет в случае, если приход согласится помочь либо откажет).

Основная эмоция, которую демонстрируют просители — *отчаяние*. Так, в одном из обращений, отправленных в «домашний приход», некто Дэвид Райвнелл пишет: «Джентльмены, крайнее Отчаяние побуждает меня просить о Помощи». Этот паупер написал 34 письма в родной приход с 1819 по 1829 гг. (условно говоря, он писал каждые 3 месяца, и практически каждый раз «говорил» об отчаянии).⁵ Сара Финч в своем письме указывает, что она не просто в отчаянии, но «в Великом отчаянии».⁶

Здесь следует сделать небольшое отступление относительно «чехарды» заглавных и прописных букв, которую мы, как и грамматические ошибки, вслед за Соколлом намеренно приводим «в авторской редакции» при переводе источников на русский язык. На первый взгляд она кажется либо «эхом» не до конца оформившегося в Новое время современного английского языка, либо попросту следствием плохой грамотности. Однако при более долгом знакомстве с письмами воз-

5 Sokoll. 2000: 27.

6 Essex Pauper Letters. 2006: Letter № 402.

никает стойкое ощущение, что их авторы посредством заглавных букв выделяли именно те слова, которые казались им более важными.

Еще одно чувство, часто встречающееся в письмах — *стыд*. Это и стыд за бедность как таковую (напомним, в русле протестантской этики быть бедным считалось постыдным, означало, что человек не смог реализовать весь свой потенциал для того, чтобы преуспеть в жизни), и, безусловно, стыд за саму просьбу о помощи. Женщине могло быть стыдно за то, что ее одежда залатана до дыр, «не выйдешь ни в одно приличное место», так как «вопиющие признаки нужды и бедности» еле скрыты под этой одеждой.⁷ Очень многие письма начинаются именно с извинений и констатации постыдности обращения к попечителям:

Сэр, Вы доверьтесь моим извинениям в том, что я пишу вам, это я делаю с большой неохотой и стыдом.⁸

В своих письмах пауперы описывают в деталях мельчайшие подробности быта и своего бедственного положения. Основные темы — тяжелая низкооплачиваемая работа либо потеря работы, торговля, которую стало невозможно вести, домашнее хозяйство, которое придется забросить, болезнь — своя или близких, тяготящие семейные отношения.

Тема болезни как причины бедственного положения и просьб о помощи встречается в обращениях очень часто. «Мое здоровье сильно плохое, и я не способен выполнять никакой работы вообще», — жалуется мужчина средних лет. Старый человек, Уильям Джеймс, не просто жалуется, но будто бы рассуждает, пытаясь логически объяснить свое плачевное положение:

7 Feinstein. 1998: 638–640.

8 *Essex Pauper Letters*. 2006: Letter № 408.

случившееся — то, что я Болен два или три дня — это я отношу, в большей степени, к нехватке постоянного Пропитания, чтобы поддержать свои силы, но также и к Возрасту — тоже сюда это надо добавить — ведь сейчас у меня один год идет за семнадцать! В настоящее время я Нездоров, и это длится несколько дней уже.⁹

Часты обращения от жен с жалобой на нездоровье своих мужей, из-за которого они неспособны содержать семью. Вообще женские письма интересны тем, что они более многословны, в них больше повторов и меньше знаков препинания (либо таковые отсутствуют вообще): речь в этих жалобах «льется рекой», создавая у читателя ощущение «классического» женского причитания.

Мой муж Очийнь Плох и Неможет себе помочь – не больше чем Малый Ребенок, — *сетует Сара Райвнелл, жена упоминавшегося выше Дэвида Райвнелла, в 1825 г.*, — и не может он пройти по дому даже если за это получит Ысячу (фунтов) Не может он и до Кравати дойти, ни встать с нее без помощи человека, который поможет ему лечь в постель и встать с постели, и сейчас мой муж лежит в стороне Всё Лежит В Стороне от меня и лежит — и я поэтому должна просить вас джентльмены о милосердии¹⁰.

Сара Финч излагает свою беду очень похожим образом, будто бы в эмоциональном сумбуре выкладывая все свои чувства адресатам:

мой Бедный Муж Лежит больной все время не может выполнять свою работу и если вы будете так добры чтобы помочь нам оплатить ренту я не хочу вводить в практику свои просьбы к вам Но имея моего мужа постоянно больным всё его время и еще трёх детей и которые все были больны лихарадкой что ой как очень нас угнетает в значительной степени и я не могу заплатить ренту без вашей Доброй Помощи у меня есть возможность работать три или четыре места но я вынуждена сейчас потерять работу чтобы посещать мою Бедную бальную семью и наш лендлорд хочет прислать уже брокера если я не заплачу а я не могу без ва-

9 **Chronicling Poverty.** 1997: 127-154.

10 **Essex Pauper Letters.** 2006: Letter № 157.

*шей помощи О если бы вы были так добры помочь нам одним фунтом спасибо!*¹¹

В обращении Уильяма Джеймса болезнь его жены и дочери — это фактор, катастрофически осложняющий жизнь его семьи, так как они не могут работать, а он, помимо работы, вынужден как-то ухаживать за ними:

*я в отчаянии и сложностях поскольку не в моих силах в достаточной мере поддерживать себя и мою Жену, а также Больную Дочь, вы хорошо знаете, что она в таком состоянии уже десять Лет, и сейчас в руках врачей... моя Жена тоже была сильно больна, несколько раз, пока мы жили в Челмсфорде, да и сейчас они обе болеют, и хотя жене стало лучше, но из-за Немоши, и Возраста, она настолько Несостоятельна что не способна делать что-либо разве что совсем немногое...*¹²

Томас Элбион из Кембриджа обескуражен нависшей угрозой нищеты в связи с внезапной смертью своей жены:

*Несчастливая ситуация, в которую я был помещен с момента Потери Жены, оставленный с Четырьмя Маленькими Детьми за которыми Некому ухаживать, разве что Наня Женщину, но а как же содержать ее — это еще более добавляет к моим нынешним трудностям*¹³.

Помимо болезни или смерти родственника как причины нужды, авторы обращений жалуются на нехватку товаров (продуктов) первой необходимости. Интересно, что среди этих товаров выделяется *обувь*.

Мои ботинки стерты до ступней. Я чинил их до тех пор, пока Не Осталось основания, над которым можно далее работать....

Судя по всему, обувь рассматривалась пауперами как признак минимальной состоятельности: она упоминается весьма часто среди жизненных потребностей, которых

11 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letter № 402.

12 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letter № 418.

13 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letter № 89.

пауперы лишены. Частый образ, знак абсолютной депривации, невыносимый и ничем не оправдываемый — «голые ножки детей в холодную погоду». ¹⁴

Часть женщин в числе жизненно необходимых товаров называют и *нижнее белье*. Так, Элизабет Гудман жалуется:

хочу написать, насколько сильно, очень сильно я угнетена из-за (отсутствия) нижнего белья, чулок, которых у меня одна пара, и та залатана во всех местах¹⁵.

Отсутствие или плохое состояние верхней одежды порой представляется как препятствие к заработку: ведь пальто — это то, в чем можно пойти на работу. «Доказывая» бедственное положение, пауперы нередко писали, что лучшее пальто нуждается в починке или что его уже невозможно более зашивать, а в нем, и только в нем, можно выходить в люди.

Еще один указываемый пауперами признак депривации — это стесненные условия и затрудненный быт из-за проживания с немощными или неработающими родственниками. В большинстве случаев такие родственники — это либо женщины с незаконнорожденными детьми, либо пожилые (престарелые) родители.

Отец незамужней Ханны Уотсон, которая приехала к нему жить с новорожденным (и незаконнорожденным) ребенком, в письме попечителям в Колчестере указывал:

жить они будут в маленькой комнатухе, а спать будут на узкой кровати с двумя другими моими дочерьями — и тела всех их от этого скривит, уверяю Вас!¹⁶

«Моя старая мать живет со мной, и длится это уже семь лет, — пишет мужчина. — Я очень расстроен этим».¹⁷ А вот

---

14 Sokoll. 2000: 31.

15 Essex Pauper Letters. 2006: Letter № 673.

16 Sokoll. 2000: 40.

вежливая старушка Рэчел Шорег сетует попечителям на те неудобства, которые она сама причиняет родственникам своей немощью. Письмо Рэчел написано на более высоком уровне, чем основная масса писем пауперов; вероятно, пожилая женщина была образованной.

Я очень извиняюсь, что вынуждена обратиться к вам, но я так долго пребываю в очень слабом состоянии здоровья и это Продолжается, так что я не могу содержать себя. Дети мои все обзавелись семьями, и в нынешнее дорогое время они делают все что могут чтобы поддерживать существование, и поэтому не в состоянии помогать еще и мне... Я прошу прощения за беспокойство, но у меня нет более никого, кому я могла бы написать, и если вы соблаговолите помочь, это будет Шаг настоящего Милосердия от вас, премного благодарна¹⁸.

Судя по всему, Рэчел Шорэг писала свое обращение сама. Однако ряд писем, хорошо написанных, содержат подпись, сделанную другим почерком — более корявым и, судя по всему, принадлежащим менее образованному человеку. Это позволяет заключить, что не все тексты пауперов были написаны самими «просителями»; однако нет и оснований полагать, что их писали «профессиональные писари»: скорее, это были родственники, друзья или знакомые. В любом случае просьбы о помощи, озвученные «чужим голосом», также происходят из социокультурного пласта трудящейся бедноты.

Интересный в этом отношении кейс — письмо от имени пожилой женщины Энн Таджетт, за которой ухаживает ее племянница, Мэри Энн Пейдж, получающая, соответственно, пособие по бедности от «родного» прихода родственницы. Письмо интересно тем, что начинается оно от имени одного человека — старой женщины, но где-то в середине обраще-

---

17 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letter № 662.

18 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letter № 397.

ния повествование «вдруг» начинает вестись совсем от другого лица — молодой племянницы:

Я не могу жить здесь и Голодать, так как я бедная страдающая от болезни женщина, и не могу работать, чтобы содержать себя и так же моя племянница вынуждена одевать и раздевать меня, и делать это из года в год джентльмены, Мэри Энн Пейдж — я племянница Энн Таджет я делала годами это все для моей бедной страдающей от болезни тети с вашей поддержкой я убирала ее жилище и делала все что в моих Силах за 2,5 пенса.

Одинаковые ошибки на протяжении всего текста говорят нам о том, что письмо написано одним человеком. Неясно, то ли старушка диктовала племяннице текст, а потом та дописывала его уже от себя, то ли Мэри Энн начала писать письмо от имени тети, а потом «забылась» в силу недообразованности и недостатка ума; но для нас это обращение — жалоба на жизнь как бы с двух позиций: с одной стороны, на физическую слабость и немощность, мешающую себя содержать и вызывающую голод и прочие неудобства, с другой — на стесненный быт из-за вынужденного и постоянного ухода за престарелой родственницей.

Важная контент-составляющая обращений пауперов — ответы на вопросы, *чего именно хотят авторы писем и как они это просят.*

В основном просили денег — не снижать сумму пособия, увеличить ее, выслать разовую выплату на конкретные нужды.

Моя дочь сообщает мне Сэр, — *пишет женщина из Лондона*, — что Вы предложили ей пособие 4 шиллинга в неделю – но позвольте мне сказать что Ребенок не сможет на него выжить, она пыталась, но этого не хватало и на половину необходимостей. Если Вы Сэр добавьте ей шиллинг она будет покорно благодарна.

Будьте добры — *просит молодая мать*, — выслать мне разовую выплату, которая пойдет на одну пару обуви, немного белья и фланелевые пеленки для моего Ребенка.¹⁹

Иногда просили не денег, а материальную помощь («кусок ткани чтобы сшить моим детям рубашки», «обычные товары первой необходимости», «несколько тачек угля на случай, если установится холодная погода»).

Но еще интереснее те стратегии, к которым прибегали авторы писем, чтобы их услышали. Кто-то использовал почтительную риторику, оправдывался за сам факт обращения:

Сэр я надеюсь вы Извените меня за Дерзасть песать вам Но.....; ... я не знаю к кому более правильно обратиться в условиях необходимости, в которую я попал, поэтому к вам обращаюсь и к остальным Джентльменам Прихода, покорно доверяя вам в том, что вы позволите мне немного помощи; Дорогие джентльмены я Надеюсь что Вы будете так Добры чтобы Рассмотреть и быть Так добры чтобы Послать нам Что-нибудь пригодное в нашем Отчаини и мы Будем Вечно Обязаны молиться за Ваше Здоровье²⁰

Кто-то приводил рациональные экономические аргументы, как, например, Самуэль Хершум, мелкий торговец из Челмсфорда, уехавший в Лондон и, судя по всему, разорившийся до нищеты. Он указывал на то, что в свое время обладал собственностью и платил налоги на содержание бедных, в силу чего сейчас, оказавшись на дне, также имеет право на денежную помощь от прихода.

В соответствии с обещанием, — *пишет Хершум*, — я ожидал пару строк от вас чтобы вы дали мне Знать соблаговолят ли Джентльмены из Комиссии позволить мне маленькое недельное пособие, я очень твердо на этом стою, так как я платил слишком много в фонды для бедных для того, чтобы меня насильно поме-

19 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letter № 359.

20 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letters № 404, 418.

стили в Работный дом, из-за того, что мне откажут в мизерной сумме 1 шиллинг 6 пенсов в неделю²¹.

Таким образом, этот паупер считает и показывает, что *имеет право* на помощь от прихода, и, можно сказать, *требует положенное*. В таком подходе он не был одинок. Авторы ряда писем не просят, а требуют социальной помощи.

Некоторые требования вежливы:

Сара Арбон будет благодарна вам если пошлете деньги Джеймса Арбона (видимо, ребенка — Ю.Б.) так как время выходит и я буду Рада этому Сэр если вы Сможете послать быстро насколько это возможно²².

Некоторые содержат прямой упрек в адрес попечителей:

Сэр, вы обещали мне послать мне кусочек ткани, чтобы сделать моим Детям несколько рубашек... Но сэр, до сих пор Вы не исполнили обещание!²³

Ряд требований звучат довольно самоуверенно, как в письме Артура Тарбума, получавшего около 7,5 пенсов в неделю за незаконнорожденного сына его супруги Анны Гуд Артура Гуда. Тарбум был абсолютно уверен, что сумма должна быть большей:

пока я содержу его, я ожидаю платы за это, и если я не получу прибавки, я представлю его (пасынка) перед нашим Мэром, и тогда посмотрим, что можно будет сделать, и куда вы понуждаете меня содержать его, вы налагаете бремя на Человека, который едва способен содержать самого себя, у меня было соглашение с приходом о дотации в большую сумму, если возьму его (ребенка) — так что я имею право на это... И если приход не Заплатит мне я пойду в Суд, мне знающие люди посоветовали так сделать²⁴.

---

21 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letter № 110.

22 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letter № 98.

23 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letter № 322.

24 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letter № 171.

Здесь мы впервые сталкиваемся с прямой угрозой в адрес попечителей, и это также не единичное явление, встречающееся в письмах о помощи. В определенной части писем как просьбы, так и требования «усиливались» дополнительными условиями и аргументами по принципу «если поможете, то...» и «если откажете, то...».

В качестве основного позитивного последствия, которое наступит в случае положительного решения вопроса о помощи, фигурирует, в разных вариантах, фраза «*мы сможем выжить*» — будь то «мы сможем купить одежду» или «мы сможем позволить себе немного еды», или «мы сможем обогреться в холода», или даже, как в следующем примере, «я смогу зарабатывать на жизнь»:

смею надеяться, что если бы мне предоставили какую-то защиту, то я мог бы чинить или делать женскую обувь и таким образом пережить сезон²⁵.

Негативные последствия, которые наступят в случае, если в помощи будет отказано, — вынужденное возвращение домой или отсылка домой немощного родственника (что дополнительно обременит приход), неспособность продолжать вести домашнее хозяйство и даже, как в письме Тарбума, перспектива судебного разбирательства.

Возвращение домой — самый частый аргумент нехитрого «шантажа».

И вышлите мне пожалуйста 10 шиллингов в неделю ибо мы сильно в этом нуждаемся если вы не считаете нужным выслать их то Мы Приедем домой, — *пишет женщина*²⁶. Деньги положенные мне это 4 шиллинга. Несколько раз вы откладывали выплаты, и если не будете регулярно платить то я приеду домой и устрою себя в рабочий дом. И тогда вместо того, чтобы платить мне 8 шил-

25 Sokoll. 2000: 31.

26 *Essex Pauper Letters*. 2006: Letter № 506.

линггов в неделю, вам придется платить 4-5 шиллингов за каждого из нас, — *делится своими подсчетами многодетная мать*²⁷.

Угроза отдать обратно престарелого или немощного родственника, незаконнорожденного ребенка — на втором месте. Отец, с которым проживает его незамужняя дочь с ребенком, угрожает попечителям следующим образом:

если бы не я, то она и Ребенок голодали бы — и если не добавите содержание на него, то я отошлю их обратно. Но я Нихочу отправлять ее обратно к Вам, не написав сначала — может вы добавите ей 6 гиней в неделю и дадите несколько шиллингов на приобретение необходимых ей и Ребенку вещей?²⁸

Рэчел Шорэг, хоть и вежливо, но также обозначает дилемму «или поможете, или возвращение в приход неизбежно»:

И я была бы очень признательна вам если бы вы могли бы договориться с Джентльменами Прихода установить мне небольшое недельное пособие, или я окажусь перед необходимостью вернуться в графство и искать поддержку здесь²⁹.

Интересно, что одним из популярных аргументов является угроза «забросить домашнее хозяйство». «Если вы Джентльмены не поможете нам пожалуйста, — угрожает Сара Райвнелл, — мы должны будем Забросить домашнее хозяйство Ибо из Ничего Ничего и не выйдет!»³⁰ Вдова из Колчестера сетует:

Я не способна более оплачивать расходы – и намереваюсь покончить с Домашним Хозяйством, в связи с чем моя дочь Сара Бакстер – девочка возраста 15 лет полностью отчаиться иметь кого-то кто будет следить за ее поведением.

---

27 Sokoll. 2000: 40.

28 Essex Pauper Letters. 2006: Letter № 352.

29 Essex Pauper Letters. 2006: Letter № 397.

30 Sokoll. 2000: 40.

В этом письме любопытно также то, что мать указывает как крайне негативное последствие ту «плохую жизненную дорогу», по которой пойдет ее дочь после того, как она уедет в другое место на заработки, а девушка-подросток останется без присмотра.³¹

Угрожая попечителем перспективой суда, адресанты, как правило, приводили в пример прецеденты, когда «паупер из другого прихода *выиграл похожее дело* у приходских попечителей». Как правило, эти «примеры» они деталями не подкрепляли, воспроизводили их, судя по всему, по принципу сарафанного радио — «услышали от приятелей». Однако уверенности эти истории им, скорее всего, придавали, так как тон подобных писем, как правило, самоуверенный, а аргументы — осознанные, логичные.

В каком-то смысле аргументативной стратегией можно назвать регулярность и длительность обращений пауперов за помощью. Сохранились целые «серии» писем от одних авторов, которые регулярно, в течение нескольких лет, а иногда и десятилетий, обращались за «прибавкой» к пособию или разовыми выплатами. Так, Дэвид Райвнелл, как уже упоминалось, с 1819 по 1829 гг. написал в родной приход 34 письма. Джордж Уотсон, недовольный проживанием с ним дочери с незаконнорожденным ребенком, дважды в год писал жалобы в приход в Колчестере в течение семи лет.³²

Итак, обращения пауперов за социальной помощью интересны с нескольких точек зрения. Во-первых, это свидетельства «от первого лица», детально описывающие условия жизни трудящейся бедноты в тот исторический период, когда под влиянием промышленной революции начали сти-

31 Ibidem.

32 **Essex Pauper Letters**. 2006: Letters № 352, 359, 368, 372, 373, 376, 378.

раться границы между трудящимся человеком и нищим паупером, между «повседневной» бедностью и крайней нуждой. Сэр Фредерик Мортон Иден, автор фундаментального труда «Положение бедных» (1797), был одним из первых, кто дал дефиницию понятию «трудящаяся беднота», причислив к последней тех, «чей ежедневный труд является необходимым условием для ежедневного существования».³³ Содержание обращений за помощью косвенно подтверждает определение Идена и одновременно дает неоценимо богатую пищу для анализа мельчайших деталей быта тех, кто находился на грани выживания.

Во-вторых, письма пауперов представляют собой низший для того времени уровень письменной коммуникации и грамотности. Учитывая, что значительная часть английского общества в Новое время была неграмотна вообще, письменные обращения к приходским попечителям для низших слоев общества были, судя по всему, способом коммуникации с прослойкой грамотных людей. По мнению Соколлы, «Старое законодательство о бедных» не только обеспечивало действенные механизмы социального контроля, но и служило некоей институциональной площадкой, на которой трудящаяся беднота могла выражать свои нужды, торговаться, защищая свои интересы, высказывать требования, в определенной степени — вести «переговоры о выживании».³⁴

Наконец, уникальное, на наш взгляд, достоинство этой группы источников заключается в том, их *нельзя назвать текстами в чистом виде*. В прошениях пауперов очень много синтаксических, орфографических и пунктуационных ошибок: нетипичная или вообще отсутствующая пунктуа-

---

33 Барлова. 2009: 162–170.

34 Sokoll. 2000: 41.

ция, написание слов в «транскрипционной» манере («как слышится, так и пишется»), повторы фраз, чехарда заглавных и прописных букв и т.п. Полуграмотные люди писали, как говорили, передавая на бумаге то, что не передашь текстом, но передашь голосом — эмоции, разговорные речевые обороты, — и эта особенность превращает письма пауперов в уникальную смесь текстов и «голосов», вскрывающих многообразие мыслей, эмоций, аргументов беднейших слоев, имеющих, среди прочего, свою гендерную специфику. По меткому определению историка, «письма пауперов протоколируют слова бедных в их собственном письменном изложении», тогда как даже сборники судебных протоколов, в которых записаны слова бедняков — фигурантов судебных заседаний, — это «литературный секонд-хенд», составленный секретарями.³⁵ Обращения за социальной поддержкой дают редкую возможность взглянуть на беднейшие слои не только «статистически», но и «культурологически», проникнуть «внутри» этой социальной группы, услышать те *голоса бедности*, которыми говорили представители низших классов в далекую от нас историческую эпоху.

---

35 *Essex Pauper Letters*. 2006: vi; см. также: Tranter. 2008: P. 6–12.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Essex Pauper Letters. 2006 — Essex Pauper Letters. 1731–1837 / T. Sokoll. Oxford University Press, 2006.

Chronicling Poverty. 1997 — Chronicling Poverty: the voices and strategies of the English Poor, 1640-1840 / T. Hitchcock, P. King and P. Sharpe. London, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

Барлова. 2009 — Барлова Ю.Е. Система социальной помощи в Англии в XVII — первой половине XIX в. и конструирование нарративов о «старом законодательстве о бедных»//Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2009. №28. С. 297–318.

Барлова. 2009 — Барлова Ю.Е. Сэр Фредерик Мортон Иден и его труд «Положение бедных» (1797)// Вопросы истории. 2009. № 5. С. 162–170.

Feinstein. 1998 — Feinstein Ch. Pessimism Perpetuated // Journal of Economic History. 1998. Vol. 58. № 3. P 627–658.

Sokoll. 2000 — Sokoll T. Negotiating a Living: Essex pauper letters from London, 1800 - 1834 // International Review of Social History. 2000. № 45. P.19–46.

Taylor. 1976 — Taylor J.S. The Impact of Pauper Settlement, 1691–1834// Past and Present. 1976. № 74. P. 42–74.

Tranter. 2008 — Tranter K. English Pauper Letters: A Textual Analysis of Historical Sources. King's College London. Department of Education & Professional Studies. 2008.

Б.Л. Шапиро

ГРАНИЦЫ МАСКУЛИННОСТИ В РУССКОМ ВОЕННО–ПРИДВОРНОМ КОСТЮМЕ XVIII ВЕКА: СУКНО ПРОТИВ КРУЖЕВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурная антропология, русская культура, галантный век, мужской костюм, мундир, мода

АННОТАЦИЯ: в статье исследуется динамика трансформации гендерных границ в русской культуре XVIII столетия. Маркером, позволяющим уточнить контуры «новой маскулинности», сложившейся в условиях галантного века, избран костюм как часть его культурной истории. Сопоставляется русская придворная мода и ее версальский прототип; выявляются органичность усвоения заимствований и оригинальность интерпретации в контексте поставленной проблемы.

Историю русского придворного костюма XVIII столетия можно считать вопросом довольно неплохо изученным. Исследовательский интерес к нему имеет свою давнюю традицию. На настоящий момент историография вопроса представлена достаточно обширным списком, в котором с различной степенью глубины и охвата рассматриваются различные проблемы как общего, так и конкретно–прикладного эмпирического характера.

Анализ этого массива обнаруживает лауну, плохо заполненную вплоть до настоящего времени. Известно, что на современном этапе изучения костюм рассматривается не столько как совокупность элементов одежды, но как определенный код, система понятий, образов и связанных с ними моделей поведения, раскрывающих не только внешнюю, но и скрытую динамику развития культуры. Благодаря этому

Белла Львовна Шапиро, к.и.н., доцент кафедры музеологии, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), b.shapiro@mail.ru

подходу стало возможным относительно новый для отечественной науки социокультурный ракурс исследований, что позволяет рассматривать историю костюма в контексте культурной и гендерной антропологии.

Согласно теории Дж. Крейк, в те времена война не усиливала, а ослабляла маскулинность мужского европейского костюма. Если анализировать русский придворный костюм с этой точки зрения, становится очевидным, что влияние на него трансформации гендерных моделей, вызванной затяжными войнами (например, периода «Великих войн» Нового времени, от Тридцатилетней 1618–1648 гг. до Семилетней 1756–1763 гг.) изучено недостаточно. Исследователями рассматривались прежде всего важные стратегические вопросы этого периода (начальное формирование русского костюма по западноевропейскому типу, его синхронность или асинхронность относительно прототипа, развитие и дальнейшая дифференциация). Поэтому представляется необходимым еще одно обращение к его истории.

Обыкновенно всплеск гендерно–перевернутых образов и коннотаций, имеющих отношение к истории костюма, связывают с французской культурой времен правления Людовика XIV (1643–1715) и Людовика XV (1715–1774). В это время Франция была в авангарде моды, особенно мужской; желанным ориентиром для всей Европы стал версальский костюм.

В первый период господства версальских мод (1643–1660) из-за специфического покроя верхней одежды, максимально укороченной и зауженной, центром композиции мужского костюма стала рубашка, украшенная кружевными воротником и манжетами. В 1661–1685 гг. такие кружевные

рубашки стали дополняться изысканными галстуками или шейными платками¹.

Кружевная версальская мода была известна уже в допетровской Москве: так, царь Алексей Михайлович заказывал англичанину Ивану Гебдону, через которого в середине XVII в. в Россию поступали «королевские ... узорочные товары» на суммы в десятки тысяч рублей², купить «кружев, в каких ходят шпанской и французской король и цесарь»³.

Однако мода на изящную галантерею по французской моде здесь пока не получила массового подражателя, будучи ограничена только ближайшим окружением царя и двором. Отдельные предметы костюма обнаруживались у царей, сановного дворянства и придворных низкого ранга, чей костюм представлял причудливое смешение относительно самостоятельных и заимствованных элементов. Чаще всего европейская одежда употреблялась как ездовое (выездное, парадное) или неформальное платье⁴.

Но все же интерес к чужеземному платью был велик, и, по достижении «критической массы» его элементов в русском костюме последовал царский указ «О ношении платья и нестрижении волос по иноземскому обычаю... чтоб... тако ж и платья, кафтанов и шапок, с иноземских образцов не носили, и людям своим потому ж носить не велели» (август 1675 г.)⁵. Этот указ, разграничивший традиционную русскую и инокультурную одежду, относился к последним месяцам правления Алексея Михайловича.

---

1 Шапиро. 2017b: 121.

2 Гурлянд. 1903: 7, 48, 50.

3 Бакланова. 1928: 99.

4 Шапиро. 2017в. С. 133.

5 ПСЗРИ I. 1830: 1007–1008.

Его преемник царь Федор был приверженцем не традиционной, но польской одежды; неофициальным дополнением новой моды стало брадобритие и ношение париков⁶, что вполне укладывалось в общеевропейский контекст последней четверти XVII в. Эта программа по преобразованию внешнего облика, рассчитанная исключительно на узкий круг придворных, была довольно прогрессивной для России.

Пик великолепия мужского костюма версальского типа в европейской моде пришелся на 1685–1715 гг. Эскалация роскоши в это время достигла максимума; щегольство в мужском костюме приобрело характер мании.

В это время европейском мужском костюме все больше ценилась изысканность и утонченность. Основным потребителем модных новинок стал мужчина, о достоинстве которого «... судят по ширине... кружев на его белье, и уважение к нему возрастает в зависимости от их ценности, по ступеням — от понтиньяка до гонуэзских»⁷.

Современники отмечали версальские моды как «странную пору, когда мужчины внешне стремились походить на женщин»⁸. В это время цари и царедворцы — сановники, вельможи и военачальники — носили «длинные завитые волосы, посыпанные пудрой и надушенные духами, пряжки и на башмаках и коленях заменены для удобства шелковыми бантами. Шпага надевается как можно реже. На руки надевают перчатки, зубы не только чистят, но и белят, лицо румянят. Не желая ни в чем отставать от женщин... [модник] употребляет тонкое полотно и кружева, обвешивает себя часами, надевает на пальцы перстни, а карманы наполняет

---

6 Шамин. 2005: 35.

7 Градова. 1987: 130.

8 Маккензи. 2010: 14.

безделушками»⁹. Эти детали кардинально изменили облик «идеального» мужчины конца XVII — начала XVIII вв., вполне легитимно придавая ему феминный кукольно-неестественный вид¹⁰.

Подчеркнуто феминную природу кружево приобрело только на исходе XVIII столетия, в преддверии «Великого мужского отказа». В это время мужское белье, украшенное воздушными кружевами, перестало выступать главным акцентом всего костюмного ансамбля, чего нельзя сказать о женской моде.¹¹

Российский двор близко познакомился с версальской модой в последние годы XVII столетия, когда участникам Великого посольства были приготовлена специальная одежда, в том числе и «накладные волосы кавалерские», то есть парики¹². Широкую популярность она получила с 1700 г., как известно, сперва принудительно, по приказу Петра I, а затем из подражания: известно, что русская аристократия, несмотря на личное пристрастие монарха к голландской и немецкой культуре, ориентировалась именно на французский образец. Вопреки последовательно проводимой политике против роскоши, фактически Петр не препятствовал щегольству царедворцев: сам он открыто пренебрегал внешними атрибутами статуса, однако любил блестящее окружение «для славы и красоты государства»¹³. «Чтоб каждый такой наряд, экипаж и ливрею имел, как чин и характер его требует», — было сказано в петровской «Табели о рангах...»¹⁴.

---

9 Киреева. 1970: 110.

10 Шапиро. 2017b: 122.

11 Шапиро. 2018: 79.

12 Суслина. 2003: 158.

13 Михневич. 1889: 40.

14 ПСЗРИ VI. 1830: 493.

Значимость «чужевластья мод» для царедворца «испытал на себе Ф. Вебер, приехавший в 1714 г. в Петербург в качестве брауншвейгского резидента. Тотчас по приезде он получил приглашение на пир от адмирала Апраксина и явился туда в скромном платье без всяких украшений и знаков своего посольского достоинства.

Когда я, — *рассказывает Вебер*, — подошел к офицеру, стоявшему на страже у входа в залу, с просьбою пропустить меня, то он отказал мне в грубых выражениях и погрозил бердышем; когда же я сослался на мое право и на приглашение, то меня пренагло вытолкали вниз по лестнице. Злополучный резидент успел попасть в дом Апраксина только при посредстве одного из своих друзей-дипломатов, который при этом в виде наставления сказал ему, что он в своем простом хотя и опрятном кафтане может подвергнуться еще большим неприятностям и даже опасностям, если не прикажет обшить его по всем швам серебром или золотом¹⁵.

В новой государственной системе костюм стал определенным кодом, визуальным обозначением принадлежности его носителя к «большому свету» и указывающим на положение личности в социальной иерархии. Соответственно эстетике нового века, великолепие одежд многократно умножалось блеском золотосеребряного шитья и позументов, алмазных и золотых перстней, пуговиц и пряжек, изяществом кружевных манжет и галстуков.

В авангарде моды в петровское правление выступали Ф.Я. Лефорт, А.М. Черкасский (Илл. 1), Ф.М. Апраксин, братья Трубецкие и др. Целое состояние стоили роскошные парчовые костюмы коменданта Москвы и сибирского губернатора М.П. Гагарина, украшенные крупными алмазными и золотыми пуговицами и кружевами. Поражали воображение вещи, безусловно имеющие непосредственное отношение к фор-

---

15 Цит по: Михневич. 1889: 43.

мированию образа придворного галанта — кружевные про­стыни корабела-чиновника, «адмиралтейца» А.В. Кикина¹⁶.

Среди прочих особо выделялся А.Д. Меншиков (Илл. 2)— красавец в яркой и богатой одежде, бриллиантах и белом объемном парике «львиная грива». Талантливый управле­нец и полководец—универсал, знавший пехотное, кавалерий­ское, артиллерийское дело, совместно с Великим Петром со­здавший новую Российскую империю, он отдавал щедрую дань внешним проявлениям галантной культуры. Так, по описи 1728 г., светлейшему князю принадлежали 147 рубах без манжет и с кружевными манжетами, и около 50 кружев­ных галстуков, 55 пар кружевных и шёлковых чулок, 25 па­риков, парчовые домашняя одежда и туфли¹⁷, по менее из­вестной описи 1732 г. — еще и соболья муфта¹⁸.

Буквально утопал в пене кружев князь С.П. Долгоруков, в гардеробе которого в 1717 г. отмечены многочисленные кружевные домашние уборы, а также тонкие полотняные сорочки с кружевными манжетами и кружевные галстуки, в числе которых «один с кистями жемчужными»¹⁹. Согласно моде, жемчужные концы таких галстуков намеренно выпус­кали поверх камзола на всеобщее обозрение. Любовь к муж­скому красивому белью в это время перешла все разумные границы. По новой моде камзол даже военного мундира за­стегивался минимально, чтобы продемонстрировать изыс­канную рубашку из тонкого полотна; случалось, что и кам­зол, и кафтан носили нараспашку.

16 Тихонов. 2011: 86, 99–100.

17 Андреева. 2013: 261; Бердников. 2008: 140; Шапиро. 2017b: 123.

18 Жаркова. 2013. С. 173.

19 Роспись приданому. 1898: 7; Шапиро. 2016: 40.

Именно в петровское правление влияние мундира на стилистику партикулярного костюма максимально велико. Появляются первые форменные регламенты — описания образцовых вещей, правила ношения и пригонки обмундирования и амуниции. Мундир получает значение наиболее актуальной мужской одежды, эстетика которой наилучшим образом соответствует как военным регламентам, так и придворному этикету.

Придворный в мундире сочетал в себе две самые эффектные ипостаси столетия — галанта и воина. В результате главным потребителем товаров, которые прежде предназначались для усиления женской привлекательности — тонких тканей нежных и ярких оттенков, кружева, накладных волос и других специфических аксессуаров — становится придворный. Эта манера одеваться, смесь любви к изысканному с «обыденной реакцией на грубую реальность войны»²⁰, стала образцом для мужской моды XVIII столетия, времени, насыщенного «войнами в кружевах»²¹ как никакое другое. Говорили, что согласно этикету периода «Великих войн», обыденными были «кружевные перемирия» — с тем, чтобы воюющие стороны могли привести в порядок свой гардероб: «постирать свои кружевные воротники и манжеты, а потом просушить их, развесив на прикладах мушкетов»²².

Оформление нового типа придворного наблюдается уже при дворе Екатерины I. Характерная фигура этого времени — галант Екатерины В.И. Монс — брат фаворитки Петра I, «генеральс-адъютант от кавалерии», герой Северной войны (сражения при Лесной, Полтавская битва), который с два-

---

20 Крейк. 2007: 26.

21 Шапиро. 2017b: 126.

22 Буровик. 1985: 63.

дцати лет был на военной службе. Военные успехи не препятствовали карьере дамского галанта; Монс владел обширным изящным и весьма оригинальным гардеробом, уделяя много внимания своему внешнему виду и светским манерам.

[Этот] бело-розовый... женственно-красивый камергер... знаменовал собой появление в России нового культурно-исторического типа военного-придворного, — *отмечает исследователь русской куртуазной культуры XVIII столетия Л.И. Бердников*. — Его повышенный интерес к дамам, внимание к собственной внешности, изысканные манеры и куртуазное поведение... станут характерными чертами шеголя-петиметра, укоренившегося у нас к середине XVIII века²³.

В этом контексте весьма красноречиво описание имущества В.И. Монса. Согласно описи 1723–1724 гг., ему принадлежали самые разнообразные, но всякий раз изысканные камзолы и кафтаны (штучные, то есть отдельные, а также, пары «кафтан+камзол» и полные комплекты, включающие штаны), в том числе «кафтан кофейный галанской фондишпании»²⁴. «Фондишпании», или «подишпаны» (*Point d'Espagne*) — особый вид кружева из пряденых золотых или серебряных нитей, которые скреплялись между собой тонкими сцепками. Основным его отличием был весьма специфический узор — непрерывный растительный, довольно плотный, выдержанный в иррациональной стилистике барокко. Это очень необычное, эффектное кружево, которое весьма высоко ценилось и в Западной Европе (его большим поклонником, например, был Людовик XIV), и в России²⁵.

Интересно внимание, которое уделял Монс той традиционно мужской сфере деятельности, где дорогие породистые

23 Бердников. 2008: 106–107.

24 Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса. 1994: 369.

25 Шапиро. 2017а: 80.

кони и их драгоценное убранство выступали как атрибуты власти, а умение управляться с ними ассоциировалось с молодецкой удалью. Судя по описи его имущества, одежда этого «бело-розового херувима»²⁶ в лучших традициях русской всаднической субкультуры составляла комплект с конским убранством, подчеркивая единство всадника и его коня.

Так, составляют идеальную пару «кафтан красный насыпной, камзол и на кафтане обшлага штофные серебряные по зеленой земле» и «чепрак и чушки красные с серебряным позументом и с кистями»; текстильное конское убранство, расшитое серебром, дополнялось серебряными же снастями «мундштук да уздечка с набором серебряным... цепочка серебряная под персидский мундштук»²⁷.

Кроме того, в гардеробе В.И. Монса отмечены:

— гарусные и шелковые чулки разных цветов (2 дюжины), преимущественно красные (6 пар) и пунцовые (8 пар), украшенные серебряной и золотой расшивкой и отдельные нашивки, приготовленные для отделки таких чулок;

— золотые и серебряные пряжки и подвязки с такими пряжками для чулок;

— белые волосы для париков;

— несколько десятков алмазных (50 шт.) и золотых (4 портища) пуговиц;

— шелковые рубашки и кружевные манжеты к ним;

— кружево, предназначенное для отделки шляп²⁸.

За ним также числились туфли с изображением Христа, жемчуга, синий и фиалковый парики²⁹. Идеи Монса относи-

26 Бердников. 2008: 107

27 Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса. 1994: 368–370.

28 Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса. 1994: 368–373.

29 Бердников. 2008: 106.

тельно актуальных направлений в мужской придворной моде были поддержаны другими фаворитами императрицы — П.И. Сапегой и А.М. Девиером³⁰.

В правление Петра II вектор развития моды оставался прежним. Тон в светском обществе задавал император, который сам имел сильную склонность к франтовству: в его гардеробе находились многочисленные парчовые и бархатные расшитые золотом кафтаны, роскошная домашняя одежда, шелковые чулки с золотыми и серебряными стрелками и неизменный *Point d'Espagne*³¹. «Визитной карточкой» Петра II (Илл. 3) называли «французские» обшлага³². Другим его «достижением» можно считать введение моды на косы и пудру, которая определила направление развития мужской кюафюры вплоть до конца столетия.

При Анне Иоанновне придворная мода приняла несколько новый вид: теперь щегольство насаждалось сверху, принимая чудовищные формы. Так, например, известно настойчивое желание императрицы видеть своих придворных всякий раз в новом платье³³. Именно в это время понятие моды оформилось как феномен русской культуры, зафиксированный в словаре Эренрейха Вейсмана 1731 г.³⁴.

Известными модниками аннинского Двора считались Э.И. Бирон, Б.К. Миних и Р.Г. Левенвольде; последний «наставлял на том, что одежда мужчины должна быть обшита чистым золотом», к ней присовокуплялась шляпа с золотым кружевом, едва покрывавшая высокий напудренный тупей и

---

30 Бердников. 2008: 134.

31 Опись. 2017: 280–284.

32 Егоров. 2014: 12.

33 Павленко. 2002: 130.

34 Бердников. 2008: 184.

башмаки на высоких красных каблуках³⁵. Другую точку зрения на мужскую моду представлял Бирон, согласно которому костюм вельможи непременно должен быть выполнен в нежных пастельных тонах; сам он «5 или 6 лет сряду ходил в испещренных женских штофах»³⁶. Но именно Левенвольде пользовался репутацией законодателя мод; остальные пытались подражать первым щеголям, присоединяясь к той или иной позиции.

Среди эпигонов Левенвольде прежде всего нужно назвать сына полководца П.Б. Шереметева (Илл. 4), чья одежды, по словам современников, «наносили ему тягость от золота и серебра, и ослепляли блистанием очи»³⁷. Роскошью платья неизменно выделялся клан Долгоруких: Василий Лукич, который, по описи 1730 г., имел в своем гардеробе не только множество золотого «княжего платья» и сорочки с кружевными манжетами, но и полностью кружевные сорочки и галстук с бисерными кистями, а также 178 аршин кружева из «гардеробного запаса», и Юрий Владимирович с его кружевными простынями, шелковыми чулками, расшитыми золотыми и серебряными стрелками, парчовыми кафтанами и дюжиной «галздруков»³⁸. Стоит отметить, что галстуки были в центре новой моды. Так, среди галантереи сановника А.П. Волынского (Илл. 5), обнаруживается 70 галстуков, в том числе «галстук низаной в 3 нитки персидским мелким жемчугом». Также в его гардеробе отмечены 34 пары шелковых чулок, 25 пар лайковых перчаток и 14 рубах голландского полотна с кружевными манжетами³⁹.

---

35 Бердников. 2008: 185.

36 Миних. 1991: 165.

37 Цит по: Михневич. 1889: 44.

38 Тихонов. 2011: 118, 124, 183.

39 Тихонов. 2011: 197, 200.

Придворный мужской костюм этого времени по своей роскоши мог соперничать с женским и зачастую даже превосходил его. В неустанной заботе о своей внешности щеголи обратились к активному использованию косметических средств — парфюма, пудры, румян и помады. В качестве примера убежденного поклонника косметики прежде всего может быть назван фаворит Анны Леопольдовны польско-саксонский посланник граф М.–К. Линар:

высокого роста, хорошо сложен, рыжевато-белокурый, с нежным, как у женщины, цветом лица... Он так ухаживал за своей кожей, что каждый день перед сном покрывал лицо и руки помадой и спал в перчатках и маске... носил одежду самых светлых цветов — небесно-голубого, абрикосового, лилового, телесного⁴⁰.

Таким образом, к началу правления «прекрасной Елисавет» общество уже было подготовлено к появлению особого типа придворного щеголя — елизаветинского петиметра, принадлежащего к особому типу франкофонной культуры. Основным мотивом в ней было желание нравиться, что достигалось прежде всего безусловным следованием моде. Для этих «пленников моды» пудра, румяна, шелковые чулки и кружева означали много больше, чем предметы роскоши, составляя смысл жизни. Современники отмечали, что петиметр «сидит перед зеркалом несколько часов, подобно женщинам, белится, румянится и налепливает мушки»⁴¹. Он занимается этим с одинаковым, если не с большим энтузиазмом, чем женщина. Так в середине столетия упомянутые выше «тонкие ткани нежных и ярких оттенков, кружева, накладные волосы и другие специфические аксессуары» приобрели значение гендерно-усредненных «условно жен-

40 Балязин. 1999: 207–208.

41 Бордэриу. 2016: 205.

ских», а сам петиметр, наделенный феминными чертами, назывался не иначе как «мужчина–женщина»⁴².

В погоне за модой уровень потребления предметов роскоши с самого начала правления Елизаветы Петровны уравнивается с версальским или даже превосходит его; следствием стал Указ против роскоши от 11 декабря 1742 г., текст которого гласил: «так отныне никому богатых платьев отнюдь никому не делать... а носить платье суконное»⁴³. Отдельного упоминания удостоилось кружево как самый аттрактивный декор елизаветинской моды.

...Отныне и кружева кроме пяти классов отнюдь никому не носить, а тем пяти классам кружева носить не свыше трех пальцев, а со старыми кружевными уборами поступать по вышеописанному, как и о платье повелено (т.е. сдавать генерал-полицмейстеру для клеймения — *Б.Ш.*). А понеже на кружева сургучных печатей класть нельзя, и для того, дабы под видом старого новое кружево употребляемо не было, вместо сургучевых печатей класть черные печати таких чернил, чтобы оные вымыться не могли⁴⁴.

Однако фактически этого указ не касался приближенных императрицы, и двор продолжал утопать в роскоши. Там во времена «веселой императрицы» действовали другие законы — законы изящества, роскоши и великолепия, поскольку «щеголяя сама, императрица Елизавета любила видеть и свой двор роскошно одетым»⁴⁵. Тон при дворе задавали петиметры Н.А. Бекетов, один из богатейших людей страны К.Г. Разумовский (младший брат галанта «прекрасной Елисавет» А.Г. Разумовского) и, немного позднее, фаворит императрицы И.И. Шувалов. В кружевных нарядах красовал-

---

42 **Бордэриу.** 2016: 199.

43 **Лехович.** 2013: 173.

44 Там же.

45 **Трефолев.** 1882: 219.

ся «веселый щеголь»⁴⁶ лейб–кирасир князь К.И. Дашков, получивший изысканные наряды в приданое за дочерью графа Р.И. Воронцова Екатериной. Частью богатого приданого были две дюжины голландских мужских сорочек стоимостью в 200 р., и шесть пар мужских кружевных манжет к ним на такую же сумму⁴⁷. Известная уже манера ношения кафтана и камзола нараспашку дополняется «оципанностью их покровев»⁴⁸, которая позволяет продемонстрировать тонкое ажурное белье.

Предпочтения представителей двора распространялись и на их окружение. Так, обмундирование гренадеров Лейб-компании — телохранителей императрицы — согласно регламенту, состояло из зелено–красных кафтанов, украшенных золотым галуном и эполетами, красных штанов и камзола с таким же галуном, штиблет, красной шапки с перьями, «манжет и галстуха белых, кисейных, с кружевами»⁴⁹.

Итак, прочное положение изящной (в прежние времена дамской) галантереи в военно–придворном костюме галантного века признавалось даже мундирными регламентами, что, безусловно, свидетельствует о трансформации границ гендера, если не о намеренном их стирании.

Этот период истории может быть проиллюстрирован работой придворного живописца Г.К. Преннера «Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны со свитой» (Илл. 6), где изображены вельможи в мундирах, женщины же — в рыцарских латах; все персонажи, включая женщин, вооружены шпагами. Стоит отметить, что латы здесь присут-

46 **Знаменитые россияне.** 1996: 27.

47 **Роспись приданому.** 1881: 381-382; **Шапиро.** 2016: 40.

48 **Михневич.** 1889: 39.

49 **Пушкарев.** 1844: 215.

ствуют не в качестве реальной одежды, но как традиционный элемент парадного портрета столетия. Несомненно, смена концепции нормативной маскулинности сопровождалась изменениями не только во внешней атрибутике, но и во внутренних ощущениях ее границ.

Очередное изменение в мундирной идеологии наблюдалось в недолгое царствование Петра III. Вот что пишет ведущий исследователь русской униформы «осмнадцатого столетия» В.И. Егоров:

...равняясь по новейшей европейской моде... мундир следовало укоротить, обузть и придать ему декоративности, в первую очередь за счет расцветки. Монотонная гамма армейского обмундирования вдруг преобразилась до неузнаваемости. Пехотный кафтан из темного стал светло-зеленым, кавалерийский — из темно-синего белым. Красные камзолы сменились белыми, палевыми, лимонно-желтыми и померанцевыми... Весна 1762 г. буквально расцвела яркой палитрой красок⁵⁰, [ранее немислимой для военного мундира].

Начало правления Екатерины II было отмечено следованием ценностям предыдущего правления, однако постепенно ценность приобретают новые идеалы красоты. Они определяются комфортом и удобством, которые предлагала английская мода и которые были более привычны для традиционной маскулинности. Однако оглядка на версальскую моду еще не забыта: так, в качестве приверженца изящно-изошренной моды выступал «бриллиантовый князь» сановник А.Б. Куракин, который одевался по книге

вроде альбома, где находились образчики материй, из которых были сшиты его великолепные костюмы, и образцы платья; при каждом платье были особенная шпага, пряжки, перстень, табакерка⁵¹.

---

50 Егоров. 2014: 18.

51 Вайнштейн. 2005: 14.

Последние отголоски гендерно-перевернутой моды наблюдаются в 1780–1790-х гг., сходя на нет к концу столетия. Так, когда «... в 1795 году командир Козловского пехотного полка Иван Бибиков дал своему полку узкие шаровары, полусапожки со шнурками, короткие куртки, вышитые жабо и галстуки с черно-белыми бантами», это воспринималось с иронией и рассматривалось не иначе, как сумасбродство, карикатура⁵².

С началом правления Павла I, «гонителя на всякую роскошь, [который] отменно любил простоту»⁵³, его личные пристрастия стали причиной того, что в одночасье «роскошный, пышный двор преобразился в огромную кордегардию... тотчас все приняло другой вид: загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди»⁵⁴. В это время петиметры окончательно ушли в прошлое, выступая исключительно как объект сатиры⁵⁵. Основой мужского костюма стала английская модель с ее тяготением к упрощению и минимализму; они выражались прежде всего сдержанностью в цветовом и декорационном решении. Преимущество окончательно было отдано практичному сукну темных и неярких тонов, зачастую, серому во всем его многообразии.

Проведенный анализ позволил сделать некоторые выводы о специфике развития русского костюма как о культурной проблеме. Версальская мода подготовила особое понимание гендерных границ в культуре XVIII столетия. Затяжные войны привели к закономерной реакции, которая в

---

52 Панчулидзеv. 1901: 212–213.

53 Бердников. 2008: 329.

54 Панчулидзеv. 1901: 96.

55 Вайнштейн. 2005: 487.

мужском придворно–военном костюме проявилась в явном предпочтении условно женских элементов костюма — ярких тонких материй, ажурных отделок, легкомысленных аксессуаров, парфюмерии и грима. Оформление соответствовавшей этому маскулинности нового типа происходит во второй трети столетия. В это время остромодные «гендерно-перевернутые» элементы костюма приобретают особую роль визуального кода, указывающего на его статус их носителя в придворной иерархии.

Список источников и литературы

Андреева. 2013 — Андреева Е.А. Петербургская резиденция А.Д. Меншикова в первой трети XVIII в.: Описания палат, хором и сада: Исследование и документы. СПб.: Историческая иллюстрация, 2013.

Бакланова. 1928 — Бакланова Н.А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. Труды Государственного исторического музея. Вып. 4. Отдел исторический общий. М.: Нижполиграф, 1928. С. 5–118.

Балязин. 1999 — Балязин В.Н. Самодержцы: любовные истории царского дома. Кн. 1. М.: Олма-пресс, 1999.

Бердников. 2008 — Бердников Л.И. Щеголи и вертопрахи: герои русского галантного века. М.: Луч, 2008. 384 с.

Бордэриу. 2016 — Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Буровик. 1985 — Буровик К.А. Родословная вещей. М.: Знание, 1985. 224 с.

Вайнштейн. 2005 — Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса. 1994 — Гардероб и некоторые вещи Виллима Монса в 1723–1724 гг. // Семейский М.И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс. 1692–1724 / общ. ред. В.А. Артамонова. М.: Пресса, 1994. С. 368–373.

Градова. 1987 — Градова К.В. Театральный костюм. Кн. 2. Мужской костюм. М.: Союз театральных деятелей РСФСР, 1987. 192 с.

Гурлянд. 1903 — Гурлянд И.Я. Иван Гебдон, комиссариус и резидент. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1903.

Егоров. 2014 — Егоров В.И. «Наш восемнадцатый век...» // Наш восемнадцатый век: Военный сборник / гл. ред. В.И. Егоров. М.: Арт-Волхонка, 2014. С. 8–93.

Жаркова. 2013 — Жаркова Н.Ю. Имущество А.Д. Меншикова по неизвестной описи 1732 года // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 70. Петровское время в лицах –2013: К 400-летию Дома Романовых (1613–2013) / ред. В.В. Мещеряков, И.В. Саверкина. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. С. 162–173.

Знаменитые россияне. 1996 — Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: биографии и портреты: по изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» / сост. Е.Ф. Петинова; ред. Э.Ф. Кузнецова; пер.: А.Л. Ракова, В.А. Фатеев. СПб.: Лениздат, 1996.

Киреева. 1970 — Киреева Е.В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. М.: Просвещение, 1970.

Крейк. 2007 — Крейк Дж. Краткая история униформы (Форма напояз: от традиционализма к вызову) / пер. с англ. И. Красильщика. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Лехович. 2013 — Лехович Т.Н. «О ношении никому богатых платьев...»: что стоит за указами Елизаветы Петровны против роскоши? // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXVII. М.В. Ломоносов и Елизаветинское время. Материалы конференции 23–25 ноября 2011 г. в Государственном Эрмитаже / науч. ред. Н.Ю. Гусева. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013. С. 169–180.

Маккензи. 2010 — Маккензи М. Мода / пер. с англ. М. Копецкой-Линчевской. М.: Кладезь-букс, 2010. 158 с.

Миних. 1991 — Миних Э. Записки // Безвремяе и временщики. Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720–е — 1760–е годы) / подг. текста и комм. Е. Анисимова. Л.: Худ. лит., 1991. С. 82–187.

Михневич. 1889 — Михневич В.О. Век эпикурейства. Черты нравов в России XVIII века // Наблюдатель. 1889. № 11. С. 38–54.

Опись. 2017 — Опись о гардеробе Его Императорского величества Петра Второго, платье и прочее // Павленко Н.И. Петр II. М.: Проспект, 2017. С. 280–284.

Павленко. 2002 — Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М.: Аст–Пресс–Книга, 2002.

Панчулидзев. 1901 — Панчулидзев С.А. История кавалергардов. 1724–1799–1899: в 4 т. Т. 2. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1901. 298 с.

ПСЗРИ I. 1830 — Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое. Т. I: 1649–1675. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.

ПСЗРИ VI. 1830 — Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое. Т. VI: 1720–1722. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830.

Пушкарев. 1844 — Пушкарев И.И. История Императорской российской гвардии. Ч. 1. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1844. 379 с.

Роспись приданому. 1881 — Роспись приданому для Екатерины Романовны [Дашковой, урожденной графини Воронцовой] // Архив князя Воронцова. Кн. 21. М.: Унив. тип., 1881. С. 379–382.

Роспись приданому. 1898 — Роспись приданому 1717 г. // Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Ч 4. М.: Тип. А. Мамонтова, 1898. С. 5–13.

Суслина. 2003 — Суслина Е.Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М.: Мол. гвардия, 2003.

Тихонов. 2011 — Тихонов Ю.А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.) / ред. А.Д. Власов. М.: Кучково поле, 2011.

Трефолев. 1882 — Трефолев Л.Н. Елизавета как щеголиха // Исторический вестник. 1882. № 9. С. 218–219.

Шамин. 2005 — Шамин С.М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23–38.

Шапиро. 2016 — Шапиро Б.Л. Кружевные вещи в дворянском мужском костюме XVIII в. по материалам стговорных записей и росписей приданого // «История кружева — история страны»: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Москва, 3 ноября 2016 г. / сост. Рычкова Е.А. М.: Интерпринт, 2016. С. 38–44.

Шапиро. 2017a — Шапиро Б.Л. Всадники в кружевах: золото-серебряная отделка в мундирных и амуничных вещах XVIII в. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 2(75). С. 79–82.

Шапиро. 2017b — Шапиро Б.Л. Нарративная история придворной культуры XVII–XVIII вв. // Ценности и смыслы. 2017. №3. С. 120–128.

Шапиро. 2017c — Шапиро Б.Л. Русский костюм: между царством и империей // История: факты и символы. 2017. №12(3). С. 132–139.

Шапиро. 2018 — Шапиро Б. Л. История кружева как культурный текст. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 272 с.

Иллюстрации

Илл. 1. Аргунов И. П. портрет Черкасского Алексея Михайловича

Илл. 2. Неизвестный художник. Портрет А.Д. Меншикова.
1716–1720 гг. Меншиковский дворец

Илл. 3. Неизвестный художник. Портрет Петра II
Курская государственная картинная галерея

Илл. 4. Аргунов И.П. Портрет П.Б. Шереметева. 1760, Останкино

Илл. 5. Хойзер Г. Портрет неизвестного с камергерским ключом, традиционно принимаемый за Артемия Вольнского. Между 1743 и 1748 гг.

Илл. 6. Преннер Г.К. Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны со свитой.1750–1755, Русский музей, СПб.

Баудовиния

ЖИТИЕ СВЯТОЙ РАДЕГУНДЫ*

15. Высокородный человек, по имени Леон¹ (*Leo*), был вызван на совет синодального собрания² апостольскими мужами епископами Леонтием³ и Евсевием⁴; и пока он был в пути, его глаза были окутаны тьмой и покрыты сгустками крови; [и] если бы его в пути не поддерживали слуги, он бы совсем не видел дороги. И когда он прибыл в монастырь святой женщины, в котором она вместе со своими дочерьми

-
- * Перевод выполнен Н.Ю. Бикеевой по изданию: **Baudonivia**. 1888. Продолжение. Начало см.: Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2017. Вып. 25. С. 306–328.
- 1 Григорий Турский (**Григорий Турский**. 1987: IV. 16) упоминает о некоем Леоне из Пуатье, «яростном подстрекателе на дурные дела короля Храма (король франков, правил в 555–560 гг., сын Хлотаря I и Хунзины — прим. Н.Б.). По словам Григория Турского, этот Леон отличался ненасытной жадностью и свирепостью, в результате его разбил паралич и он скоропостижно скончался. Перед этим, упоминает автор «Истории франков», «несчастный Леон приходил в Тур в базилику св. Мартина, молился, приносил дары, но... чудотворная сила святого отвернулась от него». Если Баудонивия пишет об этом человеке, то его история была не столь трагична.
  - 2 Точно не известно, но возможно речь идет о местном Совете в Сенте (*Saintes*), созванном после смерти Хлотаря, (см. **Григорий Турский**. 1987: IV. 26). Это может быть связано с написанием письма епископам (там же, IX. 42), или их ответом на него (IX. 39).
  - 3 Венанций Фортунат и Григорий Турский упоминают в своих трудах, о Леонтии, епископе Бордо с 542 по 564 гг. В VI веке значительную роль в развитии архиепархии Бордо сыграл некий епископ Леонтий II, построивший в епархии множество храмов.
  - 4 Возможно, речь идет о епископе Евсевии из Сента (553–555 гг.).

посвятила себя служению Господу, он вошел в ораторий, посвященный Деве Марии⁵. После молитвы он, преисполненный веры, упал ниц поверх власяницы святой, стойко воззав к ней; и лежал он там до тех пор, пока боль не ушла, тьма не отступила, а засохшая кровь не разошлась по венам; и с ясными глазами, тот, который пришел, поддерживаемый под руки другими, ушел здоровым. [Уходя] он бросил взгляд на власяницу святой; счастливый и невредимый, [затем] он прибыл в Синод как раз к его началу. Все собрание позже услышало об этом от него самого, и, возвращаясь оттуда, он поведал это нам собственными устами. Именно эта преданность ей заставила его заложить фундамент базилики св. Радегунды, а затем он дал 100 солидов на строительство самого здания. Кто может подсчитать, к скольким больным, воззавшим к ней, вернулось здоровье? И сколько из тех, кто ее когда-либо увидел, могли поверить, что она земное существо? Перед Господом небесным я честно и правдиво говорю, что всегда перед глазами каждого было ее лицо, в котором воссиял дух, и таким образом то, что снаружи казалось необычным, отражало то, что происходило [у нее] внутри⁶.

- 5 Ораторий, посвященный Деве Марии, о котором идёт речь, вероятно является церковью св. Марии, которую Радегунда построила вне стен для своего погребения. Позднее она была переименована в церковь св. Радегунды.
- 6 Ср. с текстом Жития св. Цезария: «Тогда кто поверил, что он был земным человеком в той процессии? Господь, Господин неба, я говорю уверенно и правдиво... кто бы ни видел его в процессии в тот день, он для всех казался непривычным, как будто никогда до этого они его не видели. Его облик и душа сияли, потому что на самом деле его жизнь так прирастала бесконечными успехами, что он всегда становился лучше себя прежнего. Так заслуженно снаружи показалось то, что он нес внутри себя». (Житие св. Цезария, II: 35).

16. Собрав мощи святых, она пожелала, если бы это было возможно, чтобы сам Господь оставил свой престол славы⁷, чтобы прийти и жить здесь [т.е в Пуатье] на виду у всех.

Хотя человеческие (*carnalis*) глаза не видят его, духовный разум, [благодаря] усердной и неутомимой молитве, созерцает его. А Бог не лишает благодати тех, кто пребывает в невинности⁸, и кто ищет его всем сердцем, духом и разумом⁹, как эта благословенная женщина; божественное милосердие явило себя и свою доброту той, в чьем сердце он пребывал и день и ночь, [и подумала она], что могла бы сделать то же, что совершила благословенная Елена¹⁰, [и] вдохновленная мудростью, полная благоговения пред Господом, и славная добрыми делами¹¹, она во славу нашу занялась поисками животворящего древа, на котором ради всеобщего спасения в качестве выкупа [тело Христово] было подвешено, чтобы вырвать нас из власти Дьявола; и когда она нашла его, она рукоплескала ему, и, опустившись на

7 Мф 19, 28 («сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей») и 25, 31 («Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей...»).

8 Ср.: Пс 83.13 *Блажен человек, уповающий на Тебя!*

9 Ср.: Лк 10, 27: «Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя.» Мф 22, 37: «Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим».

10 Св. Елена (250–330) — мать императора Константина I. Она известна своей деятельностью по распространению христианства. Христианские авторы приписывают ей обретение в ходе раскопок в Иерусалиме важнейших христианских реликвий — Гроба Господня, Животворящего Креста и других реликвий Страстей Христовых. Св. Елена считалась образцом для раннесредневековых королей (См.: **McNamara**. 1996).

11 2 Кор 7, 1; Еф 2, 10 (Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять.); 1 Тим 6, 18 (чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами); 1 Пет 2, 12 (увидя добрые дела ваши).

колени, обратилась к Господу, когда уверилась, что это был действительно крест Господень, который воскрешал мертвых к жизни, и молвила: «Воистину ты Христос, Сын Божий, который пришел в мир¹² и спас пленников, которых сотворил, своей драгоценной кровью». То, что другая [т.е. св. Елена] свершила на востоке, благословенная Радегунда сделала для Галлии.

И поскольку она, пока жила в миру, не желала ничего делать без обсуждения, она направила письма к славнейшему государю страны Сигеберту, с просьбой разрешить ей ради благополучия всего Отечества и стабильности королевства обратиться к императору за частицей древа Креста Господня¹³. И тот со всей любезностью поддержал прошение святой королевы. И она, полная преданности и воспламенная духом, не посылала [напрямую] подарки императору, поскольку явила себя нищей пред Господом; но непрерывно молясь и при поддержке святых, к которым беспрестанно зывала, отправила своих послов.

И то, о чем она просила, она получила, и благословенная частица древа Господня [в реликварии], украшенном золотом и драгоценными камнями и с множеством других реликвий святых, которые находились на Востоке, оказались в месте пребывания [св. Радегунды] во славу её. В ответ на просьбу святой женщины, император также отправил гонцов с Евангелием, украшенным золотом и драгоценными камнями.

---

12 Ср.: Ин 11, 27: «Она говорит Ему: так, Господи! Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир».

13 Речь идёт о византийском императоре Юстине II, посольство Радегунды датируется 568–569 гг. (См. об этом: **Бикеева**. 2016).

После того, как древо, на котором состоялось спасение мира¹⁴, прибыло в город Пуатье в окружении святых реликвий, местный епископ¹⁵ со всем народом должен был со всей преданностью встретить его, однако враг рода человеческого действовал через своих помощников, чтобы они ту искупительную реликвию [букв. «выкуп мира» — *precium mundi*] отвергли, и не пожелали принять её в городе, так что блаженная Радегунда подверглась терзаниям, [когда они] один за другим действовали по иудейскому обычаю, а не по нашему. Но они сами увидели; Господь знает, кто принадлежит ему [всем сердцем]. И она, с пылким духом и упорством души, вновь написала славнейшему королю, что [враги] не желают принять в городе [со всеми подобающими почестями] спасительную реликвию.

Между тем пока гонцы ее не вернулись от правителя, в городе Тур в основанном ею мужском монастыре и для своего спасения, с пением псалмов священниками, вверила она Крест Господень, так же, как и мощи святых. Не меньше вреда претерпел от этой злобы Святой Крест, чем Господь, который через верного гонца был вызван и вновь призван перед охраной и судьями, и терпеливо переносил всё зло, так, чтобы то, что он сотворил, не погибло. Каким испытаниям [она] подвергнуть себя смогла, строгим постам, ночным бдениям в обилии слёз, со всей её конгрегацией она пребывала в скорби и печали все дни, пока Господь не увидел смирение своей рабы¹⁶ и поместил это [ви-

14 Ср.: «Пронзили тело гвоздями, / Прибили к древу крестному. / Спасенья ради нашего / Здесь Жертва закаляется!» (**Венанций Фортунат**. 1998: 369).

15 Пуатевенский епископ Маровей (ок. 570–ок. 594). О взаимоотношениях Маровей, епископа Пуатье, и Радегунды см.: **Григорий Турский**. 1987: IX. 39–41.

16 Лк. 1, 48: «...призрел Он на смирение Рабы Своей...».

дение] в сердце короля¹⁷, [указав ему] что он должен вершить суд и справедливость среди людей. Вот так король, всецело преданный, через своего верного человека сиятельного посланника Юстина передал апостольскому мужу Евфронию, епископу города Тур, что тот должен со всеми почестями поместить прославленный Крест Господа и святые реликвии в монастырь госпожи Радегунды, что и было сделано.

Ликуя и радуясь, блаженная со всей своей паствой сама приняла этот благой дар небес¹⁸ и дарованный её пастве, собранной ею для служения Господу, чувствуя в душе, что после ухода в мир иной они мало смогут получить. Хотя она пребывала во славе с небесным правителем, она всегда могла с небес помогать им, как наилучший податель (*provisatrix optima*) небесного дара, эта славная правительница (*gubernatrix bona*), никогда не оставляла своих овец, [и она завещала] выкуп мира, [состоящий] из символа Христа, который она отыскала в далёкой стране, в честь своего места пребывания и спасения людей в своём монастыре¹⁹. Там, с Божьей помощью, силой небес слепые глаза увидели свет, уши глухих открылись, языки немых вернулись к своим обязанностям, хромые стали двигаться²⁰, и демоны были обра-

17 1 Цар10, 9: «Как скоро Саул обратился, чтоб идти от Самуила, Бог дал ему иное сердце, и сбылись все те знамения в тот же день».

18 Иак1, 17: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше...»

19 19 ноября 569 г Евфроний, епископ г. Тур, прибыл в Пуатье и совершил «ритуал перенесения реликвий в монастырь с громким пением псалмов, с зажженными свечами и при воскурении ладана» (**Григорий Турский**. 1987: IX. 40). С тех пор монастырь, основанный Радегундой, стал носить имя св. Креста.

20 Мф 11, 5 «слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют..»; Лк 7, 22

щены в бегство. Что ещё? Кто бы ни пришёл с верой, будучи охваченный любым недугом, силой святого Креста ему возвращалось здоровье. Кто мог бы рассказать о величии и богатстве дара благословенной женщины этому городу? Ибо все, живущие верой, благословляют её имя. Поистине самым выдающимся правителям-королям и светлейшей госпоже королеве Брунгильде, которых она любила всем сердцем, и священным церквям, и их епископам, призвав Бога в свидетели, она вверила свой монастырь.

17. Получив этот небесный дар²¹, благословенная женщина отправила своих посланников, упомянутого выше пресвитера с другими, к императору с простой одеждой (*vestmentum*) [в подарок], чтобы поблагодарить его. Когда они возвращались, на море поднялись волны, и много опасностей они испытали, а именно сильные бури и ветры, каких раньше, по их признанию, они никогда не видели. Сорок дней и сорок ночей²² среди моря их корабль находился в опасности. И тогда, не питая надежды на спасение, перед лицом смерти, примирившись между собой, ибо море вот-вот поглотит их, видя себя в столь великой опасности, воззвали они к небу, крича и восклицая: «Госпожа Радегунда, спаси рабов своих, пока мы повинuemся тебе, пока нас не поглотили волны; освободи нас от смертельной опасности, ведь море уже готово поглотить нас, пока мы еще живы. Всякий раз, когда с верой обращались к тебе, ты была милосердной. По-

---

«слепые прозревают, хромы ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют...»

21 Ср.: «и вкусивших дара небесного» (Евр 6, 4).

22 Ср.: «постившись сорок дней и сорок ночей» (Мф 4, 2); «И был Он там в пустыне сорок дней» (Мк 1, 13).

милуй нас и помоги нам, не дай погибнуть»²³. На эти голоса посреди моря прилетел голубь, который трижды облетел их корабль; [и когда он] облетал третий раз во имя Троицы, которую блаженная женщина всегда почитала всем сердцем, слуга благословенной королевы по имени Банисий (*Banisaius*) протянул руку и вырвал три пера из его хвоста, и когда он коснулся ими моря, буря успокоилась, и, взывая к имени блаженной Радегунды, голубь, который явился, чтобы спасти слуг её от неминуемой смерти, и великое спокойствие воцарилось²⁴ посреди моря. И они, громко воззвав, молвили: «Ты пришла, славная госпожа, исполненная благочестия, чтобы спасти своих пленников, дабы они не утонули в волнах». Воззвав к ней не только её люди, но и все другие были освобождены благодаря добродетелям самой госпожи Радегунды. Эти перья, с помощью которых она сама избавила их от смерти, сюда доставлены были теми, кто спасся, и они были переданы в дар святым местам. Всякий раз, когда зывают к ней, она любезно внимает. Если человек с лихорадкой, или с волдырями (*pustula*) или охваченный какой-либо болезнью не может прийти к ней из-за большого расстояния, свеча, освященная от ее имени, развеет всю лихорадку. Насколько она любила свою паству, кто мог бы рассказать? Даже если стократно ударить плектром (*plectrum*)²⁵, издав звуки из языка, этого будет недостаточно.

Она установила, чтобы даже в то время, когда они вкушали пищу, чтение [священных текстов] всегда должно было продолжаться, чтобы не только в глотку попадала пища, но и

---

23 Ср.: «Тогда ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его и сказали: Господи! спаси нас, погибаем» (Мф 8, 25).

24 Ср.: «Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина» (Мф 8, 26). О голубе см.: Быт 8, 8-12.

25 Плектр — палочка, которой ударяли по струнам кифары.

уши могли слышать слово Божье²⁶. Когда бы она не наставляла других или что бы она ни делала сама, она всегда все вершила во имя Бога. Что бы она ни запрещала, она сама избегала делать это; всегда все она усердно делала для Бога, и не совершала ничего, и ничего не вкушала плотского²⁷.

И поскольку она не хотела допустить нерадивости в делах Божьих²⁸, она настаивала также на молитве, чтении, милостыни и непрерывной проповеди в течение всего дня, так что не было бы никого, кто оправдал бы себя из-за невежества²⁹.

18. Столь великий дар в себе имела щедро дарованный ей милостью Божьей³⁰, и учителю смирения, который спустился на землю с небесного престола, [и] подражая Господу, следовала ему душой, куда бы ни шла. После того, как её паства, наконец, укладывалась спать, она проводила ночь в молитве и своей праведной правой рукой защитила свой монастырь знаком креста. Однажды, когда блаженная женщина сотворила этот знак, одна из сестер увидела над стеной [монастыря] стоящих тысячу тысяч демонов в виде козлиц; когда святая подняла свою благословенную правую руку, осе-

-
- 26 Здесь Баудовиния перелагает фрагмент из жития св. Цезария (I: 62): «Ежедневно без перерыва во время завтрака и обеда были чтения за его столом, чтобы духовное и телесное в человеке радовалось, насыщенное таким двойным подкреплением» (**Житие св. епископа Цезария**. 2016: 139)
- 27 Баудовиния вновь цитирует фрагмент из жития св. Цезария (I: 56): «И все, с чем боролся или чего избегал делать сам, все это, ради ревности к Господу, никогда не совершал и даже не ощущал вкус» (**Житие св. епископа Цезария**. 2016: 134).
- 28 Ср. с житием св. Цезария (I: 57): «И так как (он) никогда не хотел быть свободным от дел Божьих...» (**Житие св. епископа Цезария**. 2016: 134).
- 29 См.: Житие св. Цезария (I: 59): «...не было ни одного, кто мог оправдываться незнанием» (**Житие св. епископа Цезария**. 2016: 136).
- 30 См. там же (I: 59): «Щедро одаренный милостью Господа...» (**Житие св. епископа Цезария**. 2016: 136).

няя знаком креста, все это множество демонов сбежало, и более не появлялось.

19. Подобным образом перед своей кельей она стояла однажды ночью, — всегда продолжая воспевать Господа в сердце и на устах, — потому что вечная хвала Бога раздавалась тайно в глубине ее сердца, — ночная птица, неприятная людям, громко крича, нарушала покой на дереве, растущем посреди монастыря. Одна из монахинь, стоящих рядом с ней, сказала: «Благословенная госпожа, если вы велите, по слову вашему я прогоню птицу». На что она ответила: «Если это беспокоит тебя, во имя Господа иди и сотвори знак креста над ней». Затем та [монахиня] подошла и сказала птице: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа госпожа Радегунда приказывает тебе покинуть это место, если ты не явилась по воле Божьей, и не позволяет тебе больше петь здесь». Затем, как будто птица услышала слова, исходящие из уст Божьих, она улетела и больше никогда не появлялась. Заслуженно птицы и звери повиновались ей, поскольку она никогда не пренебрегала повелениями Господа. И если она иногда хотела отдохнуть из-за болезни, ее дух продолжал бодрствовать, и она говорила, как бы увещевая человека, читающего псалтырь: «Продолжай! Говори!»; нет сомнения, что либо она воспевала в душе духовно псалмы со святыми, либо сон никогда не одолевал ее. Ее разум был настолько обращён к Христу, что даже когда она спала, то часто предсказывала грядущий суд и вечную награду, и, пробудившись, она говорила нам: «Собирайте, собирайте пшеницу Господа, ибо истинно говорю вам, что не скоро вам придется её собирать. Слушайте, что я говорю: соберите, ибо вы будете искать это в другое время, истинно, истинно вы будете искать это в

другие дни, и вы будете сильно желать этого»³¹. Хотя тогда из-за своей лени мы восприняли это прохладно, теперь мы признаём [справедливость того], что она сказала. Это пророчество исполнилось в нас: «Я пошлю вам на землю голод, но не голод из-за хлеба и жажду воды, но жажду слышать слово Божье»³². Мы все еще повторяем ее проповеди, но теперь мы лишены ее неутомимого голоса, с его желанными наставлениями, нежной любовью. Как вернуть её взгляд, Господи, великий Создатель, ее лицо, её саму, кто может это поведать? Но и мучительно вспоминать о ней. Ибо мы смиренно тоскуем по ее поучениям (*doctrina*), облику, взгляду, характеру, знаниям, благочестию, доброте, очарованию, которые она имела в себе от Господа, что выделяло её среди других людей³³.

20. Какой святой была ее жизнь, сколь чист и сладок её взор! За год до ухода в мир иной, ей было видение, в котором она увидела себя в уготовленном ей месте. К ней подошёл молодой человек, очень богатый и очень красивый, и

-
- 31 Баудовиния почти дословно цитирует фрагмент из жития св. Цезария (II: 32) «Собирайте, собирайте пшеницу Господа, так как истинно вам говорю, что немного времени вам дано, чтобы собирать. Узрите, что я говорю! Собирайте, так как вы будете искать это время, истинно будете искать, и вам будет недоставать этих дней» (**Житие св. епископа Цезария.** 2016: 167).
- 32 Ср.: «Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» (Ам 8, 11). Также см. фрагмент из жития св. Цезария (II: 32): «Я пошлю на землю голод — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних» (**Житие св. епископа Цезария.** 2016: 167).
- 33 Ср. с житием св. Цезария (II: 35): «О добрый Господь, святой Творец, какая [у него была] экспрессия, какой лик, какой характер! Кто может когда-нибудь выразить? Мы же истинно скучаем, святой отец, по твоей учености, твоему образу и лику, по твоему характеру, твоему знанию и отличительной среди других людей мягкости, которую ты имел от Господа» (**Житие св. епископа Цезария.** 2016: 169).

как это обычно делают в молодом возрасте, заговорил с ней приветливо и с нежным прикосновением, но она ревниво защищала себя и отвергла эту лесть. И тогда он сказал ей: «Что же ты, с горячим желанием, со столькими слезами упрашивала меня, вздыхая, искала меня, постоянно молясь, причиняя себе такую боль ради меня, который всегда рядом с тобой? Ты, драгоценный камень, знай же, что ты первая драгоценность в диадеме на моей голове». Нет сомнений, её посетил тот, кому она всем сердцем всецело себя посвятила, пока жила во плоти, и славу ей явил, которая ей была по нраву. И она тайно рассказала об этом видении, торжественно заверив, двум своим верным людям, с просьбой никому [об этом] не рассказывать, пока она жива. И есть еще много вещей, достаточно великих, которые мы оставили без внимания, чтобы не быть многословными для наших слушателей дабы не вызвать у них скуку, [вместо того] чтобы явить изящество речи; сколько бы мы не вспоминали о [её] любви, о заботе, о милосердии, о проповеди, о всем ее святом образе жизни, как бы мы ни страдали и горевали с опухшими от [слёз] глазами, чтобы снова отыскать эту великую доброту, но мы не находим того, что мы потеряли. О сколь жестока судьба, которая так несчастливо выпала нам! О, благочестивейшая госпожа, пусть Господь на небесах дарует тебе [это], и ты предстанешь перед своей паствой, которую когда-то собрала; ты проведёшь к доброму Пастырю³⁴ [нас], вверив Господу!

21. Наконец мы переходим к [описанию] её славного перехода [в мир иной], о котором мы не можем говорить, не проливая слёз. Слёзы текут из самого сердца, и вырываются

---

34 Ср.: «Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин 10, 11).

стоны, но, пока мы плачем, они не находят места утешения; [но] если о её верной преданности мы станем говорить меньше, то больше согрешим. До самого дня своего перехода [в мир иной] она не переставала следовать своему жизненному пути, и она сохранила в своём сердце то, что избрала, потому что не тот будет спасён, кто [лишь] начал, но тот, кто продолжает исполнять до конца [свой долг]³⁵. Когда ее святое маленькое тело дошло до конца жизни, претерпев долгое мученичество во имя любви Господа, собралась вся конгрегация святой женщины, скорбя у ее постели, плача и рыдая, и сильно ударяя себя в грудь кулаками и камнями; взывая к небесам, плача и возвещая: «Господи, не дай нам испытать столь тяжелую утрату; ты забираешь наш свет; за что ты оставляешь нас во тьме?» И поскольку она всегда выбирала то, что ей нравилось больше всего в день рождения Господа, то её славный переход [в мир иной] произошел таким образом: рано утром в среду августовских Ид, то есть тринадцатого дня этого месяца³⁶, закрылись её глаза, а тьма сошла на нас.

22. Горе нам, поскольку мы согрешили³⁷, наши сердца страдают от печали; мы плачем, и мы скорбим, потому что мы не заслужили того, чтобы ты оставалась с нами дальше! В то утро, когда это великое зло настигло нас, один голос, один плач и один крик потряс небеса, каменщики, которые трудились на горе, услышали голос ангела, который обращался к другим: «Что вы делаете? Отпустите ее сюда». Поскольку эти голоса достигли слуха Господа, ангелы, поднимавшие ее [вверх], ответили: «Это уже сделано». Что мы нам

35 Ср.: «претерпевший же до конца спасется» (Мф 10, 22).

36 Радегунда умерла 13 августа 587 г.

37 См.: «Упал венец с головы нашей; горе нам, что мы согрешили» (Плач 5, 16)

оставалось делать? Рай получил ее, и там она пребывает во славе с Господом. Мы верим, что она не отделяет нас от себя, что она хочет угодить тому, с кем она царствует. Поэтому мы не должны плакать об этом, но лишь испытывать благоговение. Мы лишились в этом [бренном] мире нашей госпожи и матери, но мы отправили ее в Царство Христа как своего заступника. Но хотя она стала источником удивительной радости на небесах, на земле она оставила нас в невыносимом горе³⁸.

23. Когда ее святая душа из этого мира переселилась к Христу, местный епископ³⁹ отсутствовал. [Тогда] отправился посланник к апостольскому человеку господину Григорию Турскому, епископу города, и тот прибыл. И то, что он видел своими глазами, прежде чем он похоронил ее, о ее добродетелях, он включил в книгу чудес, которую составил⁴⁰. Когда он подошел к тому месту, где лежало ее святое тело — как он сам потом клятвенно провозгласил, проливая слёзы, он увидел ангела в человеческом облики, лицо ее сияло словно роза или лилия, — и он был поражен страхом и трепетом, как если бы он предстал перед самой святой матерью Господа, набожный человек, преисполненный верой в Господа. Ждали местного епископа, чтобы она могла быть похоронена с должными почестями. Вся паства стояла вокруг ее постели, с пением псалмов, и всякий раз, когда пение псалмов немного утихало, начинался непреодолимый плач. В течение трех дней ожидали епископа, который объезжал свои приходы;

---

38 Ср. с житием св. Цезария (II: 49): «Цезарий был причиной удивительной радости на небесах и оставил нестерпимую скорбь на земле» (**Житие св. епископа Цезария**. 2016: 179).

39 См. сноску 15.

40 См.: Григорий Турский «О славе исповедников» (**Gregorius Turonensis**. 1858: Col. 847–848).

но тот так и не прибыл, [тогда] упомянутый выше апостольский человек с истинной любовью, «ибо совершенная любовь изгоняет страх»⁴¹, похоронил ее с подобающими почестями в базилике, посвященной святой Марии, где были похоронены священные тела дев из ее монастыря.

24. Когда её святое тело под пение псалмов выносили за стены [монастыря], поскольку было установлено, чтобы никто из живущих там не выходил из ворот конвента, вся паства стояла на стенах, рыдая так, что её горе пересилило псалмы, слезы слышались в псалмах, стоны в воспеваниях, вздохи в словах «Аллилуя»⁴². Тяжело перенося эту утрату, они упрашивали сверху [со стены], чтобы погребальные носилки, в которых её несли, вновь остановились у подножья башни. Но чтобы Господь мог объявить свою верную рабу среди народа, там, где святое тело остановилось, прозрел слепой. Тот, кто не видел света в течение многих лет, обрёл зрение; тот, кто был ведом чужой рукой, теперь сам следовал за погребальными носилками, и никто не поддерживал его, направившегося к святой гробнице, видя, что он не испытывал затруднений с глазами и даже по сей день он видит ясно.

25. Пусть не будет оставлено без внимания и другое чудо. Когда вышеупомянутый епископ похоронил ее, он не мог закрыть крышку гробницы до возвращения местного священника. Свободные женщины, которые несли свечи перед ней, стояли вокруг гробницы. Каждая из них на свече написала свое имя; каждая из них передала свою свечу од-

---

41 «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх...» (1 Ин 4, 18).

42 Ср.: «Когда звучанию псалмов мешали стенания, вместо песни они издавали мычание, и стоны вместо «Аллилуйя!» (Житие св. епископа Цезария. 2016: 176).

ному из слуг по порядку согласно ритуалу. Среди людей возник спор; некоторые говорили, что свечи должны быть помещены в святую гробницу, а другие говорили «нет». Пока это обсуждалось, одна свеча вырвалась от рук мальчика, который держал их, взлетела высоко над всеми людьми и опустилась в святую гробницу у ног благословенной женщины и, то, что никак не решалось, стало для всех очевидным. Взглянув на имя, которое было на свечке, обнаружили имя Кальва (*Calva*). Увидев это, епископ и все люди, поражаясь добродетели блаженной Радегунды, благословили Господа. После ее перехода [в мир иной], кто мог бы счесть, сколько достойных дел было совершено, сколько людей было освобождено от демонов, сколько страдавших от лихорадки выздоровело?

26. Из Бургундии с апостольским человеком Лейфастом (*Leifastus*)⁴³, епископом, пришёл аббат, по имени Аббо (*Abbo*), и когда он прибыл в город Пуатье, он страдал от сильной зубной боли. День и ночь одни лишь крики, одно страдание были у него, он желал себе смерти, чтобы избавиться от боли. Но затем, вдохновленный божественной милостью, он попросил, чтобы его отвели к базилике святой. Когда он вошел туда, он бросился на землю перед святой гробницей, преисполненный веры, видя смерть перед глазами, [и] он вцепился зубами в погребальный покров над святой гробницей. В течение семи дней [до этого] он не принимал пищи и не спал, но с этим укусом к нему пришёл сон, боль ушла, и он вернулся обратно к себе здоровым. Многие впоследствии узнали о том, что, как он рассказывал и сам признавал, добродетели госпожи Радегунды вырвали его от ворот смерти.

---

43 Лейфаст (Лефаст), епископ г. Отён в 600 г.

27. И такой есть обычай для всех близлежащих монастырей — отмечать праздник [реликвий] блаженного Илария, которые хранятся там, с бдениями до полуночи, [и] после полуночи каждый аббат возвращается в свой монастырь со своей братией, чтобы торжественно отпраздновать эту службу. Пока продолжалось их бдение в базилике благословенного примаса [т. е. св. Илария], всю ночь кричали одержимые, среди которых особенно сильно Враг мучил двух женщин; главным образом одна из них столь сильно бесновалась, что от её рёва сотрясалась вся базилика.

После того, как почтенный человек Арнегизел (*Arnegiselus*), настоятель базилики благословенной королевы, после службы вышел со своими монахами, направляясь в свою базилику, которую она [Радегунда] сильно почитала, чтобы закончить службу, они услышали, как кричащие женщины идут за ними. Войдя в базилику с громкими криками, они стали взывать к госпоже Радегунде, чтобы та пощадила их. Одна из тех, кто были особенно сильно одержимы, та, которую злой дух бичевал трижды по пять лет, во время службы, — как говорится к заутрене была освобождена, — беснующийся враг покинул сосуд, в который вторгся. Другая была освобождена в третий час перед входом в саму базилику, и после этого злейший враг больше не мог причинить им вред. Как щедра и богата милость Божья, которая заставляет чтить Его, щедрый даритель и податель добродетелей сам ищет места, где Он может явить свою силу через верных ему! Некоторые были освобождены в базилике святого человека [т.е. св. Илария], в то время как другие были приведены в базилику госпожи Радегунды, и было явлено, что поскольку они были равны по благодати, то оба они были равны и по добродетелям.

28. Когда кто-то был болен, пребывая в полном отчаянии, в случае если хранитель её священной гробницы погрузит нижнюю часть её покрывала в чашу с водой и даст [эту воду] больному лихорадкой, то, как только больной выпивал из неё, к нему, лежавшему перед её святой гробницей, не приходил ли тотчас глубокий сон и не отступала ли сразу болезнь? Благодаря щедрости Христа, во все дни во имя самого Господа нашего Иисуса Христа, многие достойные дела совершаются здесь, откуда она ушла. Мы также поклоняемся [ей] с верной преданностью и должным усердием, находясь в миру, всей душой мы радуемся и прославляем её, верим, что она воссияла на небесах, где пребывает тот, кто живет и царствует с Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь!

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Baudonivia. 1888 — Baudonivia. Vita Sanctae Radegundis. Liber II. Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum reru merovingicarum. Bd. 2. Hanover, 1888. S. 377–395.

Gregorius Turonensis. 1858 — Gregorius Turonensis. Liber de Gloria Beatorum Confessorum // Patrologia Latina. Vol. 71. 1858.

Венанций Фортунат. 1998 — Венанций Фортунат. О страстях Христовых // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв. / Отв. ред. С.С. Аверинцев и М.Л. Гаспаров. М., 1998. С. 369.

Григорий Турский. 1987 — Григорий Турский. История франков. М., 1987.

Житие св. епископа Цезария. 2016 — Житие св. епископа Цезария // Раннехристианское жития галльских святых / Пер. с лат. А.В. Банникова и др. СПб, 2016. С. 91–178.

ЛИТЕРАТУРА

McNamara. 1996 — McNamara J.A. Imitatio Helenae: Sainthood as an Attribute of Queenship in the Early Middle Ages // Saints: Studies in Hagiography. Binghamton, N.Y., 1996. P. 51–80.

А.Ю. Серегина

ЖЕНСКАЯ БИОГРАФИЯ И КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА XVII В.: «ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВИКОНТЕССЫ МОНТЕГЮ»

Ключевые слова: Ричард Смит, леди Монтегю, биография, наставления, религиозная культура, модели женского поведения, религиозная полемика

Аннотация: в статье анализируется «Жизнеописание виконтессы Монтегю» Ричарда Смита (1627), первая опубликованная биография английской католички раннего Нового времени. Выявлены модели женского поведения, предлагаемые автором своим читательницам, а также и способы влияния на их религиозные практики и приведения их в соответствие с приоритетами пост-Тридентской католической культуры. Прилагается перевод «Жизнеописания» на русский язык.

XVI — XVII вв. стали периодом бурного развития автобиографий и биографических сочинений. Свою роль в нем сыграли различные факторы, один из которых — изменения религиозной культуры, происходившие в Европе, начиная с XV в., и способствовавшие формированию новой католической религиозности, а позднее, и обладавших своей выраженной спецификой протестантских культур.

Для благочестия раннего Нового времени, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, характерна интроспекция, пристальное внимание не только к усвоению вероучения, но к внутренним побуждениям, мотивациям поступков, словам и жестам, связанным не только с публичной литургией, но и с личным благочестием: молитвами и медитациями, творимыми в уединении или в узком кругу друзей

и родственников, в частном пространстве (монашеской кельи или собственных покоев).

Внимание к внутреннему миру оформлялось и обретало направление благодаря различным религиозным и культурным практикам: например, технике вопрошания совести как способа подготовки к исповеди, опросы учеников иезуитских коллегий о семье, ее конфессиональной принадлежности и/или благочестивых обычаях, а также распространенные в раннее Новое время истории обращения от греха к истинной вере, которые могли принимать формы повествования о приходе в тот или иной монашеский орден (*conversion* как изменение образа жизни), о переходе в другую веру (конфессиональное обращение), или же сочетать обе традиции.

Литературными моделями для жизнеописаний служили произведения различных жанров, но в религиозной сфере наиболее влиятельными были агиографические сочинения, издававшиеся в виде памфлетов истории обращения (обычно конфессионального) и надгробные проповеди. Все эти жанры призваны были наставлять верующих, являя им модели благочестивой жизни и смерти, образцы правильного гендерного поведения и взаимодействий с властями¹. Последнее было особенно актуально для религиозных меньшинств, которые, как католики в Англии, подвергались преследованиям: их представители, мужчины и женщины, оказывались в оппозиции к правительству и должны были выстраивать линии поведения, соответствовавшие представлениям о том, что подобает их полу и статусу, не изменяя при этом своей конфессии.

В предлагаемой читателю публикации — «Жизнеописании виконтессы Монтегю» (1627) — представлена идеаль-

---

1 Stewart. 2018: 16; McCullogh. 2011; Shinn. 2018: 1-27.

ная модель женского поведения, рассчитанная на светскую аудиторию — благочестивых католичек дворянского происхождения, жен и матерей, задавшая параметры жанра для подобного повествования на десятилетия вперед.

Героиня этого повествования, Магдален Дейкр (1538–1608), родилась в семье барона Гилсленда — аристократа-католика из Камберленда, и была связана узами родства со всеми влиятельными семьями севера Англии (преимущественно католическими или симпатизировавшими католицизму). В 1551–1553 гг. девочка воспитывалась в доме леди Рассел (урожд. Энн Сапкот) в Чейнис маноре (Бакингэмшир). Последняя была придворной дамой Екатерины Арагонской и Джейн Сеймур. Ее имя упомянуто среди дам-участниц похоронной процессии последней в 1537 г., в числе всадниц, следовавших за каретами (причем ее спутницей была Элис, леди Браун, мать будущего виконта Монтегю).

В 1530–х гг. леди Расселл служила и принцессе Марии. Поэтому неудивительно, что ее подопечная, в числе родственниц которой также были дамы свиты королевы Екатерины Арагонской (бабушка героини, Энн Тэлбот, графиня Шрусбери), в 1553 г. оказалась при дворе и стала одной из фрейлин королевы Марии I. В 1554 г. она сопровождала свою госпожу в Винчестер и участвовала в свадебной процессии королевы².

Расселы были придворным семейством и давними друзьями сэра Энтони Брауна и его жены, а также и их сына Энтони, с 1554 г. — виконта Монтегю. Младшая сестра виконта, Мейбл Браун, вместе с Магдален была фрейлиной королевы. Все эти семейные и дружеские связи предполагают давнее знакомство виконта с его будущей женой. В 1558 г. он был

---

2 Biographical Encyclopedia. 2017: 171.

молодым вдовцом, только что получившим титул виконта, орден Подвязки и членство в Тайном Совете, и таким образом, являлся завидным женихом.

Молодая пара явно хорошо знала друг друга и это способствовало их семейному счастью: чета Монтегю прожила в согласии 33 года (до смерти виконта Монтегю в 1592 г.), произведя на свет 12 детей. Переписка супругов не сохранилась, однако косвенным свидетельством любви и доверия мужа стало его завещание, в котором он значительно расширил причитающуюся леди Магдален по брачному договору долю имущества, включив в него лондонский дом в Саутуорке (на южном берегу Темзы, у Лондонского моста)³.

За годы вдовства виконтесса Монтегю прославилась как одна из самых влиятельных и активных покровительниц католического духовенства и единомышленников и пользовалась большим уважением не только среди родственников, но и в английском католическом сообществе в целом. Это обстоятельство отчасти объясняет причину выхода в свет ее биографии.

Автор этого сочинения, Ричард Смит (1568–1655), учился в Оксфорде (колледж Троицы), а затем эмигрировал и продолжил обучение в Английской коллегии в Риме. После рукоположения (1586 г.) он почти двадцать лет преподавал в английских коллегиях, основанных в Испании (в Вальядолиде и Севилье). Последняя из них имела тесные связи с семьей Монтегю: там учились и преподавали несколько семейных капелланов.

Именно благодаря своим связям с Севильей в 1603 г. Ричард Смит был принят в доме виконтессы Монтегю и стал

---

3 Поместье Бэтл в Восточном Сассексе причиталось виконтессе по брачному договору. См. **Серегина**. 2017: 324.

ее духовником. После смерти виконтессы (1608 г.) Смит долгое время оставался в свите ее внука, 2-го виконта Монтегю (до конца 1609 г.), а затем покинул Англию и присоединился к сообществу английских священников в коллегии Аррас (Париж). Во Франции Смит пользовался покровительством кардинала Ришелье и при его поддержке стал в 1625 г. епископом Халцедонским — главой английского католического клира. Пробыв в Англии до 1628 г., епископ был вынужден покинуть страну, опасаясь преследований, и вернулся в Париж. Последние десятилетия его жизни были посвящены написанию полемических и наставительных сочинений, адресованных как мирянам, так и студентам Английских коллегий.

Биография леди Монтегю была издана на английском языке в 1627 г. Текст представлял собой расширенную версию надгробной проповеди, произнесенной в 1608 г. Ричардом Смитом на похоронах виконтессы. Этот вариант был издан на латыни в 1609 г. в Риме в типографии Джакомо Маскарди⁴. Английский перевод был заказан самим виконтом автору — епископу Смигу, который, в свою очередь перепоручил его капеллану виконта, монаху-бенедиктинцу Катберту Ферсдону (1602–1638)⁵.

Биография виконтессы Монтегю стала первой среди жизнеописаний английских католичек в пост-Реформационной Англии. Этот текст оказался востребованным не только в Англии, но и за его пределами. В 1611 г. латинский оригинал был переведен на немецкий язык под заглавием «Зерцало женщин»⁶. Опубликованный

---

4 **Smith.** 1609.

5 **McCann.** 1989: 396, 402–403.

6 **Smith.** 1611.

в 1627 г. в типографии Английской коллегии Сент-Омера текст стал образцом для других биографий благочестивых католичек, а именно, жизнеописаний племянницы виконтессы, графини Эрендел (1630–е гг.)⁷, Джейн Дормер, герцогини Ферия (написана между 1610–1643)⁸ и Дороти Лаусон (1650–е гг.)⁹.

Все благочестивые биографии моделировались их авторами по образцам раннехристианской агиографии. В предисловии к *Жизнеописанию достопочтенной и добродетельной леди Магдален, виконтессы Монтегю* Ричард Смит указывал на образцы, которым должно следовать автору подобного труда. Это жизнеописания Св. Паулы и Св. Марцеллы и благочестивых вдов Блезиллы и Фабиолы, описанных в посланиях Св. Иеронима, а также и жизнь Св. Моники, рассказанная ее сыном, Св. Августином¹⁰. Все эти святые прославились как добродетельные жены и матери, благочестивые вдовы и активные члены христианской общины.

Идеал христианской женственности требовал от женщины смирения и повиновения своим родителям и старшим родственникам, а затем — и мужу. В соответствии с этим и выстраивалось повествование биографии. В ней отсутствует конфликт между родителями и детьми, особенно связанный с религиозным выбором последних. Ситуация облегчалась тем, что у леди Монтегю родители были католиками. Это обстоятельство позволяло автору рассказывать о наставлениях в благочестии и женских добродетелях (скромности и смирении), полученных девочкой еще в кру-

---

7 **Life.** 1877.

8 **Clifford.** 1887. **Palmer.** 1855.

9 **Palmer.** 1855.

10 **Smith.** 1627: Preface to the Reader (unpaginated).

гу семьи, а затем подкрепленных воспитанием в свите леди Рассел и королевы Марии I.

На страницах биографии леди Магдален представлена как прекрасная жена и любящая мать (даже для детей мужа от первого брака). Ричард Смит подчеркивает покорность виконтессы мужу, изображая ее податливой и пассивной, что не вполне соответствовало действительности. Хотя супруги явно жили в согласии, леди Магдален довольно часто проявляла собственную волю, что отражается и в ее деловой хватке, и в активной переписке с придворными и членами Тайного Совета королевы Елизаветы. Муж также признавал и ценил деловые качества своей супруги.

Однако образ, рисуемый Смитом, не предполагал подобных проявлений воли своей героини. Единственной сферой, где она могла проявить себя — да и то под руководством духовника — это область домашнего благочестия, о которой речь пойдет чуть позже. Поэтому все они оказываются «вне кадра». Или почти все: Смит приводит рассказ о незадачливом слуге, прибегнувшем к немалым ухищрениям ради того, чтобы подслушать советы, которые леди Монтегю давала своему мужу в спальне¹¹. Таким образом, оказывается, что вся свита виконта прекрасно осведомлена о влиянии, оказываемом леди Магдален на мужа.

Другая стратегия, использовавшаяся авторами благочестивых биографий вслед за Смитом, была тесно связана с выстраиванием идеальных отношений между героинями и прочими носителями патриархальной власти, прежде всего, с их духовными наставниками, и католическим клиром в целом. Глава 17 биографии леди Монтагю посвящена идеальным взаимоотношениям между патронессой и настав-

---

11 Smith. 1627: 22–23.

ником¹². Однако и в ней присутствуют указания на моменты напряженности между ними. Так, описание ее манеры исповедоваться продемонстрировало разрыв между ожиданиями капеллана и привычными практиками его патронессы и ее непонимание новых требований (подробнее см. ниже). Другими «спорными» вопросами оказывались правила соблюдения постов и посещение приходских (протестантских) церквей согласно требованию закона. Во всех случаях Смит подчеркивает, что воля духовника возобладала, хотя читатель вправе усомниться в том, так ли это: сохранившиеся в лондонских архивах документах сведения свидетельствуют о том, что в 1593 г., испытывая сильное давление властей, виконтесса Монтегю не только присутствовала на богослужениях в Саутуорке, но даже причащалась по «еретическому» обряду¹³.

Тем не менее, при всей возможной напряженности отношений в биографии предстает образ леди Магдален, покорно и смиренно внимающей наставлениям своих капелланов. Данная модель решала несколько важных задач. Во-первых, она была призвана демонстрировать «правильные» отношения между духовенством и мирянами (не только женщинами). В XVI столетии представители церковных реформаторов настаивали на том, что именно духовенство (приходское, или миссионеры) должно было учить и наставлять мирян в вопросах веры, вне зависимости от образовательного уровня последних. Это положение отражало католическое представление о церкви (=священстве) как посреднице между Богом и людьми в отношении таинств и

---

12 Smith. 1627: 60–65.

13 Серегина. 2017: 217.

даруемой через них благодати, и в отношении духовного учительства.

Во-вторых, идеальные отношения патронессы и капеллана-наставника были призваны отражать нападки протестантских полемистов. Подчинение власти священника дополняло, а в ряде случаев восстанавливало нарушенную в силу религиозного конфликта «нормальную» гендерную иерархию. Таким образом, католическое сообщество не выглядело «феминизированным», т.е., дающим слишком много власти женщинам. А поскольку женщины более склонны к грехам плоти, отношения наставничества в сочетании с рассказом о целомудренной жизни вдов имели дополнительный смысл. Они должны были защищать католичек и их капелланов от обвинений в прелюбодеянии, показывать, что женское подчинение основывается не на греховной телесной страсти, но является подчинением духовной власти католической церкви, носителями которой были священники-миссионеры.

Наконец, идеальная модель отношений женщин и их капелланов играла важную роль и во внутри-католической полемике XVII столетия. Начиная с 1590-х гг. и вплоть до конца 1630-х гг. английское католическое сообщество было поглощено внутренним конфликтом между семинарскими священниками и другими миссионерами — представителями монашеских орденов, прежде всего, иезуитов. Полемика затрагивала вопрос о судьбе католической миссии в Англии — а именно, о том, как и кем она должны была управляться: семинарскими священниками, и епископом, которые были призваны заместить утраченную в ходе Реформации католическую иерархию (ставший в 1625 г. епископом Халцедонским *in partibus* Ричард Смит разделял именно этот подход) или же миссионерами (иезуитская модель). Клирики обме-

нивались язвительными комментариями на страницах памфлетов, а миряне, в свою очередь, поддерживали ту или иную сторону выбором капеллана, финансовой поддержкой и/или лоббированием в Риме просто выбирая капеллана или даже финансируя/лоббруя ее в Риме¹⁴.

Соответственно, и рассказ об идеальных отношениях капеллана и патронессы не был нейтральным. Он был призван показать, во-первых, что представители той или иной стороны умеют управляться со своими высокопоставленными и порой капризными патронами и подчинять их своей власти. Во-вторых, он демонстрировал привязанность мирян к определенной группе клириков, в данном случае, поддержку клана Монтегю епископу Халцедонскому¹⁵.

Наставительная роль жизнеописания леди Монтегю не исчерпывалась указанием на образцы идеальной женственности. Его автор, Ричард Смит, своим текстом также задавал параметры новой, пост-Тридентский религиозной культуры, в тех ее аспектах, что касались сакральных пространств и благочестивых практик. Его представление о том, как должна выглядеть литургическая и молитвенная жизнь католического поместья, обрисовано в соответствующих главах жизнеописания.

Описывая круг богослужений в поместье Монтегю, Смит привлекает внимание читателя к тому факту, что в доме виконтессы была часовня с каменным алтарем. Тридентский собор подтвердил правило, согласно которому алтари всегда делались каменными. По всей видимости, Ричард Смит желал подчеркнуть, что в капелле пользовались не переносными деревянными алтарями, а возвели

---

14 Серегина. 2006: 44–51, 61–63.

15 Серегина. 2008: 88–89; Серегина. 2017: 176–177, 362.

постоянный, несмотря на гонения, причем ранее этот алтарь уже использовался в монастырской церкви¹⁶. Таким образом подчеркивалась преемственность между старинной церковью, служившей местом совершения литургии с XII в., и домом виконтессы¹⁷.

Благочестивые обычаи леди Магдален представлены в качестве образца и в других важных вопросах, касающихся таинств. В до-реформационной Англии причащение было относительно редким событием для мирян. Подавляющее их большинство принимало причастие раз в год, на Пасху (исповедавшись в Великий Четверг), и эту практику одобрил Тридентский собор. Католические реформаторы XVI–XVII вв. поощряли прихожан причащаться чаще. Однако, несмотря на усилия приходских священников и миссионеров, частое причащение вплоть до начала XVIII в. оставалось уделом благочестивой элиты, к числу которой, несомненно, можно причислить и виконтессу Монтегю.

Ее пример важен для биографа не только в силу ее собственного частого причащения, но и как образец католической благотворительности. В биографии подчеркивается, что леди Монтегю допускала в свою капеллу всех католиков, каких знала, в том числе и тех, кого в тексте Смит именует «бедными людьми»¹⁸. Трудно сказать, о ком именно идет речь: о католиках-простолюдинах, которые жили в Бэттле — и которых виконтесса вполне могла знать лично — или же о католиках из числа мелких дворян-джентри. Возможно, и о тех, и о других. Таким образом, свиты католических магнатов, подобных Монтегю, могли, по мнению

---

16 **Smith.** 1627: 38–39.

17 **Серегина.** 2017: 384.

18 **Smith.** 1627: 30.

Смита, способствовать проникновению новых приоритетов реформированного католицизма в английскую религиозную культуру¹⁹.

Подобным же образом выстраивается и рассказ об исповеди. Судя по биографии, виконтесса Монтегю исповедовалась и причащалась каждую неделю. Анализ приведенных в ней ежедневных молитв леди Магдален указывает на то, что она пользовалась часословом 1555 г.²⁰ В него было включено пособие, призванное помочь мирянам подготовиться к исповеди. Оно было довольно простым и коротким, представляя собой простой перечень грехов. Часослов был издан, когда леди Магдален была еще молодой женщиной, только что вышедшей замуж. Таким образом, можно предположить, что он задавал ритм религиозной жизни дома Монтегю, в том числе и практики покаяния. В пользу этого предположения свидетельствуют и данные биографии виконтессы: ее религиозные практики и ритм ежедневных молитв определился еще в молодости, когда она была фрейлиной королевы Марии, и на него сильно повлияло благочестие правительницы.

Тем не менее, этот часослов и предписываемые им практики был слишком несовершенным с точки зрения воспитанных в семинариях священников-миссионеров, поскольку предполагал недостаточно внимательный взгляд верующего на собственные поступки и мысли. Процесс перехода к новым практикам оказался болезненным, о чем свидетельствует одна из редких «проговорок» Смита, указывающая на конфликт между ним и его патронессой. Практика вопрошания совести, распространенная на континенте практику ка-

---

19 Серегина. 2017: 390.

20 Primer. 1555.

толиков–реформаторов, восходила к религиозной культуре *Devotio moderna* и позднесредневековой медитативной традиции, воспринятой иезуитами²¹. Английские клирики получали образование в континентальных семинариях, которыми управляли иезуиты, и были, несомненно, знакомы с этой техникой. Ричард Смит не был исключением, и, как следует из его текста, в один прекрасный момент решил применить ее в доме вдовствующей виконтессы. Хотя, по его словам, леди Монтегю в конце концов приняла новую практику и привыкла к ежедневному поиску греховных поступков и побуждений, текст биографии указывает на первоначальное удивление и обиду со стороны виконтессы, столкнувшейся с новым для нее явлением. Она просто не поняла, чего еще требует от нее духовник. Ричард Смит говорит даже, что она решила прояснить это и спросить: «почему я решил, что она что-то утаивала на исповеди»²².

Содержание исповеди также менялось. Если раньше главным фокусом вопросов и наставлений исповедника были грехи, направленные против христианского сообщества, в пост–Тридентскую эпоху, с переходом к более индивидуальной и тонкой с психологической точки зрения исповеди, это фокус, по мнению ряда исследователей, сместился в сторону грехов плоти, сексуальных отношений²³. Биография виконтессы Монтегю демонстрирует внимание исповедников к проблемам сексуальности. Целая глава биографии, как уже отмечалось выше, посвящена целомудрию леди Магдален. Еще более примечательно, что тема целомудрия постоянно звучит и в главе, посвященной жизни ее супруга, виконта

---

21 O'Malley, 1993: 134–152.

22 Smith. 1627: 28.

23 См., например, Bossy. 1975: 33.

Монтегю, хотя целомудрие — не та добродетель, которая немедленно приходит на ум применительно к влиятельному аристократу. Тем не менее, в описании Ричарда Смита виконт Монтегю умолял овдовевшего отца отказаться от сожителства с любовницей и жениться²⁴. Далее в биографии приводится красочная история о том, как виконт, оказавшийся в 1559 г. в Испании с посольством (без жены), тяжело заболел. Призванные на помощь врачи посоветовали ему для восстановления здоровья пригласить к себе женщину, и услужливые друзья немедленно нашли ему «англичанку». Однако благочестивый виконт отказался подвергать свою душу опасности, несмотря на все старания женщины²⁵. Ричард Смит стал капелланом семьи Монтегю через 10 лет после смерти первого виконта и вряд ли мог услышать эту историю; ее, скорее, стоит считать благочестивым вымыслом. Однако она свидетельствует об изменении приоритетов исповедников²⁶.

Еще одним характерным признаком религиозной культуры пост-Тридентского католицизма относились и молитвы розария. Эта благочестивая практика распространилась в Англии в XV — начале XVI вв. и претерпела существенные изменения в пост-реформационный период. До Реформации розарий — т.е., цикл из пятидесяти молитв, соотносящихся с эпизодами из жизни Христа и Девы Марии, — был известен в Англии в двух редакциях: доминиканской и картузианской, и представлял собой форму приходской благочестивой практики. Распространение розария в католическом сообществе конца XVI в. и позднейших эпох напрямую связано с дея-

---

24 Smith. 1627: 8.

25 Smith. 1627: 9.

26 Серегина. 2017: 395–397.

тельностью священников–миссионеров, и, прежде всего, иезуитов. Именно они стали создавать братства розария при каждой своей коллегии. Братства объединяли преподавателей и учеников, а также и горожан в совместном почитании Девы Марии. Они использовали унифицированный доминиканский вариант розария.

Братства розария, создававшиеся иезуитами в Англии, были приспособлены к местным условиям. Так, из специально написанного иезуитом Генри Гарнетом руководства «Общество розария» (1593 г.) явствует, что если в континентальных католических странах братство розария должно было иметь свою часовню или алтарь, то в Англии такой часовней становился просто дом католиков²⁷, а членом братств мог стать любой католик, богатый или бедный, — членского взноса не существовало, а членство было пожизненным. Из соображений безопасности списки членов братств уничтожались сразу по составлении (эта практика существовала до середины XVIII в.)²⁸. Леди Монтегю прочитывала молитвы розария трижды в день²⁹, как это и предписывалось членам братства розария; ее примеру вполне могли следовать дамы ее свиты и домочадцы. Известно, что братства розария существовали в домах ее родственниц (Дороти Лаусон, графини Эрендел)³⁰. Можно предположить, что такое братство объединяло и членов свиты леди Магдален.

Братства розария были призваны наставлять верующих, и через их посредство до английских католиков доносились нормы пост-Тридентского благочестия. Так, сочинение Гар-

---

27 **Garnet.** 1593.

28 **Dillon.** 2003.

29 **Smith.** 1627: 32.

30 **Palmer.** 1855: 38; **Life.** 1877: 297–298.

нета предоставляет читателям доступное изложение учения о непорочном зачатии Девы Марии, а также признанное собором толкование Воплощения и Искупления и ее роли в нем. Кроме того, Дева Мария предстает здесь не только как милосердная мать-заступница, но скорее как Победительница, торжествующая над ересью. Этот образ появился после того, как Пий V, призвав к крестовому походу против турок, обратился к заступничеству Богородицы. После победы над турками при Лепанто (1571 г.) образ Марии-победительницы широко распространился по Европе. Розарий в его пост-Тридентском виде непосредственно апеллировал к этой идее. Так, Генри Гарнет именовал его «древним средством ... искоренения ереси»³¹. Неслучайно в иезуитских коллегиях в братства объединялись будущие миссионеры, призванные противостоять ей. Так, братства розария соединяли в себе общинный ритуал, наставление в вере и проповедь истинной веры против ереси³².

Наконец, глава биографии, посвященная «благой смерти» леди Монтегю, также представляла новую модель поведения. В ней описываются болезни и физические страдания. Виконтесса Монтегю страдала от инсульта, и была частично парализована; ее супруг также умер после затяжной болезни, хотя природа этого недуга не раскрывается³³. Тем не менее, для Смита болезнь и физические страдания, переносимые с терпением и смирением, являлись свидетельством действия благодати, так как виконт Монтегю и его супруга получили возможность испытать на земле муки чистилища и, соответственно, улучшить посмертную судьбу. Знаком избранниче-

---

31 **Garnet.** 1593: 8. См. также **Dillon.** 2003: 465–466.

32 **McClain.** 2005.

33 **Smith.** 1627: 2, 38–43.

ства становится теперь не отсутствие страдания (что было свойственно до-реформационной литературе), а способность его переносить, выполняя при этом все, что ожидалось от доброго христианина. Виконтесса Монтегю продолжала молиться, хотя ее роль стала из-за болезни более пассивной: инсульт, по всей видимости, сказался на ее речевых функциях (по крайней мере, поначалу), поэтому дневные молитвы произносились членами ее свиты. Они же читали виконтессе евангельское повествование о Страстях Христовых и благочестивые наставления³⁴.

Виконтесса также нашла время распорядиться своим имуществом и попрощаться с домочадцами и друзьями. Отнюдь не все они были католиками, о чем свидетельствует рассказ биографа: на смертном одре виконтесса пыталась обратить своих друзей-протестантов в «истинную веру». Наконец, она исповедалась и причащалась каждый день во время болезни, причем перед ее лицом держали украшенное драгоценностями старинное распятие, принадлежавшее бабке виконтессы, графине Шрусбери³⁵.

Таким образом, «благая смерть» в пост-реформационный период подразумевала период интенсивных религиозных переживаний для всех домочадцев. Совместные молитвы умирающей и других католиков объединяли членов общины верующих в отсутствие прихода, а пример благочестия умиравшей дамы должен был служить наставлению других. Поэтому смерть оказывалась делом публичным: рядом с умиравшей виконтессой Монтегю находились отнюдь не только члены семьи и капелланы, но и другие члены свиты; кроме того, пока позволяло физическое

---

34 Smith. 1627: 38–40.

35 Smith. 1627: 40, 42.

состояние, она принимала посетителей. А после ее кончины рассказ о «благой смерти» прозвучал во время надгробной проповеди, и позднее был опубликован, чтобы служить наставлением остальным католикам страны и примером для других писателей³⁶.

---

36 Серегина. 2017: 399.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- Garnet. 1593** — Garnet H. The Societie of the Rosary. L., 1593.
- Life. 1877** — The Life of Lady Anne Countesse of Arundell and Surrey. L., 1877.
- Clifford. 1887** — Clifford H. The Life of Jane Dormer, Duchess of Feria. L., 1887.
- Palmer. 1855** — Palmer W. The Life of Mrs. Dorothy Lawson. Newcastle-upon-Tyne, 1855.
- Primer. 1555** — The Primer in Latin and Englishe (after the use of Sarum), printed by John Wayland. L., 1555.
- Smith. 1609** — Smith R. Vita Dominae Magdalenaе Montis-Acuti in Anglia Vice-Comitissà. Romæ, 1609
- Smith. 1611** — Smith R. Frawenzimmer Spiegel, das ist: Das leben der ... Frawen Magdalena Marggräfin zu Scharpffenberg ... In Lateinischer Sprach beschriben, und jetzo ... auff unser teutsche Sprach ubersetzt. Bey Chrysostomo Dabertzhofer. Augspurg, 1611.
- Smith. 1627** — Smith R. The life of the most honourable and virtuous lady the Lady Magdalen Viscountesse Montague. St Omer. 1627.

ЛИТЕРАТУРА

- Серегина. 2006** — Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII вв. СПб., 2006.
- Серегина. 2008** — Серегина А.Ю. Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI – XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 15. 2008. С. 53–99.
- Серегина. 2017** — Серегина А.Ю. Английское католическое сообщество XVI – XVII вв.: виконты Монтегю. М.–СПб., 2017
- Biographical Encyclopedia. 2017** — A Biographical Encyclopedia of Early Modern Englishwomen / Ed. by C. Levin, A.R. Bertolet, J. E. Camey. Abingdon–NY, 2017.
- Bossy. 1975** — Bossy J. The Social History of Confession in the Age of the Reformation // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 25. 1975. P. 21–38.

Dillon. 2003 — Dillon A. Praying by Number: The Confraternity of the Rosary and the English Catholic Community, c.1580-1700 // *History*. Vol.88. 2003. P. 451-471.

McCann. 1989 — McCann T.J. “The Known Style of a Dedication is Flattery”: Anthony Browne, 2nd Viscount Montague of Cowdray and His Sussex Flatterers // *Recusant History*. Vol.19. 1989. P. 396-410.

McClain. 2005 — McClain L. Using What’s at Hand: English Catholic Reinterpretations of the Rosary, 1559-1642 // *Journal of Religious History*. Vol. 27. 2005. P.161-176.

McCullogh. 2011 — McCullogh P. Preaching and Context: John Donne’s Sermon at the Funerals of Sir William Cockayne // *The Oxford Handbook of Early Modern Sermon* / Ed. by P. McCullogh, H. Adlington, E. Rhatigan. Oxford, 2011. P. 213-267.

O’Malley. 1993 — O’Malley J. W. *The First Jesuits*. Cambridge, Mass., 1993.

Shinn. 2018 — Shinn A. *Conversion Narratives in Early Modern England*. L., 2018.

Stewart. 2018 — Stewart A. *The Oxford History of Life Writing*. Vol. 2: Early Modern. Oxford, 2018.

**Благороднейшему
Энтони-Мария,
Виконту Монтегю³,
Моему доброму лорду и господину**

Благороднейший,

По завершении небольшого перевода, автор сего труда⁴, чье повеление предпринять эту работу стало для меня законном, побудил меня воззвать к помощи достойного покровителя. Решившись на это, я не затруднился с выбором. Если же Ваше Сиятельство задастся справедливым вопросом о том, чем ему могут быть интересны мои деяния и труды, то причина в том, что предмет этого сочинения имеет прямое к Вам отношение. Ведь помимо того, что многие его строки посвящены благородной жизни достойнейшего и благороднейшего дедушки Вашего Сиятельства⁵, столь близкого и дорогого Вам, благородная леди (добродетельная жизнь которой составляет предмет сего трактата), хотя и не являвшаяся пра-родительницей Вашего Сиятельства по крови⁶, показала себя, тем не менее, настоящей нежной матерью и бабушкой (что не всегда удается истинным родителям), воспитавшей Ваше Сиятельство и Вашего благородного отца⁷; и никто не может лучше Вашего Сиятельства свидетельствовать о том, каковы были ее привязанность и забота о Вас в детские годы. И хотя Ваше Сиятельство не было вскормлено ее молоком, однако Вы узнали подлинный вкус ее добродетели и сделали наслед-

---

3 Энтони-Мария Браун, второй виконт Монтегю (1574–1629).

4 Ричард Смит (см. примеч. 1).

5 Энтони Браун, первый виконт Монтегю (1528–1592).

6 Родной бабушкой второго виконта Монтегю была не леди Магдален, а первая жена его деда, Джейн Рэдклиф (1532–1552), дочь графа Сассекса. Она умерла родами, оставив мужу двоих детей-близнецов.

7 Сэр Энтони Браун (1552–1592).

ником ее благородным талантам. Поэтому я искренне надеюсь, что Ваше Сиятельство благожелательно примет мой труд, учитывая его тему, и простит грубость стиля, который, я полагаю, отражает лишь истину и потому более достоин этой доброй и благородной леди; ведь хотя она внешне не проявляла любопытства и благоразумно избегала его, но несла в себе искренность истинной добродетели и благочестия. Я молю Господа даровать Вашему Сиятельству счастье и процветание, земное благополучие и вечное счастье в грядущей славе.

*Признательный слуга Вашего Сиятельства,
К.Ф.*

Предисловие автора к благочестивому читателю

Древние отцы, своими трудами воспевавшие христианскую религию или защищавшие ее против еретиков, имели также обыкновение составлять жизнеописания благочестивых женщин своего времени, связанных с ними родством или дружбой. Об этом знают все, кто хоть немного знаком с трудами Св. Иеронима⁸, Св. Августина⁹, Св. Григория¹⁰ и других. Эти святейшие мужи понимали, что тем самым они проявляют любовь к истине, отвлекаясь от более серьезных занятий на это достойное дело, восхваляют Бога в его святых, и наконец, этими примерами пробуждают набожность в других¹¹.

8 Св. Иероним Стридонский (349–420) — писатель, полемист и агиограф, создатель канонического латинского перевода Библии (Вульгаты), один из отцов Церкви.

9 Св. Августин Гиппонский (354–430) — богослов, полемист, один из отцов Церкви.

10 Св. Григорий Богослов (ок.325–389) — богослов, полемист, один из отцов Церкви.

11 **Hier. de obit. Marcellae.** Послание Св. Иеронима Принкипии (127), надгробное слово вдове Марцелле. Св. Марцелла (325–410) — римская аристократка, благочестивая вдова, принявшая обет безбрачия.

Подражая их деяниям, хотя и в более низком стиле, и оставив сейчас мои сочинения против современных еретиков (которые я был вынужден прервать из-за своих обязанностей)¹², я решился составить жизнеописание добродетельной леди Магдален, которую я знал в течение многих лет, будучи ее исповедником. В написании его я старался избегать варварской грубости языка и намеренно воздерживался от усладительного тщеславия красноречия и цветистой риторики. Ведь если первое оскорбляет уши читателя и порой отвлекает его от написанного, то второе, слишком услаждая его, делает его менее внимательным к самому предмету и иногда заставляет сомневаться в правдоподобности рассказа. Красота благородной дамы должна быть свободной как от краски, так и от грязи. Пусть слова украшают тех, чьи деяния на это не способны. Наша Магдален настолько сверкает добродетелями, что не нуждается в украшениях приятных рассуждений. В описании ее жизни следует избегать всяких ненужных словесных украшений, подобно тому, как она сама воздерживалась от краски и никогда не пользовалась зеркалом. Моей главной целью станет истина, и я стану говорить лишь о том, что сам видел или слышал от самой леди или от достойных доверия свидетелей, так что вместе со Св. Иеронимом, писавшем о Св. Павле¹³ *я могу воззвать к Иисусу, Его святым и ангелу-хранителю, сопровождавшему эту достойную восхищения женщину, утверждая, что ничего не говорю ради благоволения, или лести, но все мои слова суть простое свидетельство и не отдают долж-*

---

12 Ричард Смит был автором более десятка богословских и полемических трудов, написание которых он совмещал с обязанностями капеллана в доме Монтегю, а позднее — в свите Ришелье во Франции.

13 Св. Павла (347–404) — римская аристократка, благочестивая вдова, монахиня.

ное ее заслугам. Беспристрастный читатель порадуетя, узнав: все то, что здесь записано, я ранее произнес перед большой аудиторией на похоронах леди Магдален¹⁴, где присутствовали знавшие ее люди. Я открываю содержание своей речи через 19 месяцев после ее смерти¹⁵, и если я лгу, то меня в этом могут уличить уста, глаза и свидетельства всех, кто ее знал, и в особенности — еретиков, которые не могут вынести того, чтобы ей при жизни приписывали истинную славу, и уж совсем не склонны позволить ей пользоваться ложной славой после смерти. Потому их молчание в данном деле может считаться свидетельством правдивости моего сочинения. Но хотя я и не боюсь клеветников, мне хочется успокоить тех, кто, пожалуй, считает, что нужно создавать жизнеописания лишь тех людей, чья святость удостоила занесения их имен в святцы. Я не могу согласиться с этим суждением, ведь такой суровый святой отец, как Св. Иероним написал не только жития Св. Павлы¹⁶ и Св. Марцеллы¹⁷, но и жизнеописания Блезиллы¹⁸, Фабиолы¹⁹ и др., а житие Св. Моники было составлено ее сыном, Св. Августином²⁰, хотя тот опасался, что она все еще пребывает в муках чистилища. То-

-
- 14 В качестве капеллана покойной Ричард Смит проповедовал на похоронах леди Магдален. Его надгробное слово легло в основу латинского издания биографии (см. введение).
- 15 Латинское издание биографии, о котором говорит Смит, было издано в Риме в 1609 г.
- 16 Имеется в виду послание Св. Иеронима (108) Св. Евстохии (дочери Св. Павлы), содержащее надгробное слово ее матери.
- 17 Послание 127 Св. Иеронима Принципии. См. примеч. 11.
- 18 Блезилла (ум. 384) — дочь Св. Павлы. О ней см. Послания 38 и 39 Св. Иеронима Св. Марцелле и Св. Пауле.
- 19 Фабиола (ум. 399) — римская аристократка, благочестивая вдова и монахиня.
- 20 Св. Моника (327–387) — благочестивая вдова, мать Св. Августина. О ее жизни говорится в кн. 9, гл. 13 «Исповеди».

му есть добрая причина: подобно тому, как божественное всемогущество проявляется не только в сотворении солнца и луны, но также и меньших звезд, так и небесная благодать сверкает не только в знаменитых святых, но проблескивает в каждом благочестивом человеке. Добавление звезд к солнцу и луне на небесах способствовало их украшению, а составление жизнеописаний благочестивых людей способствует прибавлению славы Бога и Его церкви. Люди чаще восхищаются высокими горами, чем взбираются на них, а манит их небольшая высота холмов. Подобно этому, люди чаще восхваляют добродетели знаменитых святых, нежели подражают им, но без больших затруднений стремятся уподобиться добродетели менее благочестивых христиан. Им я предлагаю рассказ о женщине, не прославленной суровостью одяния, строгостью поста или дисциплины, или отречением от мира; о женщине смиренной, целомудренной, терпеливой, сдержанной и благочестивой, отмеченной не чудесами, но изобильными добродетелями, так что те, кто отчаялся подражать святости Св. Марии Магдалины, сочтут себя способными обрести благочестие Магдален, виконтессы Монтегю. Я не причисляю ее к святым или блаженным. Моим намерением, во славу Божию и ради возвышения духа ближнего моего, является составление ее жизнеописания. Пусть другие судят, можно ли считать ее святой. Об этом (благочестивый читатель), я хотел уведомить тебя прежде, чем ты возьмешься за чтение жизнеописания леди Магдален. Да принесет оно тебе благо, и прощай.

Автор

[1609]

**Жизнь
леди
Магдален
виконтессы Монтегю**

ГЛАВА I

О РОЖДЕНИИ ЛЕДИ МАГДАЛЕН И О ЕЕ ВОСПИТАНИИ В ДОМЕ МАТЕРИ

Благороднейшая и добродетельнейшая леди Магдален, виконтесса Монтегю родилась 20 января 1538 г. в Англии от благородных родителей-католиков в замке Навард²¹, поместье отца, расположенном в графстве Камберленд, неподалеку от границы с Шотландией. Ее отец, Уильям, лорд Дейкр, барон Гилсленд²², из древнего и знатного рода, обладал большим могуществом и владениями (ему принадлежали семь бароний²³, в чем вряд ли кто-нибудь в Англии с ним сравнится), а также и властью на севере Англии; он сам и его предки почитались в Англии за их мастерство в делах войны²⁴ и за сражения против врагов своей страны. Его благочестие и рвение к Богу было не меньшим, чем доблесть, и когда король Генрих VIII, созвав парламент²⁵, пожелал при помощи голосов обеих палат выйти из подчинения Римской церкви и

-
- 21 Наворт (Навард) — замок в Камбрии близ Бромптона. Был построен в XIII в. Ральфом Дейкром и находился в собственности этой семьи до 1569 г. Позднее, при разделе имущества между наследниками последнего барона Гилсленда, замок достался младшей, Элизабет Дейкр, супруге лорда Уильяма Ховарда (младшего сына казненного в 1572 г. герцога Норфолка).
- 22 Уильям Дейкр (1493–1563), барон Грейсток и Гилсленд.
- 23 Уильям Дейкр унаследовал не семь, а пять бароний: Гилсленд, де Малтон, Грейсток, Морпет и Фицуильям.
- 24 Отец лорда Уильяма (дед леди Магдален), Томас Дейкр, барон Гилсленд (1467–1525) отличился в сражении при Флоддене в 1513 г.
- 25 **Sander. de schism. l. 10. p. 180** [Sander. N. De origine ac progressu schismatis Anglicani. Coloniae, 1585]. Речь идет о парламенте 1534 г.

создав неслыханный до того прецедент, забрать себе титул главы церкви Англии²⁶, то, опасаясь, что лорд Дейкр не просто откажется способствовать его похоти, но своим примером и авторитетом побудит других защищать древний обычай, они приказал задержать его для допроса, обвинив в измене, в чем тот, тем не менее, был объявлен невиновным²⁷. Когда же впоследствии король сказал лорду Дейкру, что с согласия парламента стал главой церкви и спросил, что тот об этом думает, лорд ответил: *теперь, если Вы, Ваше Величество, согрешите, то сможете сами отпустить себе грех*. В другой раз, когда дочь Генриха, королева Елизавета, превзойдя своего отца, решила полностью истребить католическую религию в Англии²⁸, лорд Дейкр призывал лордов не соглашаться на такое чудовищное деяние, а в разговоре с некоторыми из них выказал готовность отдать себя и своих людей на защиту католической религии²⁹.

Мать леди Магдален³⁰ была равна супругу в знатности и благочестии; она приходилась дочерью Тэлботу, графу Шрусбери³¹, чьи предки прославлены во французских и англий-

---

26 Парламентский акт о королевской супрематии (1534 г.) объявлял короля земным главой церкви Англии.

27 В 1534 г. лорда Дейкра отдали под суд по обвинению в изменнических связях с Шотландией. Однако палата лордов отказалась поверить, что лорд-хранитель Западной марки (на Севере) стал изменником, и барона оправдали. Барон, впрочем, лишился должности.

28 Речь идет об официальном возвращении страны к протестантской религии и запрете католического культа актом 1559 г.

29 Хотя сомневаться в искренности католической веры Дейкра не приходится, он не входил в число активных оппонентов правительства, пытавшихся затруднить прохождение елизаветинского билля о религии через Палату лордов: он не участвовал в работе соответствующей комиссии, и не голодовал против билля.

30 Элизабет Тэлбот (ок.1507 — после 1552). В 1519 г. вышла замуж за лорда Дейкра.

31 Джордж Тэлбот, 4-й граф Шрусбери (1468–1538).

ских хрониках за героические победы, одержанные во Франции³². Имя «Тэлбот» наводило такой ужас на французов, что мамки и няньки привыкли утихомиривать плачущих детей, говоря им: «Тэлбот идет». От этих знатных предков происходит леди Магдален Монтегю. Я рассказываю об этом не потому, что она сама высоко ценила свое происхождение, но потому что, хотя знатность не увеличивает силы добродетели, она все же добавляет ей блеска и украшает ее, делая более привлекательной в глазах людей. Мы можем вместе с поэтом сказать:

Gratior est claro veniens de sanguine virtus

Добродетель яснее, когда исходит от благородной крови³³

Ведь хотя жемчужина обладает великой ценностью, если даже она закопана в земле, или покрыта грязью; по словам Св. Иеронима, *драгоценность блестит в мерзкой нечистоте, а красота чистойшей жемчужины сияет даже в грязи*³⁴, но прекраснее и желаннее она, будучи оправленной в золото. Так и добродетель почетна и в лохмотьях, но когда она соединена со знатностью, словно с пурпуром, то вызывает большее восхищение, подобно тому, как солнце в ясный день, разогнав облака, всюду проникает своими лучами. Ведь для воздевших глаза к небесам в ясную ночь нет ничего более прекрасного, чем блеск множества звезд; так и для нас, опустивших глаза к земле, нет ничего более прекрасного, чем знатность, украшенная блеском разнообразных добродетелей. Ибо знатность, украшенная добродетелями есть сошедшие на землю небеса со звездами. Мы

32 Джон Тэлбот, 1-й граф Шрусбери (1387–1453).

33 Вергилий. Энеида.

34 **Epist.16.** Послание 21 Св Иеронима.

видим, что в наше время это еще более верно, потому что соединение знатности и добродетели стало редкостью. В былые времена короли, королевы, принцы, мужчины и женщины Англии превосходили других достоинством и стремились превзойти всех в добродетели. Поэтому мы обнаруживаем среди записанных имен святых около двадцати английских королев, столько же королев, и бесчисленное множество королевских детей, принцев и других знатных особ. Но теперь (о горе!) наши государи отошли от веры предков и лорды (по большей части) тоже свернули с пути благочестия своих прародителей. Следовательно, эта знатная женщина заслуживает тем большей похвалы перед Богом и людьми, что не запятнала свое благородство грехами и нечестивой ересью, но всеми силами старалась украсить ее добродетелями и чистотой католической веры, как станет ясно из рассказа о ее жизни.

До тринадцатилетнего возраста она воспитывалась в дома отца, следуя благочестивым наставлениям своей матери. Хотя, с учетом ее юных лет, она могла бы полюбить соколиную и псовую охоту, по примеру сестер и обычаю других знатных девиц, и ради удовольствия, она, тем не менее, презирав подобные развлечения, предпочла следовать примеру Девы Марии и предаваться спокойным размышлениям дома, а не преследовать диких зверей по горам и лесам, подобно языческой Диане, так что и без помощи наставника исполнила совет, данный Св. Иеронимом девицам: *Не позволяй ей выходить, чтобы те, кто слоняется по городу не нашли ее и не нанесли удар, лишив ее покровы целомудрия*³⁵.

ГЛАВА II

О ЕЕ ВОСПИТАНИИ В ДОМЕ ГРАФИНИ БЕДФОРД

Когда Магдален исполнилось тринадцать лет, отец вверил ее графине Бедфорд³⁶ с тем, чтобы она была воспитана в подчинении строгому порядку в доме этой благочестивой дамы. О ней леди Монтегю рассказывала истории, которые я считаю необходимым записать для наставления другим женщинам. Будучи бесплодной³⁷, графиня страстно желала иметь ребенка, так что в течение долгого времени она сама и другие молили Господа даровать ей сына³⁸. Но, как сказал Христос апостолам, *Nescitis quid petatis*, не знаете, о чем просите³⁹; по свидетельству Св. Августина, порой Господь в гневе дарует нам прошенное. Так и эта благочестивая женщина на своих несчастьях поняла, что не знала, о чем просила: она попросила и получила, в итоге, кару Божию. Ибо она родила сына, но он не только впал в ересь, которую она ненавидела, но порой так нечестиво вел себя по отношению к матери, что она иногда в горе, проливая слезы, признавалась людям, что жестоко оскорбила Бога, когда, прося о сыне, не добавила в качестве условия: «если только это будет к Его славе и ее утешению». Потому (говорила она), я справедливо наказана тем самым, чего так страстно желала. Пусть это послужит свидетельством для благочестивых родителей: бесплодие не всегда стоит считать карой Господней, а дети — не всегда дар и подтверждение божественного благоволения; им не

---

36 Энн Сапкот, жена Джона Рассела, 1-го графа Бедфорда (1485–1555). Вдова Джона Брутона из Тоддингтона (ум. 1519) и сэра Ричарда Джернингэма (ум. 1525).

37 Графиня Бедфорд родила 4 детей в первом браке, второй брак был бездетным.

38 Фрэнсис Расселл, 2-й граф Бедфорд (1527–1585).

39 Мк 10:38.

стоит просить у Бога никаких мирских благ, кроме тех, что соответствуют Его воле и полезны для них. Но вернемся к леди Монтегю. Она прожила в доме упомянутой графини три года и прилежно служила ей, выполняя не только обязанности дамы ее свиты, но и горничной, когда той не было рядом: в любой час ночи она была готова откликнуться на зов графини (что случалось часто по причине ее пожилого возраста и болезней), подняться с постели и прислужить ей. Девушка из знатного рода, получившая утонченное воспитание, не гнушалась, по собственной воле, оставив графиню в неведении, оказывать ей услуги, о каких отказываются слушать любопытные уши. Бог даровал Магдален свои благословения и одарил ее глубочайшим смирением даже в том возрасте, когда, пребывая в расцвете юности, женщины обычно исполнены гордыни и высокомерия. Она иногда рассказывала об этом внукам, не краснея, довольная собой, этим примером призывая их к смирению.

ГЛАВА III

О ЕЕ ЖИЗНИ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЕВЫ МАРИИ И О ТОМ, КАК ОНА ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА ВИКОНТА МОНТЕГЮ.

Таким образом она провела три года в добродетели и благочестии, руководствуясь наставлениями графини Бедфорд. Затем случилось так, что умер король Эдуард VI (детским возрастом которого воспользовались нечестивые люди, чтобы разрушить католическую религию в Англии), и королева Мария чудесным образом и по божественному благоволению, вопреки всей силе и власти еретиков, унаследовала королевство Англию⁴⁰, и восстановила древнюю истинную религию. Она приняла Магдален при своем дворе как одну из

---

40 Мария I взошла на престол в 1553 г.

знатных дам своей свиты (их обычно называют фрейлинами⁴¹), и там ее добродетель и девическая скромность не только проявилась наилучшим образом, но и возросла, следуя доброму примеру. Ибо в то время английский двор был школой добродетели, колыбелью чистоты и домом благочестия. Сама королева подобно луне блистала всеми добродетелями, восхваленными в историях. Ее фрейлины и дамы свиты сверкали, как звезды, а о яркости их сияния читатель может составить представление по тому, что я расскажу об одной из них со слов леди Магдален. Та девица привыкла вставать с постели рано, и, одевшись как можно быстрее, спешила в часовню, где, преклонив колени у стены, обычно проводила несколько часов в искренней молитве, проливая обильные слезы перед Всемогущим Господом. При этом она никогда не уклонялась от предписанных ей и другим дамам молитв. Не довольствуясь тем, что провела день подобным образом, она вставала ночью и, простершись на полу, проводила добрую ее часть в молитве. Когда однажды это заметила леди Магдален, она, поняв, что ее набожность обнаружена, упала на колени, как если бы ее застали за распутством и со слезами молила во имя Господа не рассказывать никому о ее тайных молитвах, пока она жива. О смиренница, поистине благочестивая дева, поистине девица из свиты королевы, славная честью, целомудрием, чистотой и благочестием! Счастлив двор с такими придворными! И счастлива была Англия с таким двором, в добродетели не уступавшим многим монастырям; оттуда, как из источника, благочестие изливалось на все провинции Англии! Если бы только Господу было угодно сохранить такую добродетель в наших придворных девицах, и если бы процве-

---

41 В тексте — *Lady of Honour*. Обычно английских фрейлин именовали *Maids of Honour*.

тала их мать, католическая религия, тогда английский двор не был бы запятнан дурной славой за развратность, как это вскоре случилось. Чтобы выразить свое сожаление об этом, я приглашаю моих соотечественников подумать о редкой чистоте фрейлин при королеве Марии и всем известных упреках, заслуженных некоторыми фрейлинами королевы Елизаветы⁴²; они смогут увидеть разницу между целомудренной религией и нечестивой ересью.

Леди Магдален прожила всего два года при дворе такой достойной королевы, получая воспитание вместе с такими девицами, и редкие добродетели и красота ее тела и души привлекли к ней сердца многих придворных. Среди них было двое, в одно и то же время искавших ее согласия на брак. Одним из них был сэр Джон Эренделл⁴³, обычно (из-за своего богатства и влияния) именовавшийся Великим; впоследствии, при королеве Елизавете, он претерпел долгое тюремное заключение ради католической веры и умер славным ее исповедником⁴⁴. Он был столь воспламенен своей целомудренной любовью к ней, что не прекращал своих ухаживаний до тех пор, пока всем не стало известно о ее обручении с другим. Потеряв надежду, хотя и не свою привязанность к ней, он прибыл к Магдален и поздравив с обручением, пожелал ей счастливейшего брака, какой только может выпасть жен-

---

42 Двор королевы Елизаветы периодически сотрясали скандалы, вызванные интрижками молодых аристократов с фрейлинами королевы, заканчивавшиеся беременностью последних. В двух случаях эти связи закончились браком (Элизабет Трокмортон и сэр Уолтер Рэли, Элизабет Вернон и граф Саутхэмптон), в остальных отцы будущих детей оказались женаты, и фрейлинам пришлось с позором покинуть двор (Элизабет Саутуэлл, беременная от графа Эссекса, и Анна Вавасур, ожидавшая ребенка от графа Оксфорда).

43 Сэр Джон Эренделл из Ланхерна (1527–1590).

44 Эренделл был арестован в 1577 г. за укрывательство католических миссионеров и провел несколько лет в Тауэре и в замке Или.

щине. Другим был Энтони, виконт Монтегю⁴⁵, наследник благороднейшего маркиза Монтегю⁴⁶ (происходившего от дома Ланкастеров и от древнейшей знати Англии)⁴⁷, член Тайного Совета Ее Величества⁴⁸ и рыцарь благороднейшего Ордена Подвязки⁴⁹. Прежде, чем открыть свое чувство леди Маргарет, этот знатный дворянин письмом попросил согласия королевы, которая, приведя множество похвал своей фрейлине, дала ему такой ответ: *Приняв во внимание ее характер, добродетельное поведение, рождение, большое число друзей и другие выгоды, какие принесет вам этот союз, и другие причины, над которым вы, несомненно, размыслили, я, признаюсь, настолько благосклонна к вашему желанию, что не просто даю свое согласие на то, чтобы вы с ней об этом говорили, но считаю этот брак благом для вас обоих и от всего сердца желаю счастливого завершения этого дела, и возрадуюсь, если вы обретете такую подходящую жену, а она — такое счастливое положение.* Получив, таким образом, сначала согласие королевы, а затем и самой девицы, ее родителей и друзей, благороднейший виконт женился на ней в Лондоне, в королевском Сент-Джеймском дворце, в присутствии королевы и ее знатной свиты. Это и был тот Исаак, которого Господь уготовал этой целомудренной Ревекке, и я расскажу о его героических добродетелях, о которых я узнал из уст его супруги, потому что они проливают свет и на ее благочестие.

45 См. примеч. 6.

46 Бабушка 1-го виконта Монтегю, Люси Невилл (ум.1534), была дочерью Джона Невилла, маркиза Монтегю (1431–1471).

47 Люси Невилл происходила от Джоан Бифорт, дочери Эдуарда III, а также от старых аристократических семей: Монтекьютов (графов Солсбери), Монтермеров, де ла Полей (графов Саффолков), де Бургов и др.

48 1-й виконт Монтегю был членом Тайного Совета в 1557–1558 гг.

49 С октября 1555 г.

ГЛАВА IV

О достойных добродетелях виконта МОНТЕГЮ, СУПРУГА ЛЕДИ МАГДАЛЕН

Первая добродетель этого благородного дворянина – это его редкая любовь к целомудрию. Когда этот молодой джентльмен узнал, что его отец⁵⁰ (после смерти матери⁵¹) содержит любовницу, он отправился к нему и на коленях молил его оставить такую жизнь, ненавистную Богу, губительную для его души и позорную в глазах всех его друзей, и взять в жены целомудренную дворянку, с которой он мог бы жить честно перед людьми и в божественной любви. На это его отец, улыбнувшись, сказал: Ты даешь мне такие советы, сын, которые могут тебе обойтись в тридцать тысяч фунтов. Но боголюбивый юноша отвечал, что не считает утратой то, что спасет душу и репутацию отца. Благочестивое увещание сына так подействовало на отца, что, расставшись с сожительницей, тот женился⁵² и честно прожил с женой последние годы жизни. Одним этим поступком сын выказал свое почтение к отцу, верность Богу, презрение к богатству и достойную восхищения любовь к целомудрию, причем в то время, когда в Англию прокралась ересь и молодежь была соvrращена всевозможным распутством.

И то не была единичная вспышка, подобная быстро гаснущему костру, но истинное пламя любви к целомудрию и твердое желание скорее рискнуть жизнью, нежели своей чистотой. Позднее, когда виконт был послом в Испании⁵³ и его

---

50 Сэр Энтони Браун (1500–1548).

51 Элис Гейдж (ум. 1540), дочь сэра Джона Гейджа.

52 Второй женой сэра Энтони стала Элизабет Фицджеральд (1527–1590), дочь 9-го графа Килдейра.

53 В 1560 г.

сразила тяжелая и опасная болезнь, врачи рассудили, что он не поправится, если не проведет время с женщиной. Как раз в это время рядом с его домом проживала прекраснейшая английская куртизанка; она использовала все свои чары, чтобы возбудить в нем похоть. Тем не менее, ни совет врачей, ни уговоры других, ни доступные прелести женщины, ни страх за жизнь не побудили его поставить телесное здоровье превыше спасения души, а любовь к жизни превыше любви к Богу. Отвергнув совет распутников, он не успокоился до тех пор, пока женщину не изгнали из ее комнат поблизости. О святой муж! О целомудренный Иосиф, которого ни греховное удовольствие, ни безнаказанность и тайна, ни надежда на выздоровление, ни страх смерти не смогли побудить к утрате чистоты, нарушению данного жене обета и оскорблению Бога. И хотя вскоре после того королева отозвала его домой, и там он выздоровел, многие уподобили бы его Бл. Леопольду⁵⁴ и другим святым мужам, которые предпочли скорее лишиться жизни, нежели осквернить свои тела невоздержанностью.

Его достохвальное целомудрие сопровождалось равной, или даже большей любовью к почитанию Бога и религии. Когда король Эдуард VI (или, скорее, другие от его имени) запретил веру предков и, как новый Иеровоам, воздвиг алтарь и вознес на него золотых тельцов (я имею в виду новую литургию или, скорее, суеверие)⁵⁵, и почти все, либо увлеченные новизной, либо из страха наказания, устремились к этому новому чудовищному суеверию, этот благочестивый юноша не пожелал запятнать себя таким отвратительным преступлением. Как новый Товия, он стремился служить Бо-

---

54 Св. Леопольд Австрийский (1078–1136).

55 Протестантская литургия была введена в Англии в 1549 г.

гу так, как это делали его родители, и не скрываясь, часто бывал на мессе. За это его отправили в тюрьму⁵⁶, но он не отчаялся, и, украсив свою комнату гобеленами, тем самым заверил преследователей в том, что скорее, подобно Даниилу, станет жить в тюрьме, нежели откажется от божественной литургии. И он не только сам хранил верность католической религии, но все время побуждал к верности других. Когда при Эдуарде VI его отец, следуя совету нечестивых или не желая оскорбить еретиков, согласился не ходить на заседание парламента, на котором обсуждалась перемена религии⁵⁷, и сын об этом узнал, этот добродетельный юноша молитвами, слезами и прочими средствами, какими только мог, заставил отца отправиться в парламента и храбро отдать свой голос за истинную веру.

Когда впоследствии, при королеве Марии, истинная вера расцвела вновь, он больше других трудился для ее распространения. За его рвение и другие достойные добродетели королева выбрала его послом к папе, чтобы просить прощения за прошлую схизму и обещать верность от имени всего королевства⁵⁸. Все это он исполнил и удостоился всеобщей хвалы, к чести нации, славе Господней и радости христианского мира. Но когда спустя несколько лет (да будет сказано в сокрушении) по приказу королевы Елизаветы знатные дворяне страны снова обсуждали запрет католической религии, этот благороднейший виконт, произнеся продуманную, красноречивую и прочувствованную речь⁵⁹, призвал их не позволять себе нестись по ветру каждого нового

---

56 Он был арестован в 1551 г. и отправлен в лондонскую тюрьму Флит.

57 Речь идет о первом парламенте Эдуарда VI.

58 В 1555 г. виконт Монтегю был одним из трех послов, отправленных в Рим, чтобы испросить у Папского престола прощения за грех схизмы.

59 Виконт произнес свою речь в Палате лордов 13 марта 1559 г.

учения, не отменять то, что они совсем недавно подтвердили и в ходе торжественной церемонии⁶⁰ обещали нерушимо соблюдать, и не запрещать веру, в которой все их христианские предки жили со славой и умирали в божественной любви, ради того, чтобы принять другую веру, придуманную немногими низкорожденными людьми, алчными до богатств и власти, и к тому же несогласными между собой, причем эта вера никогда не появилась бы в Англии, если бы всем известная похоть и желание завладеть церковным имуществом не ослепили короля Генриха VIII⁶¹. Но когда он увидел, что главные дворяне королевства, отчасти введенные в заблуждение тщетной надеждой жениться на королеве⁶², а отчасти ослепленные жадным стремлением к земным богатствам, не принимают доброго совета, но подобны глухому аспиду, затыкающему уши свои (как говорит Псалмопевец) и не слышащему голоса заклинателя⁶³, сам постоянно поддерживал и соблюдал то, что они отвергли.

И если впоследствии он и ходил в еретические церкви⁶⁴, это стоит вменить в вину не столько ему, сколько его священнику, который был поистине ученым и благочестивым

60 Парламентарии лично приносили клятву верности папе в обеих палатах в 1556 г., когда в Англию прибыл наделенный специальными полномочиями легат, кардинал Реджинальд Пол.

61 Описываемое выше содержание речи виконта не соотносится с ее текстом, сохранившимся в копии конца XVI в., в которой Монтегю не позволял себе столь резких выпадов в адрес короля Генриха VIII.

62 В число претендентов на руку молодой Елизаветы входил представитель одной из знатнейших семей Англии, католик граф Эрэндел (Генри Фицалан, 1512–1580).

63 Пс 57:5.

64 Виконт Монтегю соблюдал предписанные парламентским актом 1559 г. регулярно присутствовать на богослужении в приходской церкви.

человеком⁶⁵, но слишком боязливым. Тот, поддаваясь порой духу времени, не смел называть этот поступок грехом⁶⁶. Когда же тот священник скончался, и он принял в своем доме другого⁶⁷, этот духовник с подобающей его сану храбростью объяснил виконту, что присутствие на еретической службе есть тяжкое преступление, ненавистное Богу и церкви, губительное для его души. Виконт вовсе не пытался оправдать себя, и (как мне рассказывал присутствовавший там человек) немедленно снял шляпу, опустил на колени и движением всего тела и словами дал понять, что отдает себя суждению католической церкви, благочестиво обещал никогда больше не ходить на еретические службы, и выполнял обещанное до конца жизни. Об этом благородном дворянине можно было бы рассказать еще немало, но избранный мною предмет влечет меня в иную сторону, поэтому я добавлю лишь одну историю, чтобы читатель узнал, каким благочестивым образом этот достойный человек закончил свою святую жизнь. Когда Господу было угодно отчистить ржу его грехов при жизни, он заболел тяжелой болезнью, неотступно мучившей его. По мнению многих, эта болезнь настигла его из-за колдовства (и он сам так думал), но хотя некоторые колдуны обещали вернуть ему прежнее здравие, если бы он только согласился, виконт не только не дал согласия на их

---

65 Альбан Лэнгдейл (1532–1580) – католический богослов, выпускник Кембриджского университета, участник Вестминстерских дебатов 1559 г., архидиакон Чичестера в конце 1550–х гг. С 1560 г. и до конца жизни – капеллан виконта Монтегю (официально – наставник его детей и внуков).

66 В своем сочинении, посвященном допустимости для католиков посещения приходских (протестантских) церквей, как того требовал закон, Лэнгдейл утверждал: лишь католические священники обязаны от этого воздерживаться; миряне же могут иногда подчиняться закону во имя сохранения общины.

67 Возможно, имеется в виду Роберт Грей, капеллан виконта в 1580–х гг.

нечистые дела, но, не желая никакой помощи от рабов Сатаны, запретил друзьям использовать такие средства ради восстановления его здоровья. И таким образом, словом и делом провозгласив вместе с Псалмопевцем: *Melior sibi mesericordiam Dei esse super vitas*⁶⁸, *Милость Господня лучше, нежели жизнь*⁶⁹, очистившись долгим мытарством, он благочестиво окончил свою жизнь в Господе нашем.

ГЛАВА V

О ВЗАИМНОЙ ЛЮБВИ ЛЕДИ МАГДАЛЕН И ЕЕ МУЖА, О ЕЕ ДЕТЯХ И РЕДКОЙ ЛЮБВИ К ДЕТЯМ МУЖА.

Из рассказа о благочестии виконта читателю будет легко сделать вывод о том, как вела себя его жена, которая сама была склонна к набожности в силу своей природы и воспитания, а побуждаемая примером мужа, еще быстрее шла по пути добродетели. Они прожили вместе 36⁷⁰ лет в большой любви и дружбе. Когда я писал об этом, мне случайно попало в руки письмо доктора Лэнгдейла, который долгие годы был их исповедником. В этом письме, свидетельствующем об их любви и благочестии, он говорит: *Всех благ вам, любящие супруги, единые умом, любовью и (что редко встречается в нашем мире) благочестием.* Она (как писал Св. Августин о Св. Монике), *соединившись с мужем, служила ему как господину, а Бог создал ее прекрасной, почтительной, любящей и достойной восхищения супруга.* У мужа было восемь детей от леди Магдален: благородные рыцари сэра Джордж Браун⁷¹ и сэра Генри Браун⁷², и Элизабет⁷³, супруга лорда Дормера⁷⁴. Я

68 Ps 62: 4 – Quoniam melior est misericordia tua super vitas.

69 Пс 62:4 – Ибо милость Твоя лучше, нежели жизнь.

70 33 года (с 1558 по 1592 г.).

71 Сэр Джордж Браун (ум. 1615)

72 Сэр Генри Браун (ок.1562–1628)

умолчу об их добродетелях (по совету мудрецов), ибо они еще живы⁷⁵. Остальные дети либо умерли молодыми, либо не вступили в брак и не оставили детей, за исключением госпожи Джейн Браун⁷⁶, в добродетели подобной своей матери. Она вышла замуж за Фрэнсиса Лейкона, эсквайра, и родила ему много детей⁷⁷. Леди Магдален нежно любила своих детей и (когда могла это сделать без ущерба другим) всегда стремилась способствовать их счастью. Однако у ее мужа был единственный сын⁷⁸ от покойной жены⁷⁹, хрупкого сложения и слабый; и хотя только он стоял между ее сыновьями и наследством их отца, она, тем не менее, так пеклась о его здоровье, как если бы он был ее собственным ребенком. Да и его отпрыск, благороднейший виконт Монтегю, ныне носящий этот титул⁸⁰ на словах (как я его понял) и в письмах (которые мы позднее увидим) приписал благополучие в своей жизни и жизни отца редкой заботе мачехи, что подтверждают и свидетельства других. И когда ей выпал случай значительно увеличить наследство своих сыновей из-за оскорбления, нанесенного ее мужу (как он подумал), она не только не воспользовалась им к ущербу наследника своего пасынка, но успокоила мужа и примирила его с сыном. Настолько велики в ней были ее любовь к мужу, которую она внушила всем своим детям, внутреннее благородство ума, и, наконец, лю-

---

73 Элизабет Браун (ум. 1631).

74 Роберт, 1-й барон Дормер (1561–1616).

75 На момент написания латинской версии книги в 1609 г.

76 Джейн Браун, супруга сэра Фрэнсис Лейкона из Уили.

77 В браке родилось три сына и три дочери.

78 Сэр Энтони Браун. См. примеч. 8. Сэр Энтони был единственным сыном, но не единственным ребенком своей матери: у него была сестра-близнец, Мэри Браун (1552–1607), в браке — графиня Саутхэмптон.

79 Джейн Рэдклиф. См. примеч. 6.

80 2-й виконт Монтегю. См. примеч. 3.

бовь к Богу. В этом деле она показала достойный пример всем мачехам и обрела благодаря этому такую любовь нынешнего виконта, в какой его не могли превзойти ее собственные дети.

Хотя в то время, когда умирал ее муж, она сама, по мнению многих, находилась при смерти, однако любовь придала ей сил и она, поднявшись с постели, держала его в объятиях, пока он испускал последний вздох. Как писал Св. Иероним о благороднейшей вдове Св. Павле: *она так оплакивала его, как если бы желала умереть с ним вместе; она так отдавалась служению Богу, как если бы желала его смерти*⁸¹. Если ранее, связанная узами брака, она обязана была (говорит апостол) думать о том, как угодить мужу, теперь же, когда узы были сняты, и она обрела большую свободу, чтобы предаваться добродетели, то полностью посвятила себя Богу. Однако она не пренебрегала заботами о душе мужа, по которой приказала служить заупокойную мессу дважды в неделю, и сама произносила поминальные молитвы. Каждый год она торжественно поминала его в годовщину смерти, и часто, отдыхая и по другим случаям, вспоминала его с благодарностью со словами: *да будет Господь милостив к тому, кто оставил меня.*

Теперь же, оставив ее мужа, перейдем к ее добродетелям. Прежде, чем я начну говорить, мне должно объявить, что я не знаю их всех, и не способен описать ни одну из них подобающим образом. Ибо, как признавал красноречивейший отец церкви, Св. Иероним, *даже если бы все члены его тела превратились в языки, и заговорили по-человечески, и тогда он не смог бы отдать должное добродетелям Св. Пав-*

---

81 Послание 108 Св. Иеронима к Св. Евстохии.

лы⁸². На что же могу надеяться я, недостойный даже носить книги Св. Иеронима? Однако мне предстоит составить жизнеописание вдовы, равной Св. Павле благородством и подражавшей ей в добродетели. Поэтому я отчасти последую за теми художниками, которые, когда им нужно изобразить на полотне армию, изображают лишь нескольких солдат в правильной пропорции, а от всех остальных там только головы, верхушки шлемов или наконечники копий. Таким образом, они показывают, что число воинов велико, но это скорее подразумевается зрителем, а не представлено его взгляду. Так и я, обязавшийся рассказать о жизни этой благочестивой госпожи, смогу описать лишь несколько ее добродетелей, о которых знаю сам, и предоставлю остальное разумению читателя. И в этом случае я наверняка сочту карандаш художника счастливее, нежели мое перо, потому что художник может изобразить всю фигуру и истинную пропорцию ее членов, тогда как мое перо неспособно полно и точно описать хотя бы одну добродетель моей госпожи. Всем, кто ее знал, очевидно, что я не преувеличиваю, и разумный читатель поймет это из моего изложения.

ГЛАВА VI

ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ СМИРЕНИИ ЛЕДИ МАГДАЛЕН

Знаменитый отец церкви, Св. Иероним пишет в житии Св. Павлы: *первая и главнейшая христианская добродетель есть смирение*⁸³. Как говорит Св. Иоанн Златоуст, *это — корень, мать и наставница, опора и связь всех добрых вещей*. Поэтому, приступая к описанию добродетелей этой благочестивой женщины, начнем с ее смирения. Оно проявлялось в

---

82 Там же.

83 Там же.

ее речи, манере, одежде и поступках. Она говорила мягко и спокойно, без насмешки, и была всегда готова скорее уступить, нежели спорить даже с нижестоящими. Она не гнушалась говорить с любимым, и когда выходила из дома, порой пользовалась случаем завести разговор с бедными людьми, которые ей попадались, иногда заходила в их дома и дружелюбно расспрашивала об их делах. Она вступала в разговор с любимым честным человеком, и навещала бедных с тем, чтобы соседи зауважали их.

После смерти мужа, когда она уже не должна была улаживать мужской взгляд, ее наряд был так прост, что, как пишет Св. Иероним о Св. Павле: *тот, кто не знал ее, никогда бы не догадался, кто она, но принял бы ее за последнюю прислугу*. По обычным дням она носила на голове простой льняной чепец и шляпу, какие в Англии обычно носят служанки. Но по праздникам (в их честь) она надевала французский чепец [арселе]. Летом ее платье было из саржи, а зимой — из хлопка; поверх него она, чтобы защитить плечи от холода, обычно носила простую ирландскую накидку. Она никогда не носила вязаных чулок⁸⁴ из шелка, гарусной пряжи или шерсти, а только из каразеи⁸⁵. Ее сорочка была из грубого льна, носить который для знатной женщины считается наказанием. Леди Магдален никогда в жизни не причесывалась и не надевала украшения перед зеркалом, что для знатной женщины и придворной дамы можно полагать чудом, поскольку в этот порок впадают многие в остальном благочестивые женщины. Ведь, как писал Св. Иероним о Блезилле, она весь день смотрелась в зеркало, чтобы увидеть желае-

84 До 1590-х гг. все чулки делались вручную, и лишь затем появились вязальные станки. Именно новомодных чулок более тонкой работы и не носила леди Монтегю.

85 Каразея — грубая шерстяная ткань.

мое. А к чему женщина стремится сильнее, нежели к украшению лица, ведь *dum moliuntur* (как говорится), *dum comuntur, annus est*⁸⁶. Год нужен, чтобы одеться и украсить себя. И чем же должна гордиться женщина, пренебрегающая своим лицом? Достоинно восхищения, что наша Магдален была свободна от этого недостатка, которому поддавалась в юности даже Св. Павла, по признанию Св. Иеронима, а именно, раскрашиванию лица румянами, белилами и другими средствами. В ее обычае было украшать душу добродетелями, а зеркалом, в которое она ежедневно смотрелась, была ее совесть, как станет ясно из последующего повествования. А если же говорить о ее делах смирения, то чем же иным была вышеупомянутая история, когда в своей нежной юности она без приказа и распоряжения своей госпожи несла такую низкую службу? Чем иным был другой ее обычай, которому она часто предавалась, а именно, присутствовать при родах бедных низкорожденных женщин, и помогать им, что она и делала собственноручно?

Есть много достойных и ясных подтверждений ее глубокого смирения, однако из всех остальных одно является наиболее ярким, и известно оно мне одному. Когда она выбрала меня себе в исповедники, я посоветовал ей использовать некий метод вопрошания совести, более подходивший ей (по моему мнению), нежели тот, к которому она прибегала ранее. При этом я, по-видимому, выразился столь неясно, что благочестивая леди подумала: я заподозрил ее в неискренности и нежелании открыть все грехи на исповеди. И как вы думаете, что же сделала эта знатная и высокопоставленная женщина, когда (как она полагала) ее честь была затронута

---

86 Теренций, Самоистязатель. Акт 2. Сцена 2: Пока прихорашиваются, пока наряжаются, год прошел (лат.)

несправедливым (как она подумала) обвинением в страшном преступлении — святотатстве и оскорблении Бога во время принятия таинства? И все это от того, кого она сама ценила так высоко, что выбрала в наставники и пастыри ее души! Что же она сделала, говорю я? Подала ли она хоть один знак своей обиды словом, делом или жестом? Стала ли искать себе оправдания, или потребовала объяснить, что подвигло меня судить ей так строго? Ни то, ни другое: поклонившись самым почтительным образом, она удалилась и целую неделю не подавала никаких признаков недовольства. Но когда Господь всемогущий таким образом испытывал смирение и терпение своей служанки, чтобы тем самым, вероятно, дать мне понять, какую смиренную душу Он вверил моему попечению, Он побудил ее спросить меня во время следующей исповеди, почему я решил, что она что-то утаила от меня в прошлый раз, причем больше полагалась на мое суждение, нежели на свою невинность, и не сомневалась в том, что я сумел увидеть нечто, ускользнувшее от нее самой. О великое смирение! О глубочайшее отречение души этой великой госпожи! Поистине великой, ибо в своих глазах она была малой. Некоторые исповедники могли бы опечалиться тем, что от них требовали отчета в мельчайших грехах, лежавших на их совести, другие сочли бы оскорбительными вопросы об прегрешениях, возникавшие вместе с обоснованным мнением их виновности. Но эта смиренная и истинно раскаявавшаяся женщина принимала не только вопросы о ее грехах (и даже желала их всей душой), но стремилась быть осужденной, и не за небольшие прегрешения, но за самые тяжкие грехи, и в своем смирении больше боялась суждения духовника, нежели полагалась на свидетельство собственной совести.

И если мы станем оценивать достоинство других ее добродетелей по глубине ее смирения (как поступил тот, кто по стопе Геркулеса измерил всю статую), то придем к бесспорному выводу, что редкое смирение этой души сопровождалось множеством совершенных добродетелей. Ибо там, где Господь заложил такой прочный фундамент смирения, Он, несомненно, возвел прекрасное здание добродетели. Ведь там, где много смирения, там — святость. И как святейшая Мать Христа и Его Предтеча превосходили всех смирением, так они превосходили всех и в святости.

По причине ее смирения она имела обычай часто говорить: она – всего лишь мешок с навозом. А когда во время последней болезни ей однажды не понравилось питье, она, внезапно опомнившись и залившись горькими слезами, воскликнула: *почему же мне не понравилось питье, ведь для меня любое питье будет слишком хорошо?* В конце концов, она настолько преуспела в борьбе с гордыней, что незадолго до смерти, уповая на Бога и, пребывая в состоянии душевного покоя, сказала мне: впредь гордыня ей не страшна. О счастливая женщина, на земле сумевшая возобладать над грехом, низвергнувшим херувимов с небесных высот и изгнавшим наших прародителей из Рая, над грехом, являющимся смертельным врагом благочестия! Ведь подобно тому, как трудно потушить огонь, трудно не желать славы, совершив нечто, достойное хвалы. Насколько же высоко вознес Господь теперь эту женщину, ведь Он обещал вознести смиренных! Она, по справедливости, может претендовать на место падших ангелов, ибо вознеслась из-за смирения, а они пали из-за гордыни!

ГЛАВА VII

О ЕЕ ОЧЕВИДНОМ ЦЕЛОМУДРИИ

Следующая добродетель этой женщины, о которой мы расскажем, — ее целомудрие. Оно прекрасно в людях обоих полов, ибо, как свидетельствует Писание, *нет достойной меры для воздержной души*⁸⁷. Но особенно сияет оно в женщине, как ярчайший цветок в ее венке, ибо, как говорит то же Писание, *Gratia super gratiam, mulier sancta & pudorata*⁸⁸. Женщина же, лишенная этой добродетели, *tanquam stercus in via conculcabitur*⁸⁹, как говорится в той же Книге. Но целомудрие этой женщины равнялось ее смирению, чему она давала подтверждение в годы девичества, замужества и вдовства. Однажды, когда она была фрейлиной при дворе, король Филипп, супруг королевы Марии, из молодого озорства открыл окно в комнату, где леди Магдален в это время умывалась, и шутя заключил ее в объятия. Другая, пожалуй, сочла бы это за великую честь и возрадовалась, но она, зная, что целомудрие подобно цветку и вянет от малейшего прикосновения, и беспокоясь больше о своей чистоте, нежели о величии короля, взяла в руки лежавший рядом посох и сильно ударила короля по руке. Благоразумный король не только не обиделся на этот поступок, но стал уважать и почитать ее еще больше. Вы думаете, она презрела бы другую, которая таким образом отвергла бы короля? И чего бы еще она ни сделала против нескромной шутки короля?

Когда она была замужем, то вела себя так, как Св. Иероним пишет о Св. Павле: она была примером всем матронам и

---

87 Сир 26: 19.

88 Сир 26: 18 — Благодать на благодать — жена стыдливая.

89 Сир 26: 9 — берущий ее — то же, что хватающий скорпиона. (Дословно с латыни — раздавленный на дороге навоз).

вела себя так, что злые языки сплетников не смели ее коснуться. Ибо кто когда-либо мог обвинить ее в бесчестии? Кто когда-либо слышал от нее нечистые речи? Кто мог обвинить ее в нескромном взгляде? Кто мог обнаружить в ней нецеломудренное чувство? А ведь у нее было достаточно возможностей для неверности, ведь ее муж трижды уезжал из Англии⁹⁰, и хватало распутных кавалеров из знатнейших семейств, желавших ее к этому склонить. Но когда она понимала, к чему ведут их речи, то отвергала их с таким благочестивым негодованием, что они не пытались поступить так во второй раз. Таким образом, ее целомудрие было столь явным и хорошо известным, что подавляло поползновения самых бесстыдных и связывало их языки, заставляя их устыдиться и отказаться от попыток не только сделать, но даже и произнести что-нибудь нескромное в ее присутствии.

Хотя она и не избрала высшую степень целомудрия, то есть, девственность, это можно скорее приписать недостатку доброго совета (которого, к ее сожалению, она была лишена в юности), а не отсутствию рвения к наилучшему. Ибо когда ей исполнилось 18 лет, и она была молодой женой, ее супруг отправился сражаться при знаменитой осаде Сен-Кантена⁹¹; тогда она приняла твердое решение: не знать другого мужчины, если он погибнет. Так что мы можем заключить словами Св. Иеронима о Св. Павле: *вступив в брак, она день и ночь не думала ни о чем другом, кроме как, обретя плод су-*

---

90 Виконт Монтегю отправлялся с посольством в Рим к Папскому престолу (1555–1556 г., см. примеч. 58), в Испанию, ко двору короля Филиппа II (1560 г., см. примеч. 53) и в Нидерланды (в 1565 и 1566 г.).

91 В 1557 г. армия Габсбургской коалиции (в которую входила и Англия), осаждала удерживаемый французами Сен-Кантен. Виконт Монтегю был лордом-лейтенантом (заместителем командующего) английским контингентом и вместе со своими солдатами участвовал в победоносном штурме города 27 августа 1557 г.

*прудства, достигнуть второй степени целомудрия*⁹². Когда ее муж умер, лорд Кобэм⁹³, наделенный состоянием, знатностью и властью в королевстве, хотел жениться на ней и предложил ей большую долю имущества, но она дала ему такой решительный отказ, что другие поклонники ее не побеспокоили. Такой пример необычен для Англии, где в наше испорченное время знатные дамы после смерти мужей, не найдя себе равных по званию, выходят замуж даже за слуг или людей низкого звания⁹⁴. Так жила эта благородная дама, *непорочная* (как говорит Св. Павел) *среди строптивного и развращенного рода, в котором она сияла, как светило в мире*⁹⁵.

И хотя все эти доводы указывают на редкое целомудрие, я добавлю еще один, еще более редкий и яркий. Хотя правдивость его подтверждается лишь ее собственным свидетельством, *Господь дает, разделяя каждому особо* (говорит апостол), *как Ему угодно*⁹⁶, наделяя дарами своих слуг, а она была столь достойной леди, что никто из знавших ее не заподозрит, что она из тщеславия обманывала духовника; поэтому я не сомневаюсь, что беспристрастный читатель поверит. Вот о чем шла речь: что за всю жизнь она никогда не чувствовала невольных укулов или (как это называют) вос-

92 Послание 108 Св. Иеронима к Св. Евстохии.

93 Уильям Брук, 10-й барон Кобэм (1527–1597) овдовел одновременно с леди Магдален.

94 Возможно, здесь присутствует намек на падчерицу леди Магдален, Мэри Браун, графиню Саутхэмптон (1552–1607), прямые упоминания о которой в тексте отсутствуют. Мэри Браун в 1566 г. вышла замуж за Генри Ризли, 2-го графа Саутхэмптона (1545–1581), а после его смерти вышла замуж еще дважды. В 1594 г. она стала женой сэра Томаса Хинеджа (1532–1595), вице-камергера королевского двора, а в конце 1598 г. вступила в третий брак с сэром Уильямом Херви (1565–1642), молодым придворным из не слишком знатного сассекского рода.

95 **Фил. 2:15.**

96 **1 Кор. 12:11.**

стания плоти, силой которого ее разум мог бы подчиниться похоти. О удивительное целомудрие! Редкое причащение вкусу невинности! О чудесное подтверждение любви к ней Бога! Какой же чистотой одарил Господь ее душу, столь украсив тело? Я мог бы рассказать больше об этой целомудренной женщине, но, как сам Св. Иероним писал в житии Св. Павлы: *я вынужден опустить многое, иначе превзойду предел правдоподобия, и враги обвинят меня во лжи*. Но насколько же целомудренную душу она имела, подумайте вы, чтобы суметь освободиться от жестокого внутреннего врага ее чистоты? Если враг нашептывал ее душе то, к чему не побуждало ее тело, то, если она бодрствовала, немедленно изгоняла эту мысль из своего ума, плевками и другими внешними жестами показывая, как отвратительна ей она была. Если же это случалось во сне, когда разум не имел силы помочь ей, ее тело так боролось с низменными побуждениями, что будило ее ум, а после этого победа оказывалась легкой. Счастлива женщина, чья плоть свободна от низости! А ведь даже святые мужи (как говорит Пророк), *весь день сетуя ходят, ибо чресла их полны воспаления*⁹⁷. Св. Григорий считал редкой степенью целомудрия состояние, когда *божественная благодать* (говорит он) *наделяет воздерживающихся даром не чувствовать уколы или бурные движения плоти*⁹⁸. Однако эта женщина совсем не чувствовала плотских искушений. Какое чудо целомудрия потеряла земля! Сколь многое приобрели небеса с ее смертью! Теперь же перейдем к ее терпению.

---

97 Пс. 37:7–8.

98 6 Moral c.27. Григорий Великий. Моралии на Книгу Иова. Кн. 7. Гл. 27.

ГЛАВА VIII

О ЕЕ РЕДКОМ ТЕРПЕНИИ

Наш Спаситель сказал, что терпение необходимо каждому человеку, и провозгласил, что им мы спасаем наши души⁹⁹, а без него человек не владеет собой, но все больше и больше охватывается страстями. Эта добродетель у леди Магдален не уступала предыдущей. Все, что знали ее, восхищались ее терпением, проявлявшемся не в определенном обществе и по отдельным случаям, но на протяжении всей жизни. Она вела себя терпеливо не только по отношению к равным, но и к домочадцам и слугам. Она обычно воздерживалась от упреков в адрес последних, если они сердили ее, чтобы (как она часто говорила) не разгневаться, всегда заботясь о терпении и спокойствии ума, а не о сохранении земного имущества. Когда ей сообщали о проступке, заслуживающем наказания, она говорила: иди и отругай такого-то. Она сама была настолько далека от греха ругани, что понимала не все слова, какие люди обычно произносят в ссоре, поэтому, когда незадолго до смерти она услышала, как одна женщина бранит другую, то прямо сказала, что никогда до этого не знала подобных речей. Она имела обыкновение говорить: доброе слово так же легко произнести, как и дурное. Когда один ее слуга спрятался под кроватью, на которой лежала она с мужем, чтобы услышать, какой совет она даст мужу, и сообщить об этом другим, то узнав об этом дерзком и бесстыдном поступке, она не только скрыла его от мужа (на что решились бы немногие женщины), но и не помешала слуге потом пользоваться его милостью. То несомненно был акт великого терпения — ни в коем случае не мстить за бесстыдное оскорбление, нанесенное слугой, но еще большее

---

99 Лк 21:19.

терпение требовалось, чтобы скрыть это дело, а самое большое было в том, чтобы, по ее обыкновению, милостями побудить противников к признанию.

Ее терпение настолько возобладало в отношении двух злейших ее врагов, что они на коленях просили прощения за свои прегрешения. Ее терпение было тем более похвально, что по натуре она была холерического темперамента¹⁰⁰, а после смерти в ее теле было обнаружено так много желтой желчи¹⁰¹, что те, кто это видел и знал ее прижизненную кротость, был этим изумлен. Ее манера разговаривать была нежной и кроткой и привлекала в ее общество людей всех сословий, и, что особенно восхитительно, люди всех возрастов и состояний и обоих полов любили беседовать с ней. Она же приспособлялась к вежливым манерам любого, однако не допускала ничего, недостойного себя и неподобающего ее возрасту и достоинству. Она не желала никого обижать словом, жестом или поступком, и, чтобы не давать никому повода для жалоб, принимала на себя все неприятное. Подобно тому, что Св. Августин называл даром Божиим его матери: *она никогда не говорила одному о другом такого, что не вело бы к их примирению*¹⁰². Это было замечательное и редкое качество леди Магдален. Она сохраняла такое терпение не только в полном здравии, но и в тяжелейшей болезни, как станет ясно из рассказа о ее последней болезни, когда, не довольствуясь страданиями, причиненными ей недугом, она ча-

---

100 Холерический темперамент, в соответствии с теорией гуморов, описывался как горячий и сухой, склонный к гневливости и вспыльчивый. Обычно наличие этого темперамента в силу его жара приписывали мужчинам.

101 Т.е., собственно, желчь. Избыток желчи, как считалось, вызывал приступы агрессии.

102 Бл. Августин. Исповедь. Кн.9. Гл. 13.

сто обращалась к Богу с такими словами: О Господи, дай мне побольше боли и побольше терпения.

ГЛАВА IX

О ЕЕ НЕУКОСНИТЕЛЬНОМ ПОДЧИНЕНИИ

Из того, что мы рассказали об удивительной кротости благочестивой дамы, можно сделать вывод о том, какой почитательной она была. Ибо что бы погнушалась сделать столь смиренная особа? Какой приказ отказалась бы выполнить та, что без всякого распоряжения выполняла самую низкую службу? И с каким же тщанием, думаете вы, подчинялась она мужу, столь внимательному к своей госпоже? Вне всякого сомнения, она неукоснительно повиновалась родителям, за что Господь ее благословил долгой жизнью, всегда подчинялась мужу и точно следовала его воле; по этому поводу она любила говорить, что оставила свою волю в Сент-Джеймском дворце, где обвенчалась. Кроме этого, в делах веры она подчинялась своему духовнику, и здесь я мог бы привести множество примеров, но удовольствуюсь лишь одним. Эта смиренная и покорная дама по совету врача и по настоянию духовника во время своей последней болезни согласилась есть мясо даже в Пепельную Среду¹⁰³ (чего никогда в жизни не делала и всячески избегала во имя любви к Богу). Однако она предпочла просьбу своего исповедника собственной воле и давнему благочестивому обычаю. Тем не менее, она сделала это с осторожностью, опасаясь скандала¹⁰⁴, и потому приказала увести подальше маленьких вну-

103 Первый день Великого поста у католиков, когда головы верующих посыпаются освященным пеплом.

104 В религиозной полемике раннего Нового времени скандал подразумевал действия, которые сами по себе могли быть оправданы, но внешне выглядели как нарушение правил и могли ввести в соблазн зрителей/слушателей, незнакомых со всеми обстоятельствами дела.

ков, чтобы они, еще неспособные понять причину ее действий, не истолковали бы их превратно. По этой же причине, когда вошедший в ее комнату протестант застал ее за поеданием мяса во время Великого поста, она не преминула объяснить ему, что поступает так не из-за чревоугодия, или пренебрежения церковными правилами, но в подчинение церкви, которая по совету духовных и светских целителей дает больным разрешение есть мясо. В другой раз, когда ей в качестве утешения было сказано, что она, будучи столь слабой, обретет больше заслуг, если съест мясо по совету обоих ее целителей, нежели другие благодаря посту, леди Магдален попросила воздержаться от таких речей, чтобы склонные к чревоугодию люди не стали пренебрегать постом. Но в ответ ей было сказано, что не еда как таковая, но та, которую избрали из повиновения, предпочтительнее поста, потому что пост означает просто воздержание от мяса, тогда как поедание его из подчинения есть отрицание собственной воли, которую люди предпочитают самым лучшим яствам; поэтому ее пример заключается не в поедании мяса, но в том, что она это делала, подчинившись духовнику, а не собственной воле, и тут у нее не будет много подражателей. Услышав эти слова (говорю вам), она замолчала, а затем объявила, что на все согласна, и часто произносила такие слова: *Делайте со мной, что хотите, ибо у меня больше нет своей воли*. Ее покорность во время мучительной болезни, выражавшаяся либо в том, что она отказывалась от желаемого, либо принимала то, что ей предлагали, вызвало большое восхищение ухаживавших за ней женщин, потому что им стало легко управляться с ней, как с малым ребенком.

ГЛАВА X О ЕЕ ЩЕДРОСТИ К ДРУГИМ

Не станем рассказывать о ее щедрости к брату¹⁰⁵ и родне, или о ее гостеприимстве по отношению к знатым особам, ведь их обычно приписывают природе, а не добродетели. Я укажу лишь на ее щедрость к другим. Она содержала большую свиту, состоявшую из восьмидесяти человек, а иногда и больше, и почти все они — католики. Леди Магдален содержала их не только ради своей чести (что в обычае у знатных людей), но также чтобы укрепить их в католической вере. Им она предоставляла не только изобильную пищу и достаточную плату, но (что более значимо), те же блага Слова Божия и Таинств, какими наслаждалась сама, и свободу от преследований в той мере, в какой ей удавалось обезопасить их от гонений. Такую щедрость следует предпочесть даже раздаче больших сумм денег в качестве милостыни. Ведь в обычной милостыне раздаются лишь деньги, но в благородной щедрости этой госпожи даровались не только деньги, но пища, кров, защита от гонений, исповедание веры и доступ к таинствам, и собиралась и сохранялась видимая церковь, или сообщество католиков.

Леди Магдален содержала в доме трех священников и принимала всех¹⁰⁶, кто к ней приходил, и редко отпускала кого-нибудь, не пожертвовав им энджела¹⁰⁷; она освободила

---

105 Скорее всего, речь идет о Фрэнсисе Дейкре (1539–1633), младшем брате виконтессы, который в 1589–1603 гг. жил в изгнании — в Шотландии, Испании и Франции. Леди Магдален поддерживала с ним переписку (и, возможно, помогала ему деньгами), а также часто оказывала гостеприимство его дочерям, оставшимся в Англии.

106 Имеются в виду католические священники, тайно работавшие в Англии.

107 Золотая монета. В начале XVII в. стоила 11 шиллингов.

из тюрьмы двоих за свой собственный счет¹⁰⁸ и пыталась сделать то же самое для других, и давала деньги другим католикам в целом и отдельным людям. Каждые два дня у ее ворот раздавали щедрую милостыню бедным, так что некоторые богатые протестанты жаловались, что она увеличивает число попрошайек и питает их лень. Когда она не молилась, то проводила много времени за шитьем рубах и сорочек для бедных мужчин и женщин, и в этом занятии находила большое удовольствие. Порой, когда у нее было время, она навещала бедняков в их домах, и посылала им лекарства, еду, дрова или деньги, по их нужде, а если не могла сделать этого сама, посылала своих дам. Такого рода благотворительности она не прекращала и во время последней болезни, и даже тогда интересовалась, как там бедняки, и горевала об их болезнях в то время, когда сама больше всех нуждалась в сочувствии.

ГЛАВА XI

О ЕЕ РВЕНИИ И ПОСТОЯНСТВЕ В УКРЕПЛЕНИИ И ИСПОВЕДАНИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ВЕРЫ

Нам следует с благодарностью исповедать веру Господню, что следует из слов Спасителя: *всякого, кто исповедует меня пред людьми, того исповедую и Я пред Отцом Моим Небесным*¹⁰⁹. Леди Магдален была постоянна не только в сохранении, но и в исповедании веры Христовой, и это явствует не из одного поступка, а из всего течения ее жизни. Ибо она оставалась постоянной в вере в самые бурные и смутные времена, подверженные переменам при королях Генрихе VIII и Эдуарде VI, и королеве Елизавете. А если в начале царство-

---

108 То есть, выплатила за них залог.

109 Мф 10:32.

вания королевы Елизаветы она и ходила иногда в церкви еретиков, это можно приписать скорее недостатку наставлений, нежели нехватке рвения. Когда же она поняла, что это незаконно, она стала упорно избегать этого. И хотя при королеве Елизавете она не претерпела никаких гонений за веру, позднее она была однажды обвинена перед узурпатором Кентерберийской кафедры¹¹⁰, ее дом дважды обыскали¹¹¹ и однажды нашли и посадили в тюрьму священника¹¹²; тем не менее, она готова была вынести все, что угодно Господу, и обличала ересь на погибель последней.

У нее было два прекрасных дома, и один из них располагался на берегу Темзы близ Лондонского моста¹¹³. В нем с самого начала преследований при королеве Елизавете было всем известное убежище для священников, прибывающих в Англию и покидающих ее, а также и приют для тех, кто постоянно жил в Лондоне; там всегда находился один священник, который отправлял таинства для приходивших туда католиков. В этом доме случились события, достойные внимания, о которых я считаю нужным рассказать.

Когда в часовне этого дома (который раньше принадлежал каноникам-августинцам¹¹⁴) стали рыть на том месте, где некогда стоял алтарь, под ним, или рядом с ним обнару-

---

110 В 1606 г.

111 В 1599 и 1606 гг. обыскивали лондонский дом леди Монтегю.

112 В 1593 г. в доме виконтессы в Сассексе был арестован престарелый капеллан ее покойного мужа Энтони Гарнет, а несколько недель спустя в Йоркшире — бывший капеллан Монтегю Ричард Грей. Обоих выпустили из тюрьмы в 1594 г.; возможно, именно за их освобождение леди Магдален вносила залог.

113 Монтегю-хаус в Саутуорке.

114 До роспуска монастырей будущей Монтегю-хаус (а также и церковь Св. Христа Спасителя в Саутуорке) принадлежали обители каноников-августинцев.

жился свинцовый гроб, а в нем — тело монаха, завернутое в пелены и стянутое веревками. Он был похоронен много лет назад, однако, когда его нашли, тело оставалось гибким и такого естественного цвета, что казалось живым. Леди Магдален, как она сама мне говорила, залезла ему пальцами в рот и потянула за язык, красный и сухой, а другой человек сделал надрез в его плоти, внутри оказавшейся плотной и сохранившей жир, при этом не было никаких признаков бальзамирования или других способов предохранить тело от тления. Многие достойные доверия свидетели этого события еще живы.

Другой ее дом, находившийся в четырех милях от Гастингса, знаменитого поля битвы между Вильгельмом Завоевателем и королем Гарольдом¹¹⁵, называется Бэттл¹¹⁶; там она жила большую часть времени с семьей. В нем она содержала трех священников. Одним из них был Томас Мор¹¹⁷, правнук и прямой потомок знаменитого сэра Томаса Мора¹¹⁸, некогда лорд-канцлера Англии и достойнейшего мученика. Решив наследовать не земли прапрадеда, но его добродете-

---

115 Имеется в виду битва при Гастингсе (14 октября 1066 г.).

116 Город Бэттл (от англ. Battle, сражение) вырос вокруг бенедиктинского аббатства Св. Мартина, построенного Вильгельмом Завоевателем и его сыном на месте битвы при Гастингсе во искупление грехов, совершенных ими во время покорения Англии. После роспуска монастырей в 1538 г. земли и здания аббатства достались сэру Энтони Брауну, отцу 1-го виконта Монтегю.

117 Томас Мор (1565–1625), правнук св. Томаса Мора, учился в Английских коллегиях Реймса, Вальядолида и Севильи. В 1594–1609 гг. — капеллан леди Магдален и 2-го виконта Монтегю. Позднее покинул Англию; представлял интересы английского католического духовенства при испанском дворе и Папском престоле. Умер в Риме.

118 Св. Томас Мор (1478–1535) — английский гуманист и политический деятель. Лорд-канцлер Англии в 1529–1534 гг. Мученик католической церкви (казнен за отказ признать короля главой церкви Англии).

ли, он уступил большое состояние младшему брату¹¹⁹ и, будучи щедро одарен ученостью и добродетелями, стал священником, полностью посвятив себя обращению своей страны. На этой ниве он достохвально трудится вот уже двадцать лет. Другим был Томас Смит¹²⁰, бакалавр богословия, муж, почтенный своей ученостью, ревностным благочестием и неустанными трудами на благо страны, а также и преклонными годами. Третьим был я¹²¹. Они несли Слово Божие и таинства не только леди Магдален и ее семье, но и всем приходившим туда католикам. В своем доме она построила часовню (что достойно восхищения во времена гонений) и возвела в ней прекрасный каменный алтарь, вознесенный на ступени и отделенный преградой. Чтобы все было по правилам, она устроила там хор для певцов и кафедру для проповедника, чего, пожалуй, и не бывало еще в Англии.

Там почти каждую неделю проповедовали, и по праздникам служили торжественную мессу с хором и музыкой, а порой — также и с диаконами и субдиаконами. Туда сходилось так много католиков, что иногда собиралось 120 человек, и 60 человек удостаивалось счастья причаститься. Число католиков, живших в ее доме и приходивших туда, а также и звание последних, было так велико, что даже еретики, к вечной славе имени леди Магдален, называли ее дом «Малый Рим». О счастливая женщина и истинная хранительница римской веры там, где само имя Рима ненавистно большинству настолько, что оно готово неустанно трудиться, не жалея сил, чтобы только известить его! Она не только хранила память о Риме, но сделала его столь знаменитым, что заслу-

119 Кресейкр Мор (1572–1649).

120 О Томасе Смите почти ничего не известно. Скорее всего, он принадлежал к поколению католических священников, рукоположенных при Марии I.

121 Ричард Смит был капелланом виконтессы в 1603–1608 гг.

жила это имя для своего дома. Пусть другие называют свои дома, как хотят: одно только имя «Малый Рим», данное еретиками твоему дому, о благородная Магдален, из-за римской веры, что исповедуют в нем, более знаменито и почетно, чем все другие имена!

Когда она присутствовала на мессе или проповеди, то не пряталась из страха предательства со стороны мнимых братьев, как это иногда случается в Англии, но служила Богу открыто, на глазах у всех, чтобы своим примером воодушевить других. А когда она выходила из дома, то при помощи четок или креста, который обычно носила на шее, всем попадавшим навстречу еретикам объявляла о том, что она католичка; ее религия была столь очевидна, что едва ли в Англии нашелся бы слышавший имя Монтегю человек, который не знал бы, что она — католичка.

Она не препятствовала никому приходить в ее дом к мессе, если этот католик был хоть немного ей знаком, говоря: пусть придут бедные люди, они нуждаются в утешении не меньше нас. А то, что вызывало у других страх преследования, для нее было причиной для радости: например, когда по праздничным дням она видела в своей часовне множество католиков, она порой проливала слезы радости и благодарила Бога за то, что с ее помощью столь многие благочестивые души обретают утешение. Столь велика была стойкость этой женщины в защите католической веры, что она дважды давала мне разрешение устроить в ее доме печатню для издания католических книг. Такое делалось раньше¹²², однако при столь многочисленной свите было сложно, практически невозможно скрыть это от еретиков.

122 Брат 1-го виконта Монтегю, сэр Фрэнсис Браун, в 1580–1581 гг. содержал в своем доме тайную типографию иезуитов Роберта Парсонса и Эдмунда Кэмпiona.

Храбрость и постоянство нажили ей врагов среди соседей-еретиков; некоторых из них убедили сообщить ее имя и имена почти всех ее людей судьям по ассизам за несоблюдение закона, предписывавшего раз в месяц ходить в церковь. Этот закон гласил: любой житель страны старше 16 лет за непосещение протестантских церквей в течение месяца подвергался запрету удаляться больше, чем на пять миль, от своего дома, и обязывался, по выбору короля, либо платить 20 ф.с. каждый месяц, либо отдать две трети земель и держаний и все движимое имущество; а если он имел слугу-католика, то за каждого полагалось платить еще 10 ф.с. в месяц¹²³. Леди Магдален стала первой знатной дамой в Англии, обвиненной на основании этого закона. Но она совсем не испугалась этих строгостей и не стала рассчитывать слуг, но, узнав об этом, с приятной улыбкой сказала: *если король возьмет две трети моих земель, я с радостью проживу на оставшуюся треть. Я благодарю Бога за то, что Он позволил мне до сих пор владеть ими, а теперь соизволяет забрать за мою веру.*

Когда возникла угроза обыска в ее доме, она больше беспокоилась о священниках, нежели о себе, а когда во время известного порохового заговора¹²⁴ ее запугивали страшными бедствиями и говорили, что она не сможет содержать в доме священника; она же не поддалась и, прогнав советчика, сказала своему духовнику с мужской храбростью, уповая на Бога: *помолимся и вверим это дело Господу.* И, как и раньше,

---

123 Эти меры предписывались парламентскими статутами от 1581 и 1593 гг.

124 Речь идет о Пороховом заговоре 1605 г. Заговорщики были дальними родственниками Монтегю, поэтому 2-й виконт был предупрежден и не явился на заседание 5 ноября, когда здание парламента предполагалось взорвать. После раскрытия заговора он был немедленно арестован и провел почти год под домашним арестом.

во время своей последней болезни, она строго-настрого заповедала детям, призвала слуг и постоянно увещала всех людей не заботиться о мирских благах, хранить католическую веру и уповать на Господа. Тогда Господь дал ей утешение: благодаря ее примеру и наставлениям удалось вернуть в лоно церкви двоих родственников. Ее благочестию, несомненно, следует приписать и то обстоятельство, что она оставила по себе тридцать детей, внуков и внучек, и все они были тверды в исповедании католической веры. Хотя она нежно любила своих детей, веру она настолько предпочитала природе, что часто говорила: она возрадуется, увидев, как одному из них довелось умереть за католическую веру. Я не сомневаюсь в том, что, если бы Господь решил испытать ее, мы бы увидели в ней храбрость матери Маккавеев¹²⁵.

ГЛАВА XII

О ЕЕ ВЕЛИКОМ БЛАГОЧЕСТИИ

Кормилицы всех добродетелей суть благочестие и любовь к Богу, и в этом отношении леди Магдален была достойна внимания. Она каждый день ходила на утреню и вечерню, которые служили в ее часовне. Обычно она была на трех мессах каждый день, и ходила бы чаще, если бы могла. Она так любила божественную жертву, что, если зимой по какой-либо причине мессу служили до рассвета, она не могла оставаться в постели, несмотря на холод и ранний час, и вставала, не в состоянии отсутствовать при небесном жертвоприношении. В числе личных молитв она ежедневно произносила молитвы Деве Марии, Святому Духу и Святому Кресту, добавляя к ним по крайней мере три молитвы

розария¹²⁶, 50 молитв Св. Бригитте¹²⁷, которые начинаются с О, и потому обычно называются 15 О, и обычные литании, и наконец, порой и заупокойные молитвы. Во время своей болезни она не могла сама произносить эти молитвы, но побуждала других читать их, каждой вверив свою часть.

Тому, что я могу изложить в нескольких словах, она посвящала добрую часть дня и часть ночи проводила в молитве. Встав рано поутру, она обычно проводила большую часть времени, до самого обеда, в молитве. Иногда после обеда она одна шла в часовню помолиться; также перед ужином она проводила час или два в молитве, а перед тем, как отправиться в постель, не забывала прочесть литании и спросить свою совесть. Я как-то заметил, что в Крещенский Сочельник, между часом до полуночи и почти до самого обеда она выходила из часовни лишь ненадолго, чтобы переодеться к празднику, все это время проводя в молитве и благочестивых делах. Ее часто можно было застать в часовне, распростертой на полу в молитве, хотя обычно, когда ее охватывало благочестивое рвение, она закрывала двери. Ночью, когда другие спали, ее дамы слышали, как она читала молитвы розария с четками, которые для этого всегда висели у кровати. Как писал Св. Иероним о Св. Лее¹²⁸, она наставляла семью не словом, но примером, так и ее набожность побуждала всех к благочестию. Хотя возраст освобождал ее от обязанности поститься, она ревностно соблюдала весь Великий пост,

---

126 Молитва Розария, читаемая по четкам, представляет собой чередование молитв Отче наш, Радуйся, Мария и Слава.

127 Цикл молитв, приписываемый Св. Бригитте. Известны по первым строкам, открывавшим каждую из них: О Jesu, О Rex, or О Domine Jesu Christe!

128 Св. Лея Римская (ум. 384) — благочестивая вдова, монахиня. См. послание 23 Св. Иеронима Марцелле.

постные дни во все времена года¹²⁹ и все остальные, предписанные церковью или благочестивым обычаем страны, например, посты по пятницам и некоторые другие; по собственному рвению, к ним она добавила и некоторые среды. О благочестивая женщина, подражавшая святой вдове, которая *не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь*¹³⁰! Она была столь поглощена любовью к молитве, что попечение о мирском богатстве утомляло ее, и она с радостью вверила бы его другим. Иногда она советовалась со мной о том, чтобы полностью посветить свою жизнь Богу¹³¹, однако тут существовали препятствия, которые она не могла устранить.

В своей любви к Богу она выказывала уважение и почтение своим капелланам; утром и вечером она смиренно вставала на колени, прося их благословения; так же она вела себя со всеми священниками, когда они приходили в дом или уходили из него. Такие почести оказывали священникам с момента основания английской церкви, как свидетельствует Св. Беда в главе 26 третьей книги своей Истории¹³². Однако прошло много времени, а из-за частых смертей за католическую веру их осталось немного, ведь за 30 лет 120 священников в Англии увенчались короной мученика¹³³.

По воскресеньям и праздничным дням она очищалась от грехов на исповеди. Перед тем она готовилась в уме и во-

---

129 Периоды постных дней (три дня недели: среда, пятница, суббота), отводимые для поста, молитвы и покаяния четырежды в год (весной, летом, осенью и зимой). Обычно эти дни соблюдались перед большими праздниками.

130 **Лк 2:** 37.

131 То есть, принять монашеские обеты.

132 Беда. Церковная история народа англоv. Кн. 3. Гл.27.

133 В годы царствования Елизаветы I в Англии было казнено 157 католиков, 122 из них были священниками.

прошала совесть. Леди Магдален открывала свои грехи с великой искренностью и оплакивала их множеством слез, так что увидевший их счел бы ее новой грешницей Магдалиной. Однако выслушивавшему ее исповедь приходила на ум невинность Св. Иоанна, отправившегося в пустыню, *чтобы не запятнать своей жизни праздным словом*. Ибо то, в чем она исповедовалась, порой было настолько незначительным, что я счел необходимым советовать ей вспоминать прошлые грехи, иначе не было бы основания даровать ей отпущение. И при том, как я сказал, она столь горько сожалела о них, что трогала меня до слез, и поэтому я старался принять ее исповедь прежде, чем исповедаться самому. Ибо в ней, как Св. Иероним писал о Св. Павле, *ты словно обретаешь источник слезный, она так оплакивает свои мельчайшие грехи, как будто бы ты сочтешь ее виновной в тяжчайших преступлениях*. По крайней мере, раз в год, когда она была на моем попечении, она совершала общую исповедь всех своих грехов, и не по причине особых угрызений, но ради обретения того, о чем просил Пророк, уже получивший прощение за свои преступления, сказав: *омой меня от беззакония моего и от греха моего очисти меня*¹³⁴, с тем, чтобы она могла смирить себя еще больше и всегда видеть свои грехи.

Хотя она всегда была внимательна, вопрошая свою совесть, она часто просила меня, чтобы, если я замечу нечто греховное в ее речах, я не преминул указать ей на это. Она была столь строга к себе, что стремилась к более суровому покаянию, чем того заслуживала, и говаривала, что не встречала духовника, налагавшего на нее подобающие епитимьи. Возможно, по этой причине, на протяжении нескольких месяцев перед смертью она обычно давала мне после ежене-

---

134 Пс 50:4.

дельной исповеди десять шиллингов, чтобы я раздал их как милостыню во исполнение наложенной ею на себя епитимью. Касательно этих денег, стоит отметить, что когда она заболела и не могла, по своему обыкновению, давать мне эту сумму каждую неделю, то приказала одному из слуг отдать мне ее деньги, что были при нем. И этих денег было ни фартингом больше, не фартингом меньше, а ровно десять шиллингов на каждую неделю, которую она прожила.

Таково было благочестие этой женщины, побуждавшее ее исповедоваться часто, с великой искренностью, раскаянием и желанием дать Богу удовлетворение за свои грехи. Отсюда вытекало и ее почитание благословенного таинства Евхаристии. Когда, очистив душу от грехов упомянутым образом, она, охваченная голодом, принимала хлеб жизни, то и приближалась к Христову алтарю, и удалялась от него со слезами на глазах, и приступала к святому празднеству с таким благоговением, которое не могли не заметить все присутствовавшие. Но лишь Тот, кто видит тайны сердца, знает, с каким внутренним рвением, с какой пламенной любовью к Богу она принимала Спасителя в сердце своем.

ГЛАВА XIII

О великом провидении Господнем в отношении леди Магдален

Эта святая женщина всегда заботилась о том, чтобы служить и угождать Господу, поэтому и Он соразмерно тому в Своем провидении заботился о ней; я приведу несколько примеров. Во время замужества ей случилось испытать сильную и неотступную горечь и помрачение ума из-за ущерба, нанесенного ее семье тем (как она иногда говорила), на кого она более всего рассчитывала. Эта напасть меланхолии превзошла искусство врачей, советы и утешения друзей, и Господь Всемогущий, сострадая своей служанке, в конце

концов, послал ей исцеление другими средствами. Во сне (как она мне рассказывала) ей было ясно и четко показано, что нужно сделать для освобождения от внутренней печали. Когда же она сделала это (т.е., дело благочестия), то немедленно выздоровела от помрачения ума, с которым не могли ничего поделаться ни человеческое искусство, ни лекарства и советы. Она часто признавалась, что благодаря этому испытанию она лучше познала саму себя и обрела больше выгоды, чем от чего-либо другого, и поэтому с уверенностью утверждала, что на своем опыте поняла: Бог утраивает все для нашего блага.

Итак, Господь чудесным образом освободил ее от душевного опустошения и обратил его к ее выгоде и утешению. Точно так же Он защищал ее и от телесных врагов. За несколько лет до ее смерти некие протестанты из ненависти к ее вере стремились погубить ее и ее семью, однако они не преуспели в своем злом умысле. Главный из них, сэр Томас Мэй¹³⁵, рыцарь и мировой судья, приказав арестовать слуг леди Магдален, вскоре и сам предстал перед властями и был брошен в тюрьму за долги, где и сидел долгое время, а его тем временем с позором изгнали из мировых судей.

Но источником всех злых умыслов был Николас Кобб¹³⁶, и вскоре после того, как он начал искать погибели леди Магдален, собственная жена вонзила ему нож в живот. Его арестовали за отвратительные преступления, и даже еретики преследовали его; в конце концов, он в письме просил прощения у леди Магдален. Только Господь знает, что с ним потом приключилось.

---

135 Возможно, сэр Томас Мэй (1570–1629), отпрыск пуританской семьи из западного Сассекса.

136 Вероятно, владелец манора Кобб–плейс в Беддингэме (Сассекс).

Третьим нераскаянным еретиком был Н. Бенет. Он, увидев, что ни одна из козней, учиненных им и его союзниками против благочестивой госпожи, не увенчалась успехом, в один рыночный день в Бэттле, встав на колени перед воротами дома виконтессы, изрыгал злые слова, моля Бога наказать ее и ее семью. Но то, что этот нечестивец устремлял к небесам, вскоре пало на его собственную голову. На третий день, выйдя рано поутру из дома, он утопился в яме на окраине города, у лондонской дороги. Его вынули протестанты, и, рассудив, что он умер от своей руки, зарыли как собаку при дороге¹³⁷.

В другой раз, когда, как уже говорилось, ее призвали к ответу за то, что она не ходила на еретические службы, все это не принесло ей ущерба, но, напротив, обезопасило. Ибо королевский совет в своих публичных посланиях генеральному Атторнею¹³⁸ от 19 апреля 1607 г. приказал не выносить ей никакого приговора. Поскольку эти письма подтверждают подлинную верность леди Магдален королю в светских делах, и указывают, что преследовали ее только из-за веры, я приведу здесь отрывки из них; оригиналы же находятся в моих руках. Они гласят:

В отношении леди Монтегю, супруги покойного Энтони, виконта Монтегю, недавно призванной к ответу за несоблюдение законов королевства о религии, учитывая ее знатное происхождение и старость, а также и то обстоятельство, что в правление королевы Елизаветы ее верность никогда не

137 До 1961 г. в Англии самоубийца считался преступником, имущество которого должно было отойти в казну. Самоубийц хоронили у перекрестка дорог, ночью, без отпевания.

138 Сэр Генри Хобарт (1560–1625), английский юрист, в 1606–1613 гг. — генеральный атторней.

*ставилась под сомнение, Его Королевскому Величеству¹³⁹ угодно, чтобы в старости она была свободна от преследований. Посему вам предписывается распорядиться, чтобы все обвинения, выдвинутые против нее в графстве Сассекс, или где-либо еще, были отозваны судебным предписанием *de certiorari*¹⁴⁰ в Суд Королевской Скамьи, где у вас будет власть остановить любой процесс против ее особы, основанный на этом обвинении, или любом другом, пока мы не будем полнее проинформированы.*

Таким же образом, когда под предлогом поиска участников порохового заговора протестанты несколько раз обыскивали ее дом, леди Магдален получила предписания королевского совета от 5 апреля 1606 г., подписанные десятью его членами, с распоряжением, что лишь те, кого она сама назовет, могут обыскивать ее дом. Благодаря полученным ею предписаниям она, чей дом всегда был открыт для всех католиков, и из-за этого и из-за отправлявшихся там тайнств, к которым допускались все католики, находившаяся в большей опасности, нежели другие, оказалась защищена от преследований больше, чем кто-либо еще.

В 1606 г. она находилась в Лондоне, некий протестант, увидев, как в ее дом заходит некто, кого он (напрасно) счел одним из тех, кого король провозгласил замешанным в пороховом заговоре¹⁴¹, донес об этом лордам королевского совета. Те немедленно приказали чиновникам поместить под неусыпный надзор дом леди Магдален и соседние с ним, с

139 То есть, Якову I.

140 Предписание *de certiorari* означает отзыв всех документов, относящихся к делу, из суда низшей инстанции в высшую для пересмотра решения.

141 Обыск произошел 9 апреля 1606 г. Власти искали в доме Монтегю иезуита Генри Гарнета, которого якобы видели в округе. Донесение было ложным.

двух часов утра среды по полдень субботы, и за это время тщательно обыскать ее жилище, но особенно — близлежащие строения. Капеллана леди Магдален тогда не было в доме, потому что он направлялся в Бэттл, а она сама собиралась последовать за ним, но, узнав, что двое членов ее семьи тяжело заболели, немедленно приказала запрягать лошадей и вернулась в Лондон в тот самый день, когда начался обыск. Но Господь Всемогущий хранил леди Магдален: когда ничего не подозревавший капеллан вернулся и вошел в дом, наблюдатель отлучился на четверть часа. А два дня спустя, когда для него стало слишком опасно оставаться в доме, он вышел из дома на глазах у стражников, но никто не задержал его, хотя трое из них знали, что он — священник, говорили об этом друг другу и показывали на него пальцами¹⁴².

Несколько месяцев спустя этого же священника, выходявшего из дома виконтессы в Бэттле, застиг упомянутый нечестивец Кобб и, в злобе своей исполнившись желания задержать его, стал искать лошадь, чтобы догнать его. Но Господь Всемогущий хранил леди Магдален, и не позволил ни одному протестанту даже из числа ее врагов предоставить ему лошадь, преследовать священника пешком или поднять тревогу (как принято в Англии)¹⁴³ и позвать людей в погоню. Ничего не подозревавший священник спокойно шел пешком, подумав, что назначенного ему в сопровождающие задержали. Оба эти случаи счастливого избавления священник при-

---

142 Отчет лорда-главного судьи Джона Попэма Роберту Сесилу рисует иную картину: из Монтегю-хауса бежало два человека, а не один, и произошло это потому, что дворецкий отказался впустить пришедших с обыском и запер дверь. Пока искали инструменты для взлома двери, беглецы успели уйти.

143 Согласно статуту 1285 г., все англичане были обязаны способствовать поимке беглого преступника, если того застали на месте преступления и немедленно подняли тревогу (буквально: крик).

писал благочестию госпожи, хранимой Богом, ведь если бы капеллана арестовали, ее жизнь оказалась бы под угрозой, потому что она укрывала его¹⁴⁴.

Я завершу рассуждение о таких вещах рассказом об удивительной истории, случившейся в ее доме. Там у стены стоял большой мраморный блок, в католические времена служивший алтарем. Некая женщина из любопытства пожелала осмотреть повернутую к стене сторону и наклонила камень на себя, так что он упал на нее. И хотя камень был такого большого размера и веса, что восемь человек, вооруженные крепкими рычагами, с трудом могли его передвинуть, а между нею и камнем не было ничего, что могло бы спасти ее от его падения, однако случилось так, что она не была ранена, как если бы на нее упал не огромный камень, а пуховая перина. Потом этот камень по приказу леди Магдален отнесли в часовню и снова освятили для литургии, предназначив для прежней цели. Теперь же, хоть и с грустью, нам нужно рассказать о ее смерти. Ибо кто (подобно тому, что писал Св. Иероним о Св. Павле) может рассказать о смерти леди Магдален, не прослезившись?

ГЛАВА XIV

О том, как она счастливо отошла к Богу

По благословиению Господню она прожила в страхе Божиим полных 70 лет, увидела правнуков, а всего ее потомков было около тридцати и все по милости Божией исповедывали католическую веру. На следующий день после дня ее рождения, то есть 21 января 1608 г. когда в Англии ударил

---

144 По статуту 1585 г. укрывательство католических священников могло грозить хозяевам дома длительным тюремным заключением и даже казнью.

такой сильный мороз, что Темза замерзла¹⁴⁵, и по ее льду шли люди, лошади и повозки, там жарили и ели мясо, как будто бы на земле, в то самое время (говорю я), когда всех пугали холода, леди Магдален разбил паралич. Она потеряла способность двигать правой стороной тела и с трудом разговаривала. Через два дня благоразумная дама поняла, что болезнь ее смертельна. Она не потребовала лекарств и не послала за врачами, но, позвав духовника, пожелала причаститься тех церковных таинств, которые требуются в данном случае. Причастившись же благочестиво и в спокойствии ума, и огласив свою последнюю волю и завещание, она приготовилась к смерти, прося, чтобы впредь ее больше не беспокоили мирскими делами. Однако Господь, к вящей славе Его имени, ради ее заслуг и нашего ради наставления, продлил ее болезнь на целых одиннадцать недель, то есть, до 8 апреля. Невозможно рассказать, какое терпение она выказала в это время в словах и делах, не проявляя капризов и усталости, но всегда благодарная последнему из ее слуг, если тот хоть малость для нее сделал. Порой в тягчайших муках она молила Бога дать ей побольше боли и терпения.

Она распределила среди друзей свои обычные молитвы (как я уже говорил). Она слушала мессу каждый день, и в это время ее приподнимали в постели, неукоснительно, даже в последний день жизни. У ее кровати висел серебряный позолоченный крест, или распятие, принадлежавшее некогда ее бабушке, знаменитой графине Шрусбери¹⁴⁶; она часто возводила к нему взгляд, а иногда (если могла) и руки, не произнося ни слова, но с большим благоговением. Иногда она по-

---

145 В ту зиму Темза была скована льдом с 5 декабря 1607 г. по 14 февраля 1608 г.

146 Энн Хейстингс, графиня Шрусбери (1471–1520), придворная дама королевы Екатерины Арагонской.

вторяла прошения молитвы к Отцу Нашему: *Fiat voluntas tua sicut in caelo et in terra. Dimitte nobis debita nostra, sicut et nos dimittimus debitoribus nostris. Et ne nos indicas in tentationem*¹⁴⁷. В другое время она молилась с нами, слушала чтение Страстей Христовых или благочестивых книг, порой призывая нас направить ее ум к небесам и всему небесному. Иногда она спрашивала о состоянии других больных, а когда предоставлялся случай, призывала католиков быть твердыми в вере, и иногда говорила с еретиками об обращении в католическую веру.

Насколько сильна в ней любовь к Богу, явствует из того, что однажды она, которая терпеть не могла одно лекарство, услышала, как ей, после множества безрезультатных просьб, сказали выпить его из любви к Тому, кто ради нее пил уксус и желчь, и сразу же, не дав ответа, взяла чашку и все выпила. Ведь мысль о Страстях Христовых немедленно сделала сладким то, что было для нее отвратительно.

Она совсем не боялась смерти, и с самого начала болезни нам, желавшим ее выздоровления, казалось, что она стремится умереть, а когда мы приводили ей в пример Св. Павла и Св. Мартина, которые соглашались жить ради утешения друзей, она смиренно отвечала: *на все воля Господа*. Однажды, когда она впала в забытие, ее служанка заплакала с горя; придя в себя, она отчитала ее, сказав: *не плачь обо мне, но плачь о своих грехах. Я приказываю, чтобы ты не молилась о моем здравии*. О редкая уверенность чистой совести! О презрение к этой жизни, и желание жизни будущей!

С таким терпением и благочестием леди проводила леди Магдален тяжкое время болезни, соблюдая некоторые правила, которые могут показаться особыми знаками ее служе-

---

147 Молитва Отче Наш.

ния Богу и божественного благоволения к ней. Хотя при ней не было ничего, способного производить сладкий аромат, а ее шею и руки для исцеления от паралича ежедневно растирали отвратительно пахнувшей мазью, однажды ее тело стало источать такой приятный запах, что не только католики, но даже некоторые протестанты, случайно при этом оказавшиеся, почувствовали это, и в восхищении спрашивали, откуда эта сладость. Другим он напоминал иной запах, но приятный и необычный. Мне он напоминал сладкий бальзам; так что, размышляя о запахе добродетели, оставленном ею католикам и протестантам, я посчитал, что в ей исполнились слова Книги Сираховой: *Sicut balsamum aromatizans odorem dedi*¹⁴⁸. В другой раз во время ее болезни один серьезный и благочестивый человек, преклонив колени для молитвы перед часовней, позади того места, где обычно молилась она, пять или шесть раз чувствовал исходящее из часовни дуновение самого благоуханного запаха, какой он когда-либо слышал в своей жизни. Этот аромат он уподоблял смоле бальзамова дерева, однако превосходящей любой земной запах, ибо он наполнил его радостью и удовольствием. Но почему же мы удивляемся, что столь сладкий запах исходил от места, где имела обыкновение молиться леди Магдален, когда она (по словам апостола) *была повсюду благоуханием Христовым?*¹⁴⁹

Еще одно обстоятельство кажется мне достойным упоминания: за три или четыре дня до ее смерти врачи обнадежили нас, что она может поправиться, или проживет подольше, а мы сами не видели никаких признаков близкой

---

148 Сир 24:17 Как корица и аспалаф, я издала ароматный запах. (Vulgata: Есс. 24:20).

149 2Кор 2:15.

кончины. Тем не менее, седьмого апреля, то есть, за день до смерти она попросила меня убедить других священников (нас тогда было пятеро) весь день служить о ней мессу Богородице. Я спросил у нее, чему она хотела бы посвятить мессу; она же сказала: *чтобы у меня не было другой воли, кроме Божией, и чтобы Его святая воля исполнилась во мне, при жизни, или в смерти*. О великое совершенство этой женщины, готовой жить или умереть, смотря по тому, что угодно Богу, а для себя не желавшей ничего, кроме как исполнить Его божественную волю! И что же: если до того (как я сказал) мы не видели признаков близкой смерти, то вскоре после мессы ее охватили смертные муки и не оставляли ее, пока она не покинула земную обитель. И хотя ее страдания были жестокими и продолжительными, продлившись с трех часов пополудни в четверг почти до полуночи следующего дня, восьмого апреля, когда она отдала душу Христу, она сохраняла удивительное терпение и спокойствие ума. Утром в пятницу у нее спросили, как она провела ночь, она ответила: лучше, чем когда-либо. Ибо эта благоразумная женщина увидела приближение смерти и ночь открыла ей бесконечный путь. Когда она была в чувствах, то молилась вместе с нами, держа в руке распятие, пока силы ее не оставили. В другой руке она держала освященную свечу, да так крепко, что после ее смерти пришлось применить силу, чтобы забрать ее. Последними ее словами, какие можно было разобрать, были слова Спасителя: в Твои руки, Господи, предаю дух свой. Она это и сделала, без сопротивления и сомнений, мирно, и произошло это незадолго до полуночи. В это время, как говорится в Писании, раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему¹⁵⁰. В октаву Воскресения Господа¹⁵¹

---

150 Мф 25:6.

нашего она вознеслась из юдоли слез, и поскольку ее лампа была готова, мы надеемся, что она обручилась Жениху. Ее внутренности были похоронены в Бэттле, где она скончалась, в могиле отца своего мужа¹⁵², а тело с почестями перенесли в Мидхёрст и положили в гробницу ее мужа¹⁵³.

ГЛАВА XV О ЕЕ ТЕЛЕ И ДУХЕ

Она была высокого роста, так что (как Саул среди мужей¹⁵⁴) возвышалась над женщинами среднего роста почти на голову, но держалась прямо и совсем не сутулилась до самой смерти; ее тело поддерживалось прямою разумом. Телом она была полна и плотна; голову имела круглую, казавшуюся маловатой относительно тела. Волосы ее в юности были светлыми, желтоватыми, лицо — красивым и продолговатым, с плоским лбом, взгляда острого, а глаза были орехового цвета. Она сохранила хорошее зрение в старости, так что и в последние дни дна могла разглядеть башню за пятнадцать миль, а в очках могла кроить тончайший лен. Точно в таком же состоянии были и остальные ее органы чувств. Нос у нее был прямой, заостренный и немного коротковат, а подбородок длинный. Выражение лица у нее всегда было серьезным и почтенным, а манера держать себя — прямая, сдержанная и величественная. Такова была внешняя форма ее тела.

Что же до ее разума, то она отличалась острым умом и отличной памятью, хотя она считала, что память у нее ухуд-

---

151 В 1608 г. Пасха пришлась на 6 апреля.

152 В церкви Бэттла похоронен сэр Энтони Браун и его первая жена, леди Элис (Гейдж).

153 Надгробие 1-го виконта Монтегю и двух его жен, ранее находившееся в церкви Мидхёрста, было в XIX в. перенесено в церковь соседнего прихода Избурн.

154 1 Цар 9:2.

шилась из-за упомянутой болезни. Суждения ее были глубокими, и она обладала стойкостью и мужской храбростью, так что к ней можно применить то, что написано о Св. Фоме Кентерберийском: она была кроткой с кроткими, но с могущественными и гордыми, она выглядела величественной и властной. До сих пор я, в меру своих способностей, описывал жизнь этой благочестивой женщины; теперь же послушаем мнения о ней других.

ГЛАВА XVI

МНЕНИЯ О НЕЙ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ

Во-первых, достопочтенный архипресвитер Англии, мистер Джордж Биркхед¹⁵⁵, в адресованном мне письме оплакивал ее смерть, словно кончину (говорил он) матери в Израиле¹⁵⁶, а священники в Англии повсюду восхваляли ее как благородную покровительницу святой веры и украшение католической религии в королевстве. Хорошо знавший ее в прошлом католик, известный великим благочестием и рассудительностью, навестил ее во время болезни и, увидев ее удивительное терпение и набожность, сказал, что ни за какие деньги не согласился бы упустить вид такой добродетели.

Однако, самые ясные и очевидные свидетельства добродетели леди Магдален можно, прежде всего, обнаружить в письмах нынешнего благородного виконта Монтегю. Его свидетельство тем более важно, что она была мачехой его отцу, а он сам (что подтвердят все, кто знает его) не поддается лести и является стойким исповедником католической веры, за что многократно подвергался аресту, и ко времени

155 Джордж Биркхед (1553–1614) — католический священник. В 1608–1614 гг. архипресвитер (глава миссионеров) в Англии.

156 Аллюзия на библейскую Девору (Суд 5:7).

издания сего труда есть узник в собственном доме¹⁵⁷. Этот достойный человек за год до смерти леди Магдален, отправляя к ней дочерей¹⁵⁸ с визитом, написал ей следующее:

Возлюбленная госпожа моя и бабушка,

Как я обещал в прошлых письмах, теперь я со всем смирением и почтением оправляю моих детей к Вашему Сиятельству, сильнее всего желая, чтобы они своими поступками по отношению к Вашему Сиятельству сумели отчасти выразить то тщание, с каким я всегда старался взрастить в них любовь и уважение к вашей благороднейшей особе, с тем, чтобы они и я воздали должное той, чьи забота и нежная привязанность стали главным земным орудием, сохранившим жизнь моему отцу и мне (как я отчасти слышал, а отчасти испытал на себе), и признали ее многочисленные заслуги в делах имущественных и других, более важных, способствовавших примирению с моим благородным дедом, и сохранению (при всякой возможности) его желанной милости. Едва ли можно найти хоть одну многодетную мать, пусть и равную ей по добродетелям, какая сделала бы то же самое. Это, несомненно побуждает меня почитать Вашу особу и восхищаться Вами.

В других письмах, тоже написанных в 1606 г., в ответ на просьбу леди Магдален согласиться стать исполнителем ее последней воли и завещания, он сказал: хотя и не желая увидеть печальный день смерти виконтессы, однако если будет на то Господня воля, то *со всей верностью* (говорил он), *хранимой в моем сердце, я обещаю исполнить это ради Вашего*

157 2-й виконт Монтегю находился под арестом в 1594–1595, 1597–1600, 1604, 1605–1606 и 1611гг. В 1609 г. в доме Монтегю проводились обыски; возможно, его передвижения были временно ограничены, однако свидетельств, подтверждающих факт домашнего ареста, нет.

158 Видимо, речь шла о старших дочерях виконта Мэри и Кэтрин.

Сиятельства. И он и в самом деле исполнил обещанное. Ибо он не просто выполнил условия ее завещания, но пожаловал траурные одежды всей ее свите, раздал большую сумму денег на помин ее души, содержал всю свиту леди Магдален в течение трех месяцев, некоторых из ее доверенных людей взял к себе, а других вознаграждал пенсиями за верную ей службу. Такова была любовь между ним и виконтессой, и они могут служить примером всем мачехам и пасынкам. В этом заключалось достойное свидетельство нынешнего виконта относительно добродетелей леди Магдален.

Уважение к ней высказывала и достопамятная королева Мария. Ее суждение в этом вопросе разделяла ее сестра, королева Елизавета (хотя почти во всем остальном они расходились). Ибо вот что написала от ее имени леди Скьюдмор¹⁵⁹, дама королевской опочивальни, леди Магдален: *королева приказала мне сообщить Вашему Сиятельству, что, по ее убеждению, она благополучна вашими молитвами и потому желает, чтобы вы всегда поминали ее в них*. Из уже приведенных писем видно, какое почтение питал к ней королевский совет. Худшим же из сказанного о ней в осуждение после ее смерти ее врагами-протестантами, было то, что, несомненно, являлось высшей честью, а именно, что она была ревностной паписткой.

Я завершу свидетельства о ней суждением одного достойного католика, который при ее жизни, казалось, мало благоволил к ней, но услышав о ее смерти, немедленно сказал: *подобных ей нет во всей Англии*. Поистине, к ней мы можем применить слова Св. Августина, сказанные им о матери, Св. Монике:

---

159 Мэри Шелтон (1550–1603), дальняя родственница Елизаветы I, дама ее опочивальни. Жена сэра Джона Скьюдмора, знаменосца отряда телохранителей королевы (*gentlemen pensioners*).

Любой из знавших ее слуг (о Господи!), в ней восхвалял, почитал и любил Тебя, ибо видел Твое присутствие в ее сердце, свидетельством чему были плоды ее святых бесед. Она была женой своего мужа, нежно любила родителей, благочестиво управляла домом, имела репутацию благотворительницы, она хорошо воспитала детей, и когда она видела, что они отходят от Тебя, это причиняло ей новые родовые муки¹⁶⁰.

Все это справедливо по отношению к нашей благочестивой даме, что вместе со мной засвидетельствуют все знавшие ее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теперь же сосуд Магдален разбит, и дом наполнен ароматом ее мира¹⁶¹, разбился светильник Гедеонов¹⁶² и свет его ослепил мадианитян¹⁶³, тело же нашей Магдален распалось и ее редчайшие благоуханные добродетели распространяются ярче и обильнее, чем раньше. Англия может горевать, ведь она потеряла столп церкви, достойное украшение веры и редкий пример добродетели. Однако ей скорее подобает радоваться, что она некогда была у нее, да и сейчас имеет. Сама же леди Магдален может радоваться, ибо обрела то, чего так долго желала: оставив мир, она, наконец, полностью соединилась с Богом. Она — несомненно, была счастлива в мирских делах: она была знатного рода, замужем за человеком доброй славы и происхождения, благословлена долгой жизнью и достойным потомством. Была она и счастлива телесно,

---

160 **Confessions. L.9 C.9.** Бл. Августин. Исповедь. Кн.9. Гл.9. Этот не прямая цитата, а пересказ содержания главы.

161 Мк 14:3.

162 Суд 7:20.

163 Суд 7

ибо Господь наделал ее крепким, красивым и здоровым телом. Счастлива была она и духовно, награжденная острым умом, прекрасной памятью, рассудительностью, стойкостью и мужской смелостью. Счастливее же всего была она в Боге, даровавшем ей столько благодати, чтобы ее родовитость, благородство, брак, богатство, потомство и, наконец, все дары телесные и духовные, пошли ей во благо, ко славе Господней и ее вечному счастью. Если же (как гласит Писание) блаженны умирающие в Господе, то сколь же благословенной должны мы счесть эту женщину, не только умершую, но и жившую в Боге, и не краткое время, но всю свою жизнь, и не равнодушно, а благочестиво и набожно, и это в стране Уц¹⁶⁴, где теперь время и власть тьмы¹⁶⁵, где благочестие сурово подавляется, а греху дана свобода. Отдыхай ныне, о Магдален, от своих трудов, частых постов и ежедневных молитв, и других проявлений благочестия, отдыхай от неутолимой ненависти, проклятий, обвинений и гонений еретиков. Твои труды милосердия, благочестия, целомудрия, смирения, веры, надежды и любви следуют за тобой. Поскольку эта благочестивая вдова была взята (как я надеюсь) в лучшую жизнь накануне успения той святейшей вдовы, Св. Моники, которой ее можно уподобить, я закончу свое сочинение о ней словами Св. Августина о своей матери, Св. Монике:

Хотя, ожив во Христе, она, еще не разрешившись от тела, жила так, что прославлялось Имя Твое (о Господи) в ее вере и нраве, я не осмеливаюсь сказать, что с того времени, как Ты возродил ее крещением, не вышло из ее уст ни слова, противного заповедям Твоим; и горе даже похвальной человеческой жизни, если, отринув милосердия, Ты разберешь ее в

---

164 Иов 1:1

165 Лк 22:53

мельчайших частях. И потому, Боже сердца моего, забыв на короткое время о добрых делах ее, за которые в радости воздаю Тебе благодарность, теперь умоляю Тебя за грехи моей (госпожи): услышь меня во имя Излечившего раны наши, Висевшего на кресте и Сидящего одесную Тебя. Она хотела только поминания у алтаря Твоего, которому служила, не пропуская ни дня, ибо знала, что там подается Святая Жертва, которой отпускаются наши долги, и к этому Искупительному Таинству прикрепилась верой душа слуги Твоей. О Господь мой Боже, внуши рабам Твоим, братьям моим, сынам Твоим, господам моим, чтобы всякий раз, читая это, поминали они у алтаря Твоего (леди Магдален), слугу Твою, вместе с (Энтони), некогда супругом ее. Аминь¹⁶⁶.

О дне и месте рождения, смерти и похорон леди Магдален, виконтессы Монтегю.

На двадцатый день января она сделала первый вдох;
Восьмого апреля она испустила дух и была погребена;
Навард дал в мир то, что Бэттл забрал
И в Мидхёрсте упокоилось ее тело до Страшного Суда.

Конец

---

166 **Confessions. L.9C.13.** Сокращенная цитата. Пер. с лат. М. Сергеенко.

SUMMARIES

A.V. TARASOVA

SPIRITUAL AND BODILY NOURISHMENT SPIRITUAL. FOOD AND ITS INTERPRETATIONS IN THE “MIRACLES OF ST BENEDICT” AND THE “LIFE OF ST ABBO” (FRANCE, EARLY 11TH C.)

The author looks into two early 11th -century Latin texts produced by the monks of the Benoît Abbey in Fleury-sur-Loire, finds and analyses episodes where food has been mentioned: everyday struggles to procure food, lavish feasts, food provisions as spoils of war, food as means to encourage the Abbey’s defenders, as well as stories of sinners punished and of the signs of divine providence, in which food played a role. Choice of words that signified food is analysed, as well as verbal constructs, which are used to produce characteristics linked to food, its taste etc.

O.I. TOGOEVA

WHY DO FRENCH CHILDREN SOMETIMES SPIT FOOD? CASE OF POSSESSION OF LAURENT BOISSONNET (FRANCE, 1582)

The article analyzes the only case of a child possessed ever recorded in early modern French texts. The analysis of this case described by the exorcist Charles Blendecq in 1582 allows the author to speculate about the perception of the phenomenon of possession by the French commoners and by the representatives of the Catholic Church in the late 16th century, to try to understand where the line ran between the supernatural and the earthly for these people, between the devil’s obsession and the disease, what words described this state and how explicit in this era was the expression of physical suffering.

A.YU. SEREGINA

WHAT DOES THE DEVIL SMELL LIKE? POSSESSION, EXORCISM AND RELIGIOUS POLEMICS IN THE LATE 16TH — EARLY 17TH C. ENGLAND

The article presents an analysis of English texts of the late 16th — early 17th cc., Protestant and Catholic, which discussed demonic possession, and in particular, descriptions of the appearance of demons and the devil, and the sensual aspects of these descriptions. The transformation of traditional religiosity that took place at the age of Reformation changed sensory practices linked to it. This trend revealed itself in the early Modern demonology. The author discusses changes in the representations of demons, who lost their “physicality”, and, with it, such aspects as odour, and the links between these representations to polemical strategies of pamphleteers heavily engaged in confessional polemics.

A.V. STOGOVA

THE SMELL OF WORDS: THE SENSE OF LANGUAGE IN THE WORKS BY FRANÇOIS DE CALLIÈRES

The article belongs to the field of the history of senses and discusses written and oral speech as sensual and emotional experiences. The study is focused on the texts by François de Callières on the manner of speech published in the late 17th c. The article shows how Callières analysed the manners of speech adopted by his contemporaries, which sensual characteristics he ascribed to them, and how the sensual aspect of speech became a way to construct social hierarchies and an image of ideal man in the texts.

S.E. SIDOROVA**HOWLS OF JACKALS AND THE STENCH OF GREEN BUGS: BRITISH INDIA BY TASTE, EAR AND SMELL**

The article aims to examine the problems of sensory perception of an unfamiliar Eastern world by the Europeans in the 1st half of the 19th century. It mainly focuses on the group of the British newcomers to Indian colonial scene. Being unaccustomed to Indian ways and peculiarities they were given a name of *griffins*. Basing on the analysis of two narratives — private letters of Julia Maitland from India (1836–1839) and a burlesque poem “Tom Raw, the Griffin” (1828) the author reveals the affective practices in and around the European and Indian cultural encounter, as well as mechanisms of adaptation of the *griffins* to alien reality and their integration into the group of Anglo-Indians who have already got used to it. Strange body sensations together with speculative prejudices against different ways of life and thinking gave impetus to negative emotions that ranged from irritation to disgust and horror. These feelings deliberately provoked and encouraged by Anglo-Indians were intended to keep distance between foreign rulers and local colonial subjects and served as instruments for the former to demonstrate superiority and affirm their right to control and teach the latter.

YU. E. BARLOVA**“THE VOICES OF POVERTY”: ENGLISH PAUPERS’ REQUESTS FOR POOR RELIEF IN THE 18TH — THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES**

The history of poverty in modern times is told, as a rule, not by the poor, who were rarely allowed to “speak for themselves”, but rather through the “voices of the rich”: evidence provided by the better-off. The article analyses a unique group of sources, letters men and women in need who asked parish overseers for poor

relief. The paupers' letters are investigated not only as "first-hand" testimony about everyday lives of the labouring poor, but also as examples of the lowest level of written communication with wealthier citizens, as a unique mixture of texts and voices, conveying thoughts, emotions and feelings in a "language" of the poor.

B.L. SHAPIRO

LIMITS OF MASCULINITY IN THE RUSSIAN MILITARY UNIFORM AND COURT COSTUME OF THE 18TH C.: CLOTH AGAINST LACE

The article explores the dynamical transformation of gender limits in the 18th-century Russian culture. Costume is chosen as a marker, which helps define contours of a "new masculinity" in the 18th c. Russian courtly fashion is compared to its prototype from Versailles; the latter's fluent adaptations and original interpretations are revealed.

A.YU. SEREGINA

FEMALE BIOGRAPHY AND THE CATHOLICS RELIGIOUS CULTURE IN THE 17TH C. : THE "LIFE OF LADY MONTAGUE"

The article discusses the "Life of Viscountess Montague" by Richard Smith (1627), the first published biography of an early modern Catholic Englishwoman. The author analyses the models of female behavior suggested by R. Smith to his readers, as well as the ways to shape their religious practices in accordance with the priorities of the post-Tridentine Catholicism. A Russian translation of the "Life of Lady Montague" is published below.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ

В альманахе гендерной истории «Адам & Ева» публикуются различные материалы по гендерной исторической проблематике: исследовательские статьи и сообщения (включая публикацию источников), историографические и тематические обзоры, рецензии, научные хроники. К рассмотрению принимаются материалы по всем аспектам гендерной истории, без ограничений по хронологии и региону исследования.

Альманах выходит один раз в год (ноябрь–декабрь). Объем каждого выпуска альманаха составляет около 20 а.л.

Все материалы, присланные в редколлегию, проходят внутреннюю рецензию. Материалы, оформленные не в соответствии с указанными ниже правилами, *не принимаются* к рассмотрению. При передаче рукописи статьи для опубликования в альманахе презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте альманаха в системе Интернет, а также данных об авторе (ФИО, место работы, должность, e-mail), аннотаций статьи на русском и английском языках и ее титула, списка использованных источников и литературы в отечественных и международных базах данных (РИНЦ, Web of Science, Web of Knowledge).

Прием статей и других материалов для публикации в альманахе осуществляется круглый год. Текущие выпуски формируются из статей, присланных в редакцию до конца июня каждого года. Материалы можно высылать на электронный адрес редакции: genderhistory@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Объем статьи или заметки от 0,5 до 2 а.л. (20 000 — 80 000 знаков, включая пробелы между словами). Гарнитура текста — Cambria (заголовки), кегль 11. Если Вам необходимо использовать особые символы, пожалуйста, пришлите дополнительные шрифты одновременно со статьей.

Вместе со статьей необходимо прислать:

- краткие (один абзац до 1 000 знаков) аннотации на русском и английском языках с заголовком, набранным строчными буквами;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- информацию об авторе (Ф.И.О., уч. степень и звание, место работы, должность, контактный телефон, e-mail).

В конце статьи необходимо привести список использованных источников и литературы в алфавитном порядке, а также список используемых сокращений.

Иллюстративные материалы (карты, схемы, рисунки, фотографии) предоставляются отдельным файлом в формате *.jpg (предпочтительно) или *.tiff, *.bmp, *.png.

Сноски даются в подстрочных постраничных примечаниях со сквозной нумерацией. Кегль 9. Просьба не использовать в сносках такие сокращенные формы как: Там же. Он же/Она же. Ibid. Idem/Eadem. Источники и научная литература в библиографическом списке упорядочиваются по алфавиту отдельными списками («источники» и «литература»). В библиографических описаниях возможно использование устоявшиеся аббревиатуры для обозначения изданий, если они расшифровываются в списке сокращений, прилагаемом после списка используемых источников и литературы.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СНОСОК

Фамилия автора или краткое название сборника, библиотеки или архива, где хранится рукопись (жирным шрифтом). Год издания: страница (для видео — минуты)

Иванов. 2008: 34.

Университет для России. 1997: 35.

Эйзенштейн. 1925: 17-19 мин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1750: 5-9.

Ларошфуко. 1993: 39 (**La Rochefoucauld.** 1878: 104)

Patin. 2006. Lettre à C.Spon du 31.03.1649. V.1: 373-374.

Bonnart. s.d. — **Bonnart N. Marie Casimir Reine de Pologne.** s.d. BM. 1917,1208.3557

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИИ

В СПИСКЕ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

✧ Рукопись — Краткое название архива, библиотеки (жирным шрифтом). Данные архивного дела или шифр библиотечного фонда. Название рукописи.

РГАДА. Ф. 96 (Сношения России с Швецией). Оп. 1. Кн. 3.

VL. Add. MS. 5503. Copies of Letters of Frances Bacon.

✧ Видео — Фамилия режиссера или название (жирным шрифтом). Год выхода. Тире. Фамилия режиссера. Название. Год создания.

Тарковский. 1983 — **Тарковский А.А. Борис Годунов.** 1983.

Rickman. 2015 — **Rickman A. A Little Chaos.** 2015

✧ Книга — Фамилия автора. Год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора курсивом. Название. Место издания. Год издания.

Вайнштейн. 2006 — **Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни.** М., 2006.

Монтень. 1960 — Монтень М. Опыты: в 3 кн. / Пер. и примеч. Ф.А. Коган–Берштейн, А.С. Бобовича. М., 1960. Т. II. (Литературные памятники)

Apps, Gow. 2003 — Apps L., Gow A. Male Witches in Early Modern Europe. Manchester, 2003.

✧ Статья в сборнике статей — Фамилия автора (жирным шрифтом) и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора. Название статьи (без точки), две косые черты, название сборника, косая черта, редактор (инициалы, затем фамилия). Место издания. Год издания. Страницы.

Градскова. 2003 — Градскова Ю. «Освобождение женщины» — гендерный анализ репрезентаций женской телесности в годы культурной революции (по материалам журналов 1920-х годов) // Репрезентации телесности: сборник научных статей / Под ред. Г.И. Зверевой. М., 2003. С. 148-160.

Bruard–Arends. 2004 — Bruard–Arends I. De l’auteur à l’auteure, comment être femme de lettres au temps de Lumières // Intellectuelles : du genre en histoire des intellectuels / Sous dir. de N. Racine et M. Trebitch. P., 2004. P. 73-84.

✧ Статья в журнале — Фамилия автора (жирным шрифтом) и год издания. Тире. Фамилия и инициалы автора. Название статьи (без точки), две косые черты, название журнала (полное или аббревиатура, вынесенная в общий список сокращений). Год издания. Том. Номер. Страницы.

Руднева. 2010 — Руднева Я.Б. Женские саморепрезентации в деловой документации начала XX века // Диалог со временем. 2010. Вып. 31. С. 98-131.

Schaps. 1982 — Schaps D. Women of Greece in Wartime // Classical Philology. 1982. Vol. 77. № 3. P. 193-213.

✧ Интернет источники — Описываются так же, как вышеуказанные типы. Название интернет-портала: гиперссылка (дата последнего обращения)

Annibale Pocaterra. 1592 – Two dialogues on shame. English translation of: Annibale Pocaterra Due Dialogi della Vergogna Ferrara 1592. Herzog August Bibliothek: <http://diglib.hab.de/edoc/ed000237/start.htm> (12.08.2016)

Tabloid: Sex in Chains. 2012 – Morris E. Tabloid: Sex in Chains. 2012. BBC: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b01f13f6> (28.05.2017)

Swope. 1961 – Swope M. Ethel Ayler in the stage production The Blacks. 1961. The New York Public Library (Martha Swope photographs): <https://digitalcollections.nypl.org/items/2ec90590-438e-0133-17e9-00505686a51c> (21.12.2016)

Редколлегия

АДАМ & ЕВА
Альманах гендерной истории
2018
№ 26

Тарасова А.В. DOI: 10.32608/2307-8383-2018-26-6-24
Тогоева О.И. DOI: 10.32608/2307-8383-2018-26-25-40
Серегина А.Ю. DOI: 10.32608/2307-8383-2018-26-41-66
Стогова А.В. DOI: 10.32608/2307-8383-2018-26-67-110
Сидорова С.Е. DOI: 10.32608/2307-8383-2018-26-111-159
Барлова Ю.Е. DOI: 10.32608/2307-8383-2018-26-160-179
Шапиро Б.Л. DOI: 10.32608/2307-8383-2018-26-180-206
Баудовиния (Бикеева Н.Ю.) DOI: 10.32608/2307-8383-2018-26-207-225
Серегина А.Ю. DOI: 10.32608/2307-8383-2018-26-226-245
Р. Смит (Серегина А.Ю.) DOI: 10.32608/2307-8383-2018-26-246-309

Л.Р.ИД №01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 26 декабря 2017 г.
Гарнитура Таймс. Объем – 20 п.л.
Тираж 300 экз.
Заказ №